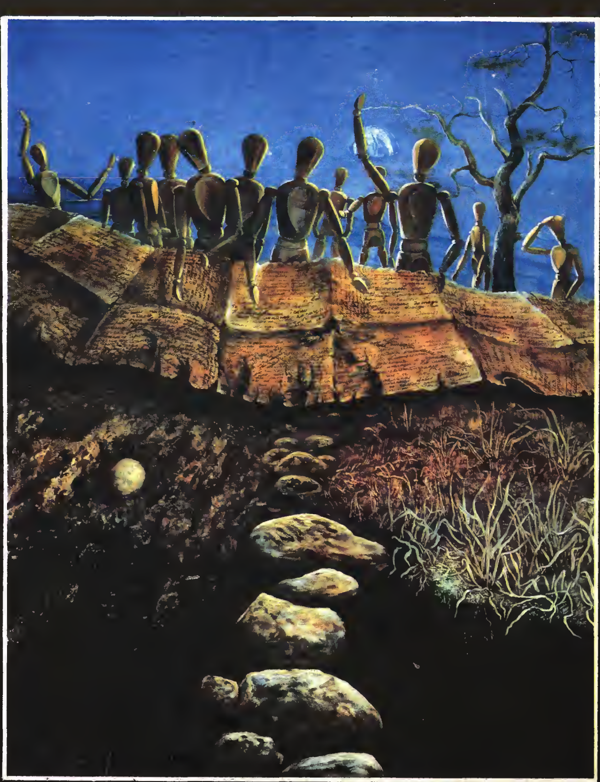
НАУКА И РЕЛИГИЯ

6

1991

ISSN 0130-7045

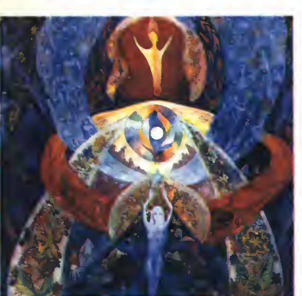
В НОМЕРЕ:

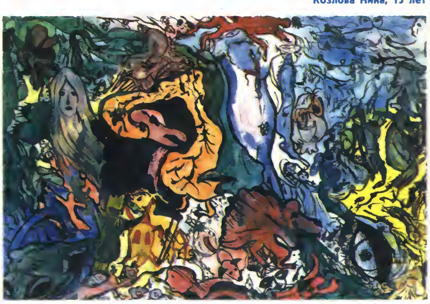
Румянцева Света, 10 лет

Их творчество восхищает многих. Но их мысли, речи настораживают и...пугают. Так кто же они, «раильтяне», — маленькие гении или...? Над этим размышляет наш автор в публикации о ленинградской школе воспитания искусством и науками на с. 38

Есаулова Юля, 12 лет

Козлова Нина, 15 лет

Козлова Нина, 15 лет

Королева Саша, 15 лет

В номере

НАУКА И РЕЛИГИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ — ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ»

РЕГИСТРАЦИОННЫЙ НОМЕР 732 ЗАРЕГИСТРИРОВАН ГОСУДАРСТВЕННЫМ КОМИТЕТОМ СССР ПО ПЕЧАТИ

Июнь '91

6

Издается с сентября 1959 года

На первой странице обложки. Картина Б. МИТАВСКОГО «Притча». О ней читайте на с. 23

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Адрес редакции:
109004, Москва, Товарищеский пер., 8

Телефоны
272-25-57
272-40-91

Сдано в набор 27.03.91.
Подписано к печати 03.06.91.
Формат 60×90/8
Бумага офсетная № 2.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 8,0.
Усл. кр.-отт. 9,75
Уч.-изд. л. 11,62.
Тираж 797 947 экз.
Заказ 01070061.
Цена 1 р.
(по подписке 60 к.)

Журнальный комплекс издательства «Радянська Україна». 252146, Киев-146, ул. Героев космоса, 6.

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

НОВЫЕ АКЦЕНТЫ СТАРОЙ ТЕМЫ

Мы уже затрагивали на страницах журнала некоторые важные аспекты взаимоотношений церкви и государства в беседах с председателем подкомитета Комитета Верховного Совета СССР по законодательству А. Е. Себенцовым и председателем Комитета Верховного Совета РСФСР по свободе совести, вероисповеданиям, благотворительности и милосердию В. С. Полосиным. Сегодня наш собеседник — заведующий отделом Института религиоведения АОН при ЦК КПСС Юрий Петрович ЗУЕВ.

— В ряду новаций перестроечных лет, несомненно, одной из самых неожиданных, трудно примиримых со сложившимися представлениями о месте церкви в общественной жизни, явилось избрание священнослужителей в органы Советской власти. Ведь согласно действующей Конституции и принятым осенью прошлого года закону СССР «О свободе совести и религиозных организациях» и закону РСФСР «О свободе вероисповеданий», принцип отделения церкви от государства сохраняется. Но тогда либо избрание священнослужителей народными депутатами есть нарушение этого принципа, либо бытовавшее до сих пор представление о его существе ошибочно, требует уточнения.

— Введенное Конституцией СССР 1936 года в с е о б щ е е избирательное право распространялось, естественно, и на духовенство. Однако вплоть до 1989 года в стране не было ни одного случая выдвижения кандидатом в депутаты профессионального священнослужителя (т. е. лица, для которого культовая деятельность является основным источником средств существования) ни от трудовых коллективов, ни от общественных организаций (например, от Советского комитета защиты мира), не говоря уж о религиозных организациях. Одной из причин такого положения было не отсутствие у священнослужителя права баллотироваться в качестве кандидата в депутаты, а отсутствие права у религиозных организаций выдвигать кандидатов в депутаты от своего имени как гарантии невмешательства церкви в дела государства. Впрочем, эту юридическую тонкость вряд ли кто воспринимал всерьез, если даже и сознавал ее. Именно этим, между прочим, и была продиктована необходимость записи в «Законе о выборах народных депутатов СССР» 1988 года положения о том, что священнослужители могут быть выдвинуты кандидатами в депутаты от общественных организаций. Тем самым снималось неправовое ограничение их как граждан.

— Но как же быть с принципом отделения церкви от государства, с гарантиями ее невмешательства в дела государства?

— Наивно делать вид, будто выдвинутый какой-либо светской общественной организацией или избирателями по месту жительства священнослужитель уже в силу этого не является представителем религиозной организации. Этот формальный момент не может изменить существа дела. Весь ход избирательной кампании, мотивы выдвижения священнослужителей кандидатами в депутаты и голосования за них избирателей, их предвыборные платформы и депутатская деятельность — все это достаточно убедительно свидетельствует о том, что они воспринимаются и избирателями, и коллегами-депутатами, и сами себя осознают и действуют прежде всего как представители религиозных организаций.

Однако представлять интересы религиозных организаций в органах власти могут не только священнослужители. Сейчас, когда создаются действительно демократические условия проведения избирательных кампаний, в органы народовластия могут быть избраны и верующие-миряне. Кроме того, в условиях политического плюрализма неизбежно появление организаций и движений, в том числе политических партий на конфессиональной основе. Будучи официально признанными, они получают право выдвигать от своего имени кандидатов в народные депутаты. Но ведь и предназначение органа представительной демократии и состоит в том, чтобы отражать интересы всех групп населения страны и, согласуя их, находить оптимальные решения. А вот будут ли и в какой степени учтены позиции и интересы, в данном случае представителей церкви, зависит от того, насколько они созвучны позициям других депутатов, а также — каков «вес» их собственной «фракции» в органе власти. То есть демократические нормы и процедуры, если они эффективно функционируют, являются надежными гарантами от политического диктата и экстремизма с чьей бы то ни было стороны, в том числе и со стороны церкви.

С этой точки зрения, очевидно, нуждается в корректировке тезис о недопустимости «вмешательства» церкви в дела государства. Если под «вмешательством» иметь в виду попытки деструктивного воздействия на нормальное, основанное на законе функционирование государственных органов, то ясно, что оно недопустимо не только со стороны религиозных организаций, но и со стороны любых других общественных образований и лиц. Если же попытки (чисто гипотетические) религиозных организаций провести своих представителей в выборные органы власти квалифицировать как вмешательство в дела государства на том основании, что эти организации от него отделены, то отсюда следует, что те светские общественные организации, которым предоставлено право выдвигать кандидатов в депутаты от своего имени, от государства не отделены, то есть являются государственными. Впрочем, так оно и было. Профсоюзы, комсомол, другие общественно-политические и общественные организации в условиях тоталитарного режима фактически служили «приводными ремнями» партийно-государственной системы, то есть были огосударствлены. Исключение составляла церковь — отделенная от государства.

— Достаточно распространено представление, будто отделение церкви от государства есть некая репрессивная мера в отношении религиозных организаций.

— Если иметь в виду Русскую православную церковь в ситуации 1917—1918 годов, то это действительно было именно так, ибо тогда дело заключалось в лишении РПЦ государственных функций и привилегий, которыми она была наделена самодержавием. В принципиальном же плане отделение церкви от государства есть позитивный демократический акт их взаимного освобождения, размежевания, разграничения функций. Наиболее четко и лаконично оно раскрыто в законе СССР «О свободе совести и религиозных организациях». В специально посвященной этому вопросу статье закона (ст. 10) отделение церкви от государства раскрывается следующим образом: государство не возлагает на религиозные организации выполнение каких-либо государственных функций, не вмешивается в деятельность религиозных организаций, если она не противоречит законодательству, не финансирует деятельность религиозных организаций, как и деятельность по пропаганде атеизма; со своей стороны, религиозные организации не претендуют на выполнение государственных функций.

Здесь, правда, необходимо учитывать одно обстоятельство. Отказ государства финансировать деятельность религиозных организаций, строго говоря, не является непременным условием отделения церкви от государства. Так, в ряде стран Центральной Европы, входивших до недавнего времени в систему социалистического содружества,— Болгария, Чехословакия, ГДР и другие,— хотя, согласно их конституциям, церковь и отделена от государства, духовенство получало от него денежное содержание. Вообще материальная поддержка государством тех или иных общественных институтов не является безусловным признаком того, что они — «государственные», действуют под руководством государственных органов, являются проводниками их политики. Например, во многих странах Запада (Германия, Франция, Швеция и др.) государство оказывает финансовую помощь официально зарегистрированным политическим партиям во время избирательных кампаний. Разгосударствленные, согласно указам Президента СССР, учреждения АН СССР и вузы не лишаются тем не менее целевого финансирования из госбюджета. Конечно, во всех этих случаях возрастает требование справедливости к распределению государственных средств между указанными общественными институтами, а лишение всех их государственных дотаций облегчает задачу. Последний вариант и избрал высший законодательный орган СССР в отношении религиозных организаций.

— Видимо, не следует абсолютизировать отделение церкви от государства, полагать, что это отделение исключает возможность какого бы то ни было взаимодействия между ними?

— Конечно, ведь государство, как известно, представляет собой целостную систему законодательной, исполнительной и судебной власти, функционирующую посредством соответствующих учреждений, органов, нормативных актов и т. д. Деятельность религиозных, как и других организаций, не может нормально протекать без сотрудничества с этой системой. Так, материально-хозяйственное обеспечение религиозных организаций невозможно без их взаимодействия с органами исполнительно-распорядительной власти. В соответствии с новым законодательством, социальное обеспечение и социальное страхование граждан, работающих в религиозных организациях, включая и священнослужителей, осуществляется через Фонд государственного социального страхования и Пенсионный фонд СССР за счет соответствующих отчислений религиозных организаций. Посредством правоохранительных и судебных органов государство берет под защиту законные права и интересы религиозных организаций. Возникшая в новых условиях практическая возможность избрания в представительные органы власти граждан, имеющих прямое или косвенное отношение к религиозным организациям, открывает для них возможность участвовать в выработке общегосударственной политики, а также в решении вопросов местного самоуправления.

— Насколько активно пользуются религиозные организации своим правом участия в политической жизни страны?

— Во время выборов народных депутатов в республиканские и местные Советы в 1990 году значительную активность проявили представители мусульманского духовенства (было избрано 55 человек) и лютеранские пасторы, особенно в Эстонии (здесь избрано депутатами 10 человек). Что касается Русской православной церкви, то хотя в абсолютных цифрах число баллотировавшихся и избранных священнослужителей выглядит довольно значительным (192 человека), однако в целом степень их активности явно уступает активности мусульманских и лютеранских духовных лиц. Достаточно сдержанной была и позиция руководства РПЦ относительно участия священнослужителей в избирательной кампании и в депутатской деятельности.

Дело в том, что церковные каноны запрещают духовенству заниматься политической деятельностью. Указания на это имеются в Апостольских правилах, а также в постановлениях IV и VII Вселенских соборов. Например: «Епископ или пресвитер, или диакон да не приемлет на себя мирских попечений. А иначе да будет извержен» (6-е правило), «Рекли мы, яко не подобает епископу или пресвитеру вдаваться в народные управления, но неупустительно быть при делах церковных... Ибо никто не может двум господам работати по Господней заповеди» (11-е правило). Правда, положения канонов носят не «директивный», а скорее рекомендательный характер.

Состоявшийся в октябре 1989 года Архиерейский собор решал дилемму: как далеко может идти церковь по пути принятия ответственности за политические решения без того, чтобы ставить под сомнение свой пастырский авторитет; но в то же время — позволительно ли для церкви отказываться от участия в законотворчестве и от возможности оказывать нравственное воздействие на политический процесс, когда от принятия решения зависит судьба страны. В результате обсуждения было признано, что включение представителей клира и иерархии в избирательный процесс должно подлежать регулированию со стороны руководства церкви: Священный Синод решает вопрос о целесообразности участия того или иного епископа в выборном органе власти, а правящий архиерей — тот же вопрос в отношении духовенства своей епархии. Это еще одно свидетельство того, что духовенство представляет в Советах религиозные организации.

Что касается таких крупных протестантских объединений в нашей стране, как Церковь евангельских христиан-баптистов и Церковь адвентистов седьмого дня, то хотя во время выборов в республиканские и местные Советы в 1990 году депутатами стали двенадцать их членов, среди них нет представителей союзных и региональных центров этих церквей, среди избранных — пресвитеры и проповедники, как правило, занятые в общественном производстве. Официальная же позиция этих церквей по данному вопросу в целом довольно сдержанная. Представители Церкви АСД скептически относятся и политической активности священнослужителей, особенно руководителей церкви. Впрочем, она не лишает своих членов права иметь собственное мнение и поступать в соответствии с ним.

— Чем, по вашему мнению, определяется неоднозначность отношения различных конфессий к депутатской деятельности их представителей?

— Я думаю, различиями в понимании путей и условий реализации человеком своего призвания. Тем, насколько «погруженность» человека в жизнь «мира» соответствует пониманию его подлинного и конечного призвания той или иной конфессией, способствует или препятствует, с ее точки зрения, вовлеченность в дела и заботы общества исполнению верующим своего долга перед богом, а значит, и спасению.

Для ислама как религии последовательно монотеистической и монистической не существует той дихотомии, которая в той или иной мере присуща различным направлениям христианства. С точки зрения ислама, мир един, вся его «структура» пронизана духом и волей Всевышнего. Поэтому исламу чуждо какое-либо противопоставление социальной деятельности человека и его служения Аллаху. Всякая деятельность в обществе есть по существу служение Ему. В мусульманских странах политические партии не выступают как светские политические организации мусульман (что широко распространено в западных — «христианских» — демократиях, где христианские партии, действительно, являются светскими, внецерковными организациями христиан), но являются именно религиозно-политическими организациями.

Католицизму и православию свойственно более или менее последовательное и глубокое противопоставление духовной и материальной, небесной и земной (социальной), божеской и человеческой сторон бытия. Выражением этого принципа является евангельский призыв «не любите мира, ни того, что в мире». Институт монашества с его обетами нестяжания, целомудрия и послушания представляет собой одну из наиболее последовательных попыток его воплощения.

Этот исходный принцип христианского мировоззрения привносит определенную заданность в отношение современного православия и современного католицизма к «мирским проблемам». Однако конкретные исторические условия развития этих направлений христианства, их социальный опыт так или иначе модифицировали этот принцип, что, в частности, и проявляется в отношении современного руководства РПЦ к участию ее клириков в общественно-политической жизни.

Церкви евангельских христиан-баптистов и адвентистов седьмого дня представ-

ляют собой протестантское направление в христианстве, для которого характерно активное отношение к «мирской» жизни, где каждый верующий через собственные успехи должен получить свидетельство благорасположения к нему бога, свидетельство «избранности». Однако опыт существования на положении политических изгоев в самодержавной России, а затем — в Советском Союзе серьезно ослабил специфические для них черты социального активизма, сформировал опасливо-недоверчивое отношение к официальным сферам.

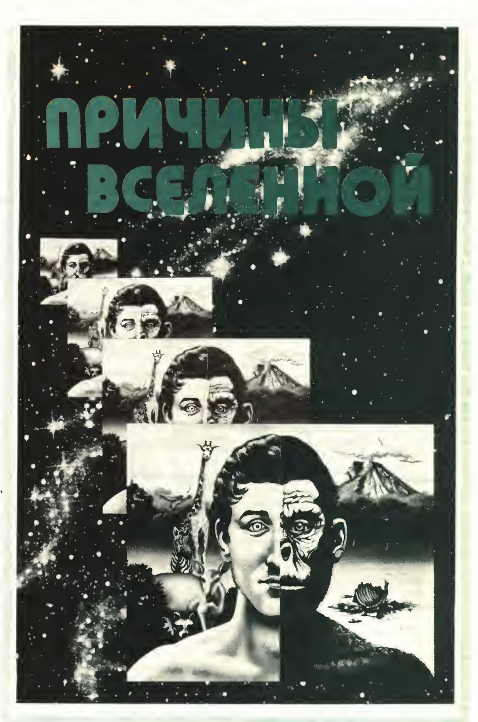
Но есть еще одна сторона дела — личная позиция священнослужителя. Например, священник РПЦ Глеб Якунин, пострадавший за правозащитную деятельность в 70-е годы, включился в предвыборную борьбу вопреки отказу правящего архиерея дать согласие на это. А иеромонах РПЦ Рафаил (Бодю) из Молдовы посчитал депутатскую деятельность трудносовместимой с пастырским служением и отклонил предложение баллотироваться в местный Совет. Погибший от рук убийцы протоиерей Александр Мень на вопрос своего правящего архиерея, почему он не баллотируется в депутаты, ответил: «Но, владыко, мы занимаемся самым важным делом — мы проповедуем слово Божие». Подобные случаи возможны и в других конфессиях.

— Какие формы участия религиозных организаций в жизни общества будут, на ваш взгляд, превалировать в дальнейшем?

— Отмечающаяся сейчас повышенная общественно-политическая активность религиозных организаций — одно из проявлений исключительно высокой политизации всего нашего общества. Это симптом его кризисного состояния, точно так же, как повышенная температура,— признак того, что человек болен. Общественно-политическая активность религиозных организаций в последнее время в значительной степени была связана с их желанием добиться законодательных гарантий свободы вероисповедания и правового положения, уравнивающего их со светскими общественными объединениями.

Вместе с тем налицо и стремление ряда конфессий дистанцироваться от собственно общественно-политической деятельности. Думается, что в дальнейшем религиозные организации страны будут стремиться выступать прежде всего как нравственная сила в обществе. Нравственность — это та универсальная основа, которая определяет поведение человека в его непосредственных межличностных отношениях, во многом влияет на его качества труженика, гражданина, носителя определенных национальных традиций, в его отношении к природе. Это универсальное значение нравственности делает реальной опосредованную включенность религиозных организаций во все сферы жизни общества, не связывая их в то же время с конкретной политической деятельностью и ответственностью.

Беседовала И. Б. ЧИСТЯКОВА

В четвертом номере нашего журнала за этот год мы начали публикацию диалога между материалистом А. Азимовым и креационистом Д. Гишем. Предлагая вниманию читателей окончание спора, хотели бы заметить следующее — ни одна из сторон, разумеется, не убедила другую в своей правоте. Любопытно, что по многим аспектам спора речь идет об одних и тех же явлениях, концепциях, гипотезах. Другое дело — их трактование. Если материалисты полагают самодостаточными законы мироздания, то креационисты ищут первопричину их и находят ее в идее божественного акта творения.

Невольно возникает мысль — может, сущность спора просто сводится к проблеме выбора? Свободного выбора для каждого мыслящего существа — признавать за некой высшей силой акт творения Вселенной либо именовать эту силу законами природы...

СПОР О ПРОИСХОЖДЕНИИ

Говорит
А. Азимов

Отвечает
Д. Гиш

Идеи биологической эволюции стали появляться одновременно с попытками классифицировать живые существа. Одну из первых таких попыток сделал Аристотель, разделив все живое на имеющих жабры и имеющих легкие; животных с легкими, в свою очередь,— на откладывающих яйца и рождающих живых детенышей, и так далее.

При дальнейшем развитии биологии выяснилось, что живые существа могут быть поделены на виды, причем сходные виды можно объединить в роды, роды — в семейства и т.д. Это можно изобразить в виде диаграммы, на которой более крупные формы жизни дробятся на все более мелкие, расходящиеся как ветви дерева, и каждая ветвь заканчивается «листьями» — отдельными видами животных и растений. Так и назовем это — «деревом жизни».

Представьте себе, что перед вами — необыкновенное дерево: без ствола и без ветвей, одни только листья, развешенные как попало прямо в воздухе. И что же, увидев это чудо, вы придете к заключению, что листья возникли сами собой «из ничего»? Нет, скорее всего, я думаю, вы придете к заключению, что у странного дерева есть ствол и ветви, невидимые для нашего глаза, и каждая тончайшая веточка венчается одним или несколькими листочками, и что в расположении листьев наверняка не полный беспорядок, а есть какая-то система.

К середине XIX века «дерево жизни» было уже довольно неплохо описано. Палеонтологи находили новые формы вымерших существ, которые очень напоминали те или иные современные организмы и потому удачно вписывались в определенные участки «дерева жизни». К примеру, древние вымершие ящеры не совсем похожи на современных рептилий, но все равно видно, что они принадлежат именно к классу рептилий, и ни к какому другому. Благодаря ископаемым находкам «дерево жизни» разрасталось пышнее, гуще, его ветви теснее прилегали одна к другой. По ним можно было наглядно проследить ход развития жизни на планете.

Данные палеонтологии противоречат идее «сотворенности» жизни. Если бы все многообразие живых форм возникло одновременно, было бы непонятно, почему те или иные типы окаменелостей занимают при раскопках вполне определенное положение в слоях земли, соответствующее не менее определенным хронологическим периодам. По ископаемым останкам можно четко проследить, как, путем постепенного увеличения размеров тела и сокращения числа пальцев на ногах, сформировалась современная лошадь. Вымершие предки лошади выстраиваются в строго определенном порядке: в более древних геологических слоях — низкорослые пятипалые животные; чем ближе к современной эпохе, тем крупнее рост и меньшее число пальцев, вплоть до образования твердого устойчивого копыта — одного-единственного сильно гипертрофированного пальца, покрытого роговой оболочкой. Мы не находим, допустим, вначале четырех-, затем однопалую, а еще позже — пятипалую лошадь. Нет, порядок их следования соответствует логике естественного развития. Более древние формы вымирали, сменяясь новыми, и находки палеонтологов блестяще подтверждают эту идею.

Палеонтология всецело на стороне эволюционистов, ибо она подкрепляет фактическим материалом идею постепенного, продолжительного превращения одних видов в другие.

С другой стороны, именно теория эволюции лучше всякой другой объясняет некоторые «странности» ископаемых организмов, что позволяет связать их в единую систему с современными видами растений и животных.

Вызывает подозрение та легкость, с которой палеонтологи относят обнаруженные ископаемые останки к той или иной категории живых существ, в частности, определяют название вида. Если мы примем виды за листья «эволюционного дерева», то складывается впечатление, что это «дерево» не имеет ни ствола, ни ветвей — одни только листья. А если это так, то, по-видимому, само «дерево» существует лишь в головах эволюционистов.

Азимов, должно быть, не осведомлен о том сочувствии, какое встретил в среде эволюционистов призыв ряда палеонтологов к радикальному пересмотру эволюционного учения как раз на том основании, что ископаемые материалы не дают убедительного подтверждения постепенности и непрерывности процесса эволюции.

Окончание. Начало в № 4, 1991.

Я остановился довольно подробно на том, как одна из биологических дисциплин — палеонтология свидетельствует в пользу теории эволюции, опуская большое количество доводов из других отраслей биологической науки, начиная от биохимии и кончая морфологией. Многие, очень многие явления в мире живого согласуются с теорией эволюции. Но теперь перейдем к следующему вопросу: что движет эволюцией? Что заставляет виды изменяться? Заметьте, именно вопрос о механизмах эволюции вызывает разногласия среди биологов, но не факт эволюции как таковой. Например, можно спорить о количестве этажей в Эмпайр Стейт Билдинг (считать ли, скажем, обзорную площадку за этаж), но вряд ли кто станет оспаривать существование самого здания.

Первую по-настоящему продуктивную гипотезу о механизме эволюции высказал Чарлз Дарвин в 1859 году. Он назвал свое главное детище так: «Теория эволюции путем естественного отбора». Пусть не вводит вас в заблуждение слово «теория», оно отнюдь не означает некое чисто абстрактное рассуждение, оторванное от реальности. Научная теория строится на глубоком познании реальности, наблюдении ее законов, и правильность ее выводов придирчиво проверяется многочисленными научными коллективами в разных концах света.

Учение Дарвина претерпело громадные изменения за столетие с четвертью, прошедшее со времени смерти его автора. За это время Мендель открыл законы наследования признаков; опираясь на законы Менделя, Де Вриз переработал дарвинскую теорию мутаций; затем Саттон указал на хромосомы в качестве основного носителя наследственности и мутаций, а позже Крик и Уотсон разгадали структуру молекулы ДНК, и это открытие бросило свет на многое из того, что до тех пор казалось неразрешимой загадкой.

Каждое из этих и многих других открытий дополнило, расширило и углубило теорию Дарвина, но ни одно из них не поколебало ее основ.

В недавнее время ряд биологов, в частности Стивен Джей Голд, выступили с идеей о том, что в небольших изолированных группах животных или растений случайные мутации играют большую роль, чем в обширных популяциях, и поэтому процесс эволюции в таких небольших популяциях способен идти гораздо более быстрыми темпами, чем это считалось прежде, и занимает, скажем, не миллионы лет, а тысячелетия. Наш возросший опыт в селекции домашних животных — хорошая модель естественного отбора и образование новых видов.

На пользу нам и некоторые новые открытия в других отраслях науки, далеких, казалось бы, от биологии. Двадцатый век подарил ценнейший метод определения возраста скальных пород по их радиоактивным свойствам. С его помощью геологи определили примерный возраст Земли — 4,6 миллиарда лет. Период, вполне достаточный для развертывания эволюционных процессов. Причем, что немаловажно, возраст различных окаменелостей, установленный самыми современными методами, ни в одном случае не противоречит выводам теории эволюции, а, напротив, помогает выстраивать целостную картину эволюции жизни на Земле.

Развитие в XX веке наук о космосе — астрономии, космологии и космогонии — ведет по пути формирования представлений об эволюционном развитии

Согласно теории, в основе эволюции лежат мутации, происходящие абсолютно случайным образом (генетические «ошибки»). Расчеты показали, что потребовался бы в миллиард раз больший отрезок времени, чем 5 миллиардов лет существования Земли, для того, чтобы реализовалась вся цепь случайностей, ведущая от одноклеточного существа к такому сложному биологическому объекту, как человек...

Приводимые Азимовым уточненные данные о возрасте Земли, как уже говорилось, свидетельствуют отнюдь не в пользу эволюционного учения. Тем более, что возраст Земли, вычисленный с помощью радиоуглеродного метода, составляет значительно меньше пяти миллиардов лет, между тем как эволюция требует во много раз большего времени.

Похоже, Азимов не читает текущую научную периодику. «Стандартная модель «Большого Взрыва» не может объяснить происхождение космических объектов: галактик, звезд и прочего... Модель эта, исходя из известных законов физики, ведет к образованию однородной Вселенной, вещество в которой рассеяно равномерно... Стоит ли говорить, что вид ночного неба свидетельствует об обратном»,— заявляет Филипп Зайден, астроном из фирмы IBM. Другой астроном, Г. Бойди, говорит так: «Я считаю, что все известные до сего времени теории образования Вселенной развенчаны сегодняшним эмпирическим опытом, точно так же, как и многочисленные теории происхождения Солнечной системы». Действительно, можно доказать, что звезда не может образоваться спонтанно в результате взрыва газового облака, так как расширяющая сила, направленная вовне, будет в этом случае превышать противоположно направленную силу гравитации в 5—100 раз. Далее, полное отсутствие органических веществ на Марсе; многие аномалии в распределении изотопов. Например, относительное количество изотопов аргона-36 и аргона-40 на Венере в 300 раз больше, чем на Земле; собственное магнитное поле, присущее Меркурию; спутник Юпитера Ио с его плотной азотной атмосферой; особая форма колец Сатурна,— эти и многие другие открытия в рамках американской космической программы расходятся с предложениями, вытекающими из теории эволюции Вселенной. Возможно ли предполагать, что столь несходные между собой объекты Солнечной системы образовались из одного и того же облака пыли и газа! Напрашивается предположение: все это многообразие было сотворено преднамеренно.

Вселенной как целого, причем эволюция жизни видится как составная часть этого целого.

То же можно сказать о последних открытиях в области геологии и т.п. Весьма знаменательным я нахожу тот факт, что любые исследования из самых разных областей науки, стоит им лишь в чем-то соприкоснуться с вопросами биологической эволюции, свидетельствуют в конечном счете в пользу эволюции, а ни в коем случае не против.

И уж, конечно, нет никакого противоречия между теорией эволюции и вторым началом термодинамики. Возникающее здесь кажущееся противоречие может быть лишь результатом непонимания, а возможно, и нежелания понять суть второго начала.

В заключение хочу еще раз подчеркнуть: эволюция есть объективный факт, и те, кто желает ее «опровергнуть», будут вынуждены одновременно «опровергнуть» всю современную биологию, биохимию, геологию, астрономию — словом, им пришлось бы для этого обрушить все здание современной науки.

Лет двадцать назад геологи строили историю Запада, исходя из представления о неподвижных материках. В настоящее время не вызывает сомнения перемещение материков по поверхности земного шара. И что же! Теория эволюции легко приспособилась к столь кардинальной перестройке в науке об истории Земли. Такая удивительная гибкость теории заставляет думать, что она зиждется не на научных фактах, а на пустоте.

Это последнее утверждение совершенно абсурдно, Азимов допжен сам это понимать.

И ВСЕ-ТАКИ НАУКА

Читатели, наверное, помнят статью Л. Болдыревой и Н. Сотиной «Новая наука или старые заблуждения?», опубликованную в № 11 нашего журнала за прошлый год. В ней говорилось о рождении нового направления в науке, изучающего так называемые аномальные явления. Мы вновь предоставляем слово этим авторам. Продолжая рассказ о сенсационных экспериментах в области энергоинформационного обмена, они уточняют и дополняют предыдущую публикацию новыми сведениями и акцентами.

Многочисленные публикации об экстрасенсах и их возможностях вызывают у здравомыслящих людей скептицизм: слишком мало достоверных наблюдений, слишком часто делаются необоснованные выводы!

Именно поэтому эксперименты по воздействию экстрасенса на физические приборы могут дать значительно больше для выяснения природы дистанционного воздействия, чем опыты с живыми объектами. Действительно, при работе экстрасенса с живыми объектами передатчиком и приемником служат сложнейшие системы — живые организмы. Результаты же экспериментов, в которых объектом являются неживые системы, например, приборы, легче поддаются объективному анализу. Уже сейчас имеются оригинальные результаты с высокой степенью достоверности. Так, в течение многих лет доктор биологических наук Г. К. Гуртовой и кандидат физико-математических наук А. Г. Пархомов ставили эксперименты по дистанционному (от 0,5 метра до 4000 километров) воздействию экстрасенса на терморезистор и полупроводниковый источник электрического инфранизкочастотного шума. Ученые установили:

экстрасенс воздействует на приборы, причем результат воздействия практически не зависит от расстояния;

термоизоляция, экранирование приборов от электрических и акустических воздействий не влияет на результат, достигаемый экстрасенсом, а в ряде случаев делает его более отчетливым;

влияние экстрасенса на генератор шума проявляется в изменении амплитуды шума. Кроме того, на фоне беспорядочного шумового сигнала появляются периодические пульсации с периодом от секунды до сотен секунд. Влияние оператора на сопротивление терморезистора может привести как к повышению температуры, так и к понижению ее. Последнее замечательно тем, что поглощение термосопротивлением таких «обычных» излучений, как электромагнитное, акустическое и т. д., изменяет сопротивление, соответствующее только повышению температуры;

при воздействии экстрасенса на значительных расстояниях (более 10 метров) одновременно на несколько находящихся рядом однотипных приборов, как правило, оно регистрировалось только тем прибором, с которым экстрасенс был до этого в «контакте». «Контакт» состоял в том, что экстрасенс первоначально действовал на прибор в непосредственной близости от него, затем это расстояние постепенно увеличивалось, и, наконец, экстрасенс мог избирательно воздействовать на этот прибор уже на значительных расстояниях. Происходило как бы «привыкание» прибора к оператору.

Результаты, конечно, удивительные! Существует ли научное объяснение этих явлений?

Мы обнаружили, что имеются физические системы, воздействие которых друг на друга может иметь те же свойства, что и воздействие экстрасенса на прибор. Аналогичными свойствами может обладать взаимодействие квантово-коррелированных систем. В настоящее время ряд физиков предлагают для объяснения взаимодействия между квантово-коррелированными системами ввести понятие поля (впервые такое информационное поле ввел Д. Бом, назвав его ψ-полем по обозначению волновой функции в квантовой механике).

Если такие явления существуют, то почему раньше их не замечали?

Ответ на этот вопрос можно получить, если вникнуть в сущность древних магических обрядов. Ведь многие обряды и так называемые предрассудки могут быть следствием тысячелетних экспериментов, поставленных древними. Эти эксперименты продолжаются и в настоящее время, приобретая привычную научную форму. Например, А. М. Тулупов (г. Чита) воздействует на кровь человека, находящуюся в пробирке, и при этом меняются (как утверждают экспериментаторы) не только свойства этой крови, но и свойства крови в организме самого донора, независимо от того, как далеко он находится от экстрасенса. Чем не контагиозная магия? Можно говорить о существовании аналогии между свойствами квантово-коррелированных систем и ритуалами контагиозной магии*.

Концепция ψ-поля может прояснить и воздействие наиболее «чувствительных» экстрасенсов на объекты без предварительного общения с ними.

Квантовая механика допускает существование единой волновой функции в мире. С этой точки зрения все квантовые объекты квантово-коррелированны между собой. Правда, совершенно непонятно, как физически происходит выбор данной системы из всех возможных. Исследования продолжаются...

Л. БОЛДЫРЕВА,
Н. СОТИНА

** См. Л. Болдырева, Н. Сотина. Магия и квантовая механика / Наука и религия, № 5 и 7, 1990.*

А. ШИРЯЛИН

ТАЙНЫ ПЛАТОНОВСКОГО «ПАРМЕНИДА»

Без дуновения само собой
дышало Единое,
И ничего кроме него не было.
Ригведа

Созданный более двух тысячелетий назад диалог Платона «Парменид» — одно из самых удивительных явлений человеческой мысли. Даже среди творений самого Платона он занимает особое место. В «Пармениде» нет драматизма «Федона», где почти трагедийно поставлен вопрос о самом насущном в человеческом существовании — о жизни и смерти; нет, как в «Пире», космической эротики восхождения; нет и грандиозной картины творения мира диалога «Тимей». Нет здесь «страстей по Платону», ни житейски человеческих, ни даже божественных — это самый языческий из всех его диалогов.

«Парменид» можно назвать диалектической поэмой о Сверхсущем, Сверхбожественном и Предвечном. Это дерзкая попытка осмыслить почти немыслимое не только для человеческой мысли, но и божественной (если исходить из самого платонизма), но самое главное, с платоновским «Парменидом» произошло «выпадение» человеческой мысли из лона образного видения мира. Случилась своеобразная мыслительная революция, когда «отпочковавшаяся» мысль стала самостоятельной, острой и беспощадно жгучей... Началось постоянное искушение человека мыслью — это тот самый коршун, что терзает духовную нашу «плоть» уже третье тысячелетие...

И наконец, случилось то, что должно было случиться — «чистый» рационализм обрел субстрат и воплотился, порождая чудовищные химеры так называемой научно-технической революции...

Диалог был написан Платоном приблизительно в 368 году[1] до новой эры. Это безусловно одно из самых зрелых, «вершинных», творений великого философа. При этом он как бы не связан с другими диалогами, словно сам предмет исследования делает его «добытийным», запредельным. И как в мифе о соревновании богов с Зевсом, когда все они вместе не смогли победить (и даже стронуть с места) Единого Бога, дружно перетягивая золотую цепь,— так и все остальные диалоги Платона «не перетянули» «Парменида», не достали его «эзотерической» сути. Он остался сам по себе, без прямой связи с бытийным миром.

Многие исследователи и последователи Платона вообще принимали этот диалог за упражнение в диалектической логике, чему, впрочем, способствовал сам Платон, когда заставил престарелого философа Парменида проделать сложнейшие логические манипуляции ради юного Сократа, чтобы научить его диалектическому изыску.

Можно предположить, отбросив скрытый юмор «Парменида», что Платон действительно первоначально намеревался поупражняться в логике, но вышло нечто совсем иное: желание взглянуть на Солнце широко открытыми глазами, не ослепнув при этом... Дерзкий платоновский порыв много веков тревожил беспокойную человеческую мысль.

Когда неоплатоники сняли таинственное и тонкое покрывало с эзотерики платоновских импровизаций, очевидней открылась грандиозность его творений. Однако даже неоплатоники, любовно взирая на каждую строку своего божественного учителя и устремляя свою мысль к Единому, проявляли некоторую нерешительность в истолковании платоновского «Парменида», находя в нем в основном виртуозную игру гениального ума.

Основатель новой школы платонизма (неоплатоников) Плотин (III век н.э.), видел в Едином экстатический, благостный предел всему сущему, Прокл же (V век н.э.), завершитель античной школы неоплатонизма, в своей итоговой работе «Первоосновы теологии» выделил только одно положение «Парменида» — невозможность многого без единого. Остальные исследователи Платона, в основном, находились либо под сильным влиянием христианской теологии, либо, позднее, под влиянием рационально-прагматических европейских школ, и проблема Единого мало кого интересовала всерьез. Однако проблема Единого при всей своей кажущейся отвлеченности определяет сущность любой религиозной или философской системы.

Но обратимся к самому диалогу, оставив в стороне проблематику вещи и идеи, изложенную во вступлении. Вместе с нею остаются за пределами и два действующих лица — Зенон, ученик Парменида, и совсем юный, но цепкий и чуткий к парадоксам, Сократ. Остаются два собеседника — престарелый умудренный Парменид (глава элейской философской школы) и самый молодой участник беседы Аристотель, приятель Сократа (не путать со знаменитым Аристотелем Стагиритом). Две полярности — старец и совсем мальчик, мудрец и неискушенное существо, философское ничто.

Для чего нужен такой собеседник в диалоге? Ведь он только покорно следует за капризами виртуозной диалектики и фиксирует очевидное. У Платона юный собеседник — всего лишь фон, некая ирреальная материя, и в то же время мыслительный субстрат, без которого диалектические построения превратились бы в утомительный и загадочный монолог. Собеседник к тому же создает своеобразные цезуры между этими мыслительными построениями.

В диалоге четыре точки зрения на проблему Единого. Первая — абсолютное полагание Единого, то есть Единого в себе, в своей беспощадной запредельной сути.

Аргументация: Единое не может быть многим, это противоречит даже постановке проблемы. Единое не может быть и целым, потому как нет у него частей, ибо части опять же множат Единое.

Из этого же положения вытекает то, что Единое и беспредельно, так как у него нет начала и нет конца. В скобках нужно оговориться, что беспредельное в античной философии понимается не как бесконечное (по

[1] *Среди исследователей нет единства в датировке диалога (см.: Платон. Соч. в 3-х томах. Т. 2. М., 1970. С. 594—595).*

гегелевскому мудрому замечанию — «дурная бесконечность»), а как именно отсутствие предела и никак с пространственными представлениями не связано. Предел и беспредельное для античной философии — это тончайшие диалектические градации, созидающие все многообразие мира. Единое, по Платону, не имеет предела — значит, лишено различий, не имея различий, не имеет и очертаний, то есть никакой фигуры.

Не имея частей, очертаний, фигуры, Единое не может находиться где-то: ни в ином, ни в себе, ибо охваченное чем-то, даже самим собой, оно бы различалось и было бы не единым, но двумя. Следовательно, Абсолютная Сверхсущность Единого не допускает никакого удвоения, а тем более умножения.

Если Единое не находится нигде, то оно, естественно, не может двигаться, не изменяясь и не перемещаясь. Изменяясь, оно уже нарушило бы свое единство, а перемещаясь (прямо или кругообразно), должно быть где-то (что уже запрещено ранее) или иметь центр и части, что тоже невозможно. Парадоксально, но в силу тех же оснований, Единое не может быть и в одном месте, то есть покоиться:

> **«...Но что никогда не бывает в том же самом, то не покоится и не стоит на месте... Таким образом, оказывается, что единое и не стоит на месте, и не движется.»**[2]

Из всего этого следует, что Единое вне пространства... но, покоясь, движется и, двигаясь, покоится. Движется своими, непостижимыми видами движения и покоясь, ускользает... от самого себя...

> **«Далее,— упорствует Платон в поисках свойств Абсолютного Единого,— оно не может быть тождественным ни иному, ни самому себе и, с другой стороны, отличным от себя самого или от иного... Будучи отличным от себя самого, оно, конечно, было бы отлично от единого и не было бы единым... А будучи тождественно иному, оно было бы этим последним и не было бы самим собой... Но оно не будет также отличным от иного, пока оно остается единым, ибо не подобает единому быть отличным от чего бы то ни было...»**

Платон выдвигает принципы подобия и неподобия, которые сразу отвергаются им как элементы тождественного и нетождественного. Следовательно, Единое не может быть подобным ничему.

И снова Платон утверждает, что Единое имеет только одно свойство — быть Единым, потому как всякое иное свойство делает Единое больше чем одно, то есть нет выхода в никакое иное.

Отвергается причастность Единого равенству, большему, меньшему, так как оно ни с чем не сравнимо и не имеет меры, в данном случае, количественных отношений с чем-либо и самим собой. Здесь нужно внести некоторую ясность в понятие меры. В античности это понятие наполнено не количественным содержанием, но качественным, когда мера является сущностью чего-либо — от божества до предельно заземленного предмета. Кстати, у Гегеля мера тоже есть единство количественных и качественных отношений. Здесь же у Платона мера есть понятие простой соизмеримости.

Платоновское Единое будучи бескачественным отвергает и количественные различия, оставаясь Единым в себе.

Но вот начинается у Платона нечто любопытное — разговор о причастности Единого времени, или словами самого Платона:

> **«Представляется ли возможным, чтобы единое было старше или моложе, или одинакового возраста с чем-либо?»**

Одинакового возраста с чем-либо и самим собой Единое быть не может по причине непричастности равенству и подобию вообще и времени также, в частности: по причине непричастности и неравенству, Единое не может быть старше и моложе чего-либо и себя.

> **«Но если единое таково, то может ли оно вообще существовать во времени? — спрашивает Платон.— Ведь необходимо, чтобы существующее во времени постоянно становилось старше самого себя?»**

Выяснив непричастность Единого и времени, Платон как бы оставляет в стороне Единое, утомившись от его недосягаемости, увлекается проблемами времени и делает неожиданные открытия:

> **«...Старшее не есть ли всегда старшее по отношению к младшему? — рассуждает Парменид.— Значит, то, что становится старше себя, становится вместе с тем и моложе себя, коль скоро в нем будет то, старше чего оно становится».**

Это неожиданное, в данном контексте, суждение удивительно по своей неотразимой логике, и словно перекликается с проблемой бессмертия, заложенной еще в «Федоне». И эта подчеркнуто бесстрастная формула, далекая от всяческих назиданий и мистических откровений, больше убеждает в бессмертии души, чем самые убедительные проповеди.

Но прислушаемся к голосу самого Платона:

> **«Если что-нибудь уже отлично от иного, оно не может становиться отличным от него; оно может только б ы т ь[3] от него отличным; далее, если что-нибудь было отличным от иного или будет от него отличным, оно может т о л ь к о б ы т ь в п р о ш л о м отличным от него или о т л и ч а т ь с я о т н е г о в б у д у щ е м; но если что-нибудь становится отличным от иного, то значит, оно н е б ы л о, н е б у д е т и не есть отличное от него, а т о л ь к о с т а н о в и т с я о т л и ч н ы м, и не иначе».**
>
> Но при отличии старшего от младшего
>
> **«...то, что становится старше самого себя, должно н е и з б е ж н о становиться вместе с тем и моложе себя».**

Здесь Платон затрагивает интереснейшую проблему времени и вечности в контексте становления. Действительно, та сущность, которая становится старше, она же с логической неизбежностью становится моложе. Казалось бы, налицо непреодолимый дуализм. Но присмотримся ближе к парадоксам великого мыслителя-язычника, именно язычника. Как возможна диалектика «старше» — «моложе», и какие выводы из этого следуют?..

Сам Платон не доводит свои построения до конца, оставляя «эзотерически» скрытыми ряд существенных моментов.

Возьмем на себя смелость продолжить мысль античного философа. Что таит в себе эта диалектика? Прежде всего нужно отметить: всякое становление возможно только при наличии становящейся сущности. «Чистое» становление — бесструктурное ничто. Тогда возникают два различных момента той же сущности,— условно говоря, сущности в себе и сущности становящейся. Тогда сущность в себе, оставаясь неизменной, есть точка отсчета в становлении. Но возникает одна каверза: данная точка отсчета, оставаясь сущностью в себе, втягивается в становление, а,значит, она все таки «движется», ведь она становится «моложе» по отношению к «старше». Действительно, с точки зрения становления, безразлично, что движется — момент «старше» или момент «моложе».

Отсюда вытекают три парадокса: то, что неизменно — изменяется, двигаясь в направлении «моложе», обретая данное качество «быть моложе», ранее не присущее ему (ибо, как мы условились, оно изначально нейтрально). Второй парадокс: «моложе» оно становится из-за возможности себя самого становиться «старше» (без движения к «старше» нет и движения к «моложе»). Третий — неподвижная в себе сущность таинственным образом (как мы уже отмечали) смещается в противоположную сторону от «старше».

Где же предел этому противоположному движению

---

[2] *Фрагменты из диалога «Парменид» цит. по: П л а т о н. Соч. в 3-х томах Т. 2. М., 1970.*

[3] *Здесь и далее подчеркнуто мной. — А. Ш.*

становления? Один из вариантов — оба момента сущности уходят в «дурную бесконечность», становясь одновременно старыми и бесконечно молодыми. В пределе дурной бесконечности — бесструктурное ничто.

Но это невозможно: при движении к «моложе», неизменная сущность, принимая образ «моложе», все-таки остается неизменной в себе, а это значит, что она не может быть бесструктурной, да и становление не может быть беспредельным, ибо оно становится в рамках конкретной сущности со своим безусловным отличительным признаком.

Здесь возможно только одно: в предельной точке становления происходит как бы «коллаптическое схлопывание», которое у Платона именуется понятием «вдруг», то есть сущность возвращается к себе. Моменты «старше» и «моложе» как бы совпадают и накладываются друг на друга, становятся тождественными, имея потенциальную возможность различия, ибо тождественность (как мы уже замечали ранее) есть и некое различие, хотя бы и бескачественное. Но самое любопытное здесь то, что время в своих пределах «свертывается» в момент вечности — это «коллаптическое» время в структуре вечности есть условие нового становления сущности, нового «грехопадения», так как свое становление оно несет в себе, «не отрекаясь» от него...

Платон в этом диалоге нигде не употребляет понятие души, смертности, бессмертия, он с вёщей лукавинкой рассуждает как бы ни о чем, его не тревожат эти проблемы он их выстрадал в «Федоне», когда, спасаясь от злых фурий страха смерти, сомнений, заклинает их молитвами — постулатами о бессмертии души. Здесь же он мудрый и спокойный, как олимпийский бог... И резюмирует:

> **«...все, что существует во временн и прнчастно ему, нмело один и тот же возраст с самнм собой и вместе с тем становнлось старше и моложе себя».**

То есть сущность находится в вечности и во времени, и чтобы она уничтожилась, ей нужно «выпасть» из вечности в чистое время. Но подобное исключается: в этом случае она должна стать бесструктурным ничто, а это возможно только при условии, что сущность не имела отношения к прошлому, то есть попросту не существовала. Ведь не имея даже настоящего и будущего, она не может быть вырвана из целостного времени, из этой причастности времени через прошлое. Образно говоря, складывается абсурдная ситуация: отражение от предмета есть, а самого предмета нет и не было.

Далее Платон еще раз подчеркивает непричастность Единого времени — времени прошедшему, будущему и настоящему:

> **«Оно не стало, не становнлось н не было прежде, оно не настало, не настанет и не есть теперь, н, наконец, оно не будет становнться, не станет н не будет впоследствнн... Но возможно ли, чтобы нечто было прнчастно бытню нначе, нежелн одним нз этнх способов?** — спрашивает он, и тут же заключает: — ... **Еднное ннкак не прнчастно бытню... И потому еднное ннкакнм образом не существует».**

А это значит:

> **«...Еслн что не существует, то может ли что-либо прннадлежать ему нли нсходнть от него?... Следовательно, не существует нн нменн, ни слова для него, нн знания о нем, нн чувственного его воспрнятия, нн мнения».**

Вот к такому выводу приходит Платон, пытаясь осмыслить Абсолютное Единое. Вывод может быть небезупречен и с точки зрения логики, ведь причастность времени и бытию — вовсе не одно и то же: непричастность времени не обязательно влечет за собой непричастность бытию. Но дело даже не в этом, а в том, что тут же следует «наказание» за крамольную мысль, будто «Единое никаким образом не существует». Когда Платон говорит, что нет ни знания о Едином, ни мнения о нем, ни чувственного его восприятия, то подразумевается некий чувствующий и познающий Единое субъект, который неразрывно связан с Единым — и, если «уничтожается» объект (Единое), то на том же основании «уничтожается» субъект. Это — логическая расплата за дерзкую попытку притянуть Абсолютное к своевольному и капризному субъекту.

Можно было бы допустить и еще одно толкование Единого, исходя из данной концепции Платона — предположить беспредельное становление его, но вне времени. Единое ведь не замкнутая в себе сущность, перетекающая из вечности во время и обратно.

Конечно, собственный вывод из первой версии о Едином не мог удовлетворить и самого великого античного мыслителя — и он предпринимает еще три попытки логического штурма Абсолюта...

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО

Дорогу осилит идущий

В пасхальную ночь, с 6 на 7 апреля, начал свое двнжение Славяискнй Ход. Снмвол Хода — зажженная свеча — обошел десяткн городов н деревень России, лрнзывая людей всех возрастов, всех нацнональиостей и вероисловеданий н понаяиию, еднненню, милосердию, к возрождеиию нультурного н духовного наследия.

Элиграфом Хода стали слова, иайденыые в лроловедях XVII века мнтрополита Петра: «Господи, прости нас, грешных. Прости нас, в тупом беслямятстве растолтавшнх и лоправшнх святыни нашн. И да восстановнтся связь веков. И да возродятся храмы. И да возгорнтся свеча всей русской земли».

Оргаинзаторы Славяиского Хода лрнзвалн посвятить весну, наступившую с праздииком Пасхи, благоустроеиию всего, что находнтся в бедственном состояини н взывает о помощи: лрироды, храмов, жнлищ, улиц. «Двнжимые едниой духовиой потребиостью, мы найдем путь к себе, друг н другу. Верием нашей земле материиство, Отечеству — сыновей н дочерей, будущнм пононенням лодарим надежду н добрую память о себе. Упрочнм семью, устаиовим доверие н мир в обществе. Вспомним о совестн и Боге».

Органнзоваииый ло иинциативе Славянского фонда России, росснйских творческих союзов, доброволььых обществ н неформальных объединенні, поддержаниый Мннистерством нультуры РСФСР, Славянский Ход задуман нан празднк светскнй, ие религиозиый.

Но и Церновь наметила ряд меролриятий на этн дии: выставки, лаломиичества к святым местам, нонфереицни ло богословню, встречн религиозных деятелей с деятелямн литературы, искусства, с мнрянами... И это естественно, ведь большинство славяи — хрнстиаие.

Собствеино, н цель Хода христианская — благотворительность. Средства были выделены только на лраздиоваиие Дня славянсной лисьменностн в Смолеисне 24—27 мая. «На этот раз деиьги не поглотит очередной счет, где оии нсчезают нак в черной дыре, — сказала заместнтель мнннистра культуры РСФСР Н. Б. Жунова. — Какнм образом будут нслользоваться собранные средства, решится иа местах».

По словам Жуновой, Москва не навязывала ни официальных мероприятнй, ни сроки Хода. Свобода творчества лолная: коицерты, слектанлн, фестнвали иснусств н кнно, ленторин, выставни, ярмарни, нонкурсы, экскурснн, работы лонсновых историко-археографичесннх н археологичесннх груп — наснолько хватит фантазии и энтузиазма.

КОНФЛИКТ глазами социолога

Выступая на заседании Епископского Синода Украинской Католической Церкви, состоявшемся в Ватикане в феврале 1991 года, кардинал Любачивский подчеркнул, что создан надежный фундамент и база для обновления церкви на Украине и в диаспоре и что «в будущем глава этой церкви будет созывать все синоды на родине».

В этой связи, на наш взгляд, представляют интерес данные социологического исследования, проведенного сотрудниками сектора социологии религии и атеизма Института социологии АН СССР в марте — июне 1990 года в западных областях Украины. Было опрошено 1423 человека из числа занятого населения: в Львовской области 725 человек, в Ивано-Франковской 394 и в Тернопольской — 304.

Итак, велика ли социальная база греко-католической церкви в Западной Украине, каков удельный вес последователей этой конфессии среди взрослого населения?

Результаты исследования свидетельствуют, что Украинская Греко-католическая церковь (УГКЦ) имеет значительное число последователей во всех трех областях Западной Украины: в Львовской области 28 процентов опрошенных указали на свою принадлежность к ней, в Ивано-Франковской области — 22 процента, в Тернопольской — 12 (в среднем по трем областям — 23 процента респондентов считают себя греко-католиками). Однако и православие играет важную роль в религиозной жизни региона. Так, последователями Украинской православной церкви (УПЦ) и Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ) себя назвали: в Львовской области соответственно 28 и 15 процентов, в Ивано-Франковской — 29 и 20, в Тернопольской — 45 и 9 процентов. В среднем доля сторонников УПЦ составила 31 процент участников опроса, УАПЦ — 15. Приведенные данные показывают, что УПЦ на территории западных областей Украины и сегодня является основной конфессией по численности своих последователей.

Иная картина складывается по данным опроса членов «Руха» в Львовской области, где они составляют большинство в местных органах власти: 65 процентов респондентов назвали себя последователями УГКЦ и лишь 12 и 8 указали соответственно на свою принадлежность к УПЦ и УАПЦ.

Отметим, что среди возрастных групп не зарегистрировано никаких значимых отклонений в сторону той или иной конфессии, то есть соотношение последователей анализируемых конфессий в возрастных группах мало чем отличается друг от друга. Например, среди молодежи (до 30 лет) 34 процента респондентов назвали себя последователями УПЦ, 15 — УАПЦ, 32 — УГКЦ; среди 30—39-летних соответственно 35, 17 и 21 процент и т. д. Установленные в ходе исследования факты поддержки молодежью не только УГКЦ, но и православных конфессий свидетельствуют о перспективности деятельности УПЦ и УАПЦ на территории Западной Украины.

Наибольший практический интерес представляют данные, характеризующие соотношение последователей конфессий среди основных национальных групп региона: украинцев и русских. Этот интерес объясняется наличием тесной исторически сложившейся взаимосвязи национального и религиозного факторов общественной жизни. Социологические данные свидетельствуют, что претензии УГКЦ представить греко-католицизм наиболее массовым вероучением украинского народа не имеют достаточных оснований. Безусловно, доля последователей УГКЦ среди украинцев значительно выше, чем среди русских: 25 и 4 процента соответственно... Однако среди украинцев все же численно преобладают последователи УПЦ (31 процент) и УАПЦ (17 процентов), а не греко-католики. (Для сравнения: из русских последователями УПЦ себя назвали 45 процентов опрошенных, УАПЦ — 4). Отметим, что в зависимости от специфики области соотношение последователей конфессий среди украинцев может меняться. Например, в Львовской области 27 процентов респондентов-украинцев указали на свою принадлежность к УПЦ, 30 — к УГКЦ и 16 — к УАПЦ. И все же утверждение о том, что греко-католицизм является главным вероучением украинского народа, по меньшей мере некорректно.

Приведенные данные характеризуют ситуацию в марте — апреле 1990 года. Учитывая интенсивность развития межконфессиональных отношений в регионе, для выявления изменений в соотношении последователей УПЦ, УАПЦ и УГКЦ в июне 1990 года было проведено повторное исследование в Львовской области (где позиция греко-католиков наиболее предпочтительна). Результаты исследования свидетельствуют о стабильности соотношения последователей анализируемых конфессий в этой области. Доля греко-католиков осталась среди населения области практически неизменной — 27 процентов. Доля последователей УПЦ за три месяца уменьшилась с 28 до 25 процентов, доля последователей УАПЦ в свою очередь увеличилась с 15 до 19 процентов. Иными словами, можно утверждать, что выявленное в марте — апреле 1990 года соотношение последователей УПЦ, УАПЦ и УГКЦ среди населения западных областей Украины весьма устойчиво, хотя зафиксирована слабо выраженная тенденция укрепления позиций УАПЦ за счет уменьшения числа последователей УПЦ.

Таким образом, полученное соотношение последователей УПЦ, УАПЦ, УГКЦ свидетельствует:

позиции всех трех конфессий на территории западных областей Украины достаточно прочны: каждая из них имеет значительное число последователей среди населения;

последователи Украинской православной церкви численно преобладают в Тернопольской области и примерно равны с греко-католиками в Львовской и Ивано-Франковской областях;

специфика ситуации в том, что ни одна из конфессий не преобладает численно, следовательно, «союз» двух любых конфессий оставляет последователей третьей конфессии в меньшинстве;

представление о том, будто греко-католики численно преобладают в религиозном населении района, результатами исследования не подтвердилось.

Уровень религиозности населения западных областей Украины один из самых высоких в стране — по нашим данным, он составил 86 процентов (55 процентов верующих и 31 колеблющихся), а потому возникший межконфессиональный конфликт является важным фактором в политической борьбе партий и общественных движений.

В. ЛОКОСОВ, П. ОЛОВЯННИКОВ

ОБЩАЯ СВЕЧА

Еще в XII веке на Руси, по свидетельству Ипатьевской летописи, начали возникать церковные братства или, как их тогда называли, братчины. Это были союзы духовенства и мирян, объединившихся для защиты веры на строго церковной почве, под стягом приходского храма. Особый братский синодик, куда вступающие вписывали свои имена, начинался так: «На сие (т. е. на учреждение братства) мы все, нижепоименованные лица, люди обоих сословий, духовного и светского, согласившись одним сердцем и одними устами и целовав честный крест каждый за всех и все за каждого, держась Православия и соединившись духом пламенной любви, для соблюдения нижеписанных христианских повинностей и порядков в сей братский список вписываемся». Согласно уставу, в основе братств должен был лежать принцип безукоризненного образа жизни их членов. Давая благословение каждому новому братству, патриархи подчеркивали, что оно учреждается по примеру христианской жизни апостольских времен, и называли его учреждением древним. Так, в грамоте XV века патриарха Константинопольского Кирилла братству Луцкому говорится: «Поелику как наследственное некое имущество Отец своим сынам, Избавитель Господь любовь свою в завете ученикам благоволил, то мы к сей любви верных Христу привлекая, не новое какое-либо установление, но по истине древнейшее, с самого начала учрежденное и утвержденное апостолами, когда у всех было сердце и душа едина — силою Всесвятого Духа постановляем и нынешним нашим соборным посланием на веки утверждаем».

В Западной Руси первые церковные союзы при храмах более известны как «медовые братства». По древнерусским обычаям к определенным праздникам братьями изготовлялась большая восковая свеча,

Рисунок К. Седова

варились мед, пиво и устраивался вскладчину пир с совместным пением молебнов. И эта общая свеча, горящая светлым пламенем и объединяющая людей, как бы являла собой символ православных братств.

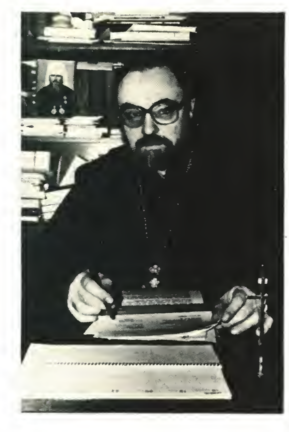
После Флорентийского собора 1439 года, провозгласившего Унию между православием и католичеством, как известно, резко обострился вопрос о языке богослужения. Вернувшись с Собора, митрополит Московский Исидор провел во Львове литургию на латинском языке, что было воспринято как отступление от канонов православия и вызвало первые волны мощного движения в его защиту. Львовское и Виленское братства в связи с этим приобрели особое значение. Еще большее влияние они получили в XVI веке — со времени присоединения Литвы к Польше и начала деятельности ордена иезуитов, когда Уния стала распространяться по всей Западной Руси. Во главе просветительского движения православных братств, поставившего целью подъем культуры, образования духовенства и простого народа, стали князья Курбский и Острожский. В развитии и защите национальной культуры видели они и важное средство защиты своей религии и своей церкви.

Новое возрождение движения православных братств приходится на середину XIX века. Поле их деятельности было весьма обширным и многообразным. Это и миссионерство, и благотворительность, и просветительская, и собственно церковная деятельность. Многие братства сочетали в себе сразу несколько направлений. Вот лишь некоторые данные. К концу XIX века на попечении просветительских братств находилось 5,5 тысячи церковно-приходских школ, из общего числа 20 тысяч. В Сибири и в 18 епархиях Европейской части России все школы были братские. 250 братств имели свои библиотеки, книжные склады, причем книги и продавались, и раздавались даром в сотнях тысяч экземпляров. Благотворительные братства имели свои богадельни, больницы, детские приюты, странноприимные, инвалидные дома, столовые, дома трудолюбия. Братская Александровская больница принимала в год свыше 5 тысяч больных бесплатно. Столовая Крестовоздвиженского братства в Саратове кормила ежегодно 75 тысяч неимущих. Основанное великим князем Сергеем Александровичем в 1905 году Палестинское общество по сути являлось церковно-просветительским братством, целью которого была поддержка православия в Иерусалимской земле и в Малой Азии. Палестинское Общество на свои средства содержало два монастыря, три учительские семинарии, 80 начальных школ, два странноприимных дома, больницу и устраивало почти бесплатные паломничества в Святую Землю.

В годы гражданской войны и в последующий период на церковь, как известно, обрушились суровые репрессии. Организацию православных братств патриарх Тихон считал в таких условиях одной из важных форм церковной деятельности. «...Не пренебрегайте беседами с благочестивыми женщинами, которые часто удерживают своих мужей и братьев от безумных поступков и защищают Церковь Божию. Составляйте из благонамеренных прихожан братства, советы — что найдете полезным по местным условиям»,— обращался он к священнослужителям. Среди активно действовавших в ту пору братств можно назвать такие, как киевское братство «Воскресения Христова», основанное псаломщиком В. Поповым в 1917 году; братство «Животворящего креста Господня», созданное в 1922 году Серафимом Звездинским; братство отца Романа Медведя (некогда нашедшего в Сибири Григория Распутина); братство «Апостола и евангелиста Иоанна Богослова», которое возглавил епископ Арсений (Жадановский); мечевское братство (основатели отец и сын Мечевы) и др. Однако к середине 20-х годов почти все они прекратили свое существование.

Ныне церковь получила широкий простор для самой разнообразной деятельности. Вновь возродилось движение православных братств. 12 октября 1990 года они провели в Москве свой учредительный съезд.

Что же представляют собой братства сегодня? На вопросы нашего корреспондента Г. Дремовой отвечает председатель Совета Союза православных братств игумен ИОАНН (ЭКОНОМЦЕВ).

Корр. ***С чем связано сегодня появление многочисленных православных братств в нашей стране и проведение этого съезда?***

О. И. С возрастающей активиостью мирян и духовенства как в решении внутрицерковных проблем, так и в жизни общества. Братства предоставляют возможиость для вовлечеиия в лоно Церкви новых сил, особеино нашей интеллигенции. Драма России во многом связана с конфликтом между интеллигенцией и народом, иителлигенцией и церковью, в отсутствии необходимого поиимания между иими. Начало коифликта восходит к петровской эпохе, когда интеллигенцию иачали воспитывать на иных иравствениых осиоваииях, ориеитируясь иа иную культуру. Петр пытался создать из России искусствениую Голлаидию. И эта оторваииость от почвы, от земли постояино присутствовала в культуре России. Только в конце XIX века начался процесс сближеиия интеллигеиции и церкви. Тогда впервые выпускиики университетов пошли учиться в духовные академии. Это движеиие, прерванное Октябрьским переворотом, возрождается лишь сейчас, спустя 100 лет. Уверен, что оио имеет исключительно важное зиачеиие для жизни и оздоровления не только церкви, но и всего общества.

Корр. ***А как строятся взаимоотношения внутри братств?***

О. И. Мы стремимся к тому, чтобы отношения между члеиами братств определялись чувствами христианской любви, чтобы люди объединялись совместным участием в литургии, чтобы у них был общий духовник. Наше стремлеиие — вернуться к традициям раиней христианской общины. Я думаю, что деятельность иаших братств (благотворительная и катехизисная) должна представлять собой, в сущиости, литургию после литургии, то есть быть продолжением литургии. Мы хотим, чтобы братства были иебольшими, чтобы их члены личио знали друг друга, чтобы между нними существовали личностные связи.

Корр. ***Не ограничит ли такая установка приток людей, не сделает ли братства полузакрытыми организациями?***

О. И. Думаю, что такой опасиости нет. Братства могут делиться, могут возникать их филиалы. Кроме того, при Союзе православных братств мы будем создавать ассоциации по профессиональному признаку — ассоциацин православиых врачей, учителей, славистов, ассоциации психологов.

Корр. ***Движение православных братств разворачивается внутри сложившейся канонической церковной структуры или это создание новых форм?***

О. И. Структура православной церкви сложилась в первые века христиаиства. Канонический строй — это епископальный строй нашей церкви. Архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин) говорил, что появление епископа на собрании верующих делает это собраиие поместной церковью. Нет епископа — нет церкви. Мы можем, конечно, выступать с критикой того или иного архиерея, все мы не безгрешны. Могут быть недостойные епископы и священиики, ведь церковь осуществляет свою миссию на грешной земле. Но сам иерархический принцип организации церкви для нас, православных, остается незыблемым. Деятельиость отдельных братств в епархиях осуществляется по благословению местного архиерея. Вместе с тем в масштабах всей страны братства объедииягтся в Союз, руководство которого координирует их работу, оказывает нм помощь и поддержку. Деятельность Союза братств благословляется Патриархом.

Корр. ***Как складываются отношения между возникающими братствами и местными иерархами?***

О. И. В целом нормальио, хотя есть и недоразумения, и конфликты. Люди, которые сейчас входят в наши братства, начали заниматься духовно-просветительской деятельностью 6—7 лет назад. В глазах властей оии долгое время являлись одиозными фигурами. На епнскопов оказывалось давление с целью лишить этих людей поддержки. Архиереям приходилось с этим считаться. Иногда они продолжали оказывать нм поддержку, ие афишируя этого, но порой епископы действительно занимали жесткую позицию в отношенни так называемых «диссидеитов». Сейчас положение изменилось, однако в ряде областей местные властн продолжают видеть в активных членах братств своих противников. Порой и сам архиерей оказывается в плену уже отживших концепций. Совет Союза православных братств в этой ситуации пытается содействовать урегулнрованию коллизнй. И нам зачастую это удается. Восстанавливать стены разрушеиных монастырей — дело сложное. Но еще сложиее создать монастырь духовно. Это иллюзия, что все иаши проблемы можно решнть как по мановению волшебной палочки, за короткий срок. Сегодия приходится работать с тем человеческим материалом, который мы имеем. У каждого из нас свои недостатки. Важно, одиако, опираться на добрые качества каждого человека, настраиваясь при этом на длительную, трудиую работу.

Корр. ***Расскажите, пожалуйста, о сферах деятельности Совета Союза православных братств.***

О. И. Существуют два основных иаправления — благотворительное и просветительское. Начну с первого. Мы отдаем себе отчет в том, что усилиями братств все пороки и изъяны нашей системы здравоохранения мы не решим, и, к сожалению, ие сможем помочь всем больиым и страждущим. Но мы стремнмся сделать то, что

в наших силах. Сейчас мы работаем в гематологическом отделении детской республиканской больницы, где находятся дети, больные раком крови. 95 процентов таких детей умирает у нас, в то время как на Западе 80 процентов детей с таким диагнозом выздоравливают. Думаем взять это отделение полностью в свое ведение. Главное требование к медицинскому персоналу, который будет работать там,— профессионализм и высокая нравственность. В отделении будет и врач-священник. Мы уже договорились с клиниками и религиозными организациями Германии о поставке туда медицинского оборудования, медикаментов, а также о стажировке врачей в Германии. По моему персональному приглашению в это отделение приезжали два профессора из Австралии, которые консультировали наших врачей.

Корр. ***Непривычное для слуха сочетание — врач-священник. Что это означает?***

О. И. Это священники, получившие медицинское образование. Я преподаю в Московской духовной академии и могу сказать, что более трети сегодняшних студентов — люди с высшим образованием. Это историки, биологи, филологи, математики, физики, в силу духовных поисков отказавшиеся от профессиональной и научной карьеры и севшие за парту первого класса семинарии. Есть среди них и врачи.

Корр. ***Вы думаете сосредоточить такую деятельность в одной московской больнице?***

О. И. Наше желание — взять в свое ведение несколько больниц в Москве, в частности, психиатрическое отделение какой-либо больницы. Что делается в этой области, вы знаете. Мы хотели бы также взять еще одну детскую больницу, больницу для взрослых общего профиля.

Корр. ***Что здесь кажется наиболее трудным?***

О. И. Самая большая проблема — средний медицинский персонал. Зачастую лекарства, которые выписывает врач, не доходят до больного. Мы хотим быть уверены в каждом сотруднике.

В рамках нашего Союза уже создано одно медицинское училище, где девушки наряду с медицинским образованием получают и духовное образование. Мы хотим создать больницы-эталоны, тот камертон, на который настраивалась бы наша система здравоохранения. Элитарные больницы, но не для элиты. Больницы, открытые для всех, независимо от социального положения. Никакой дискриминации в отношении малоимущих здесь быть не может.

Корр. ***Будет ли это лечение платным?***

О. И. Мы не исключаем, что лица обеспеченные, к примеру, архиереи, священнослужители,— будут вносить плату (и значительную) за пребывание в нашей больнице, чтобы эти деньги можно было потратить на тех, кто средств не имеет.

Корр. ***Планируются ли какие-либо мероприятия в других областях?***

О. И. Мы хотим создавать небольшие дома престарелых и приюты для детей, на 10—15, максимум на 20 человек, которые бы полностью обслуживались и обеспечивались нашими братствами. Попытаемся соединить приюты с домами престарелых, чтобы создать теплую, семейную обстановку, позволяющую престарелым и детям-сиротам чувствовать себя людьми. Это не исключает, конечно, нашу работу в государственных учреждениях такого рода.

Корр. ***Слышала, вы занимаетесь проблемой наркомании, алкоголизма. Что здесь можно сделать?***

О. И. Убежден, что и в этой области, если рядом с врачом встанет священник, эффективность излечения столь сложной категории больных возрастет. Не менее серьезной проблемой является работа с заключенными. Мы уже приступаем к этой работе. Священник братства Преподобного Сергия в Загорске начал посещать местную тюрьму, и недавно он крестил более 50 находящихся в заключении человек.

Весьма важна сейчас проблема беженцев. Я думаю, что в скором времени мы приступим к работе по оказанию им помощи, хотя для этого необходимы и средства, и силы, которых у нас пока нет. Все это трудности объективные, которых в обществе сегодня еще немало. Приходится, однако, сталкиваться и с элементарной предубежденностью, недоверием к церкви и религиозным организациям, которые формировались в прежние годы.

Корр. ***Все это, как вы сказали, первое направление работы Союза православных братств. А что намечается в русле второго — просветительства?***

О. И. Прежде всего — воспитание и образование детей. Повсеместно сейчас возникают воскресные школы. Мы получили возможность преподавать религиозные дисциплины в государственных школах. Однако приходится признать, что к созданию просветительской сети мы не готовы. Нужно создать школу катехизаторов, преподавателей религиозных дисциплин. Позднее на базе этой школы может возникнуть богословский институт или университет, в котором студенты могли бы получать глубокие знания по истории, филологии и т. д., дающие им возможность работать в светских областях, но вместе с тем они получали бы и серьезную богословскую подготовку.

В рамках нашего Союза мы создали журнал «Православная беседа». Предполагаем заняться изданием катехизической литературы.

Корр. ***Где будет размещаться Духовный центр Союза православных братств?***

О. И. Попросим у республиканских и московских властей передать нам Высокопетровский монастырь, где находится 6 храмов и где достаточно помещений для того, чтобы разместить все наши службы.

Корр. ***Велика ли казна братств?***

О. И. В ней нет ни копейки. Пока существуем за счет помощи отдела внешнецерковных сношений. Он же выплачивает мне зарплату, как заместителю председателя. Второе оплачиваемое лицо — мой секретарь. Остальные работают безвозмездно. Но я думаю, что мы получим какие-то средства. Создан фонд христианской благотворительности при нашем Союзе. Есть спонсоры и внутри страны, и за рубежом, готовые оказать нам помощь.

Корр. ***Как случилось, что именно вы возглавили образовавшийся Союз?***

О. И. Мое призвание, как я его видел до последнего времени, заключалось в литературной, богословской деятельности. Не думал, что административная работа займет такое место в моей жизни. Но сложилось так, что я оказался вовлеченным в духовно-просветительскую, благотворительную деятельность. Сейчас это очень нужно людям, и следовательно, это мой долг. В первую очередь необходимо создать структуру, которая бы работала. И когда она заработает, быть может, я переключусь на другую деятельность.

Корр. ***Что бы еще вы хотели сказать читателям «Науки и религии»?***

О. И. Я рад, что меняется ориентация вашего журнала, что он становится объективным. И хотелось бы, чтобы читатели вовлекались в важную работу по оздоровлению нашего общества. У нас одна Родина, и в это трудное время, которое мы переживаем, нужно спасать ее всем вместе.

Священные камни Небесного Града

Е. ЛАЗАРЕВ

I	Рыбы
2	Водолей
3	Козерог
4	Стрелец
5	Скорпион
6	Весы
7	Дева
8	Лев
9	Рак
I0	Близнецы
II	Телец
I2	Овен

СТУПЕНЬ ДЕСЯТАЯ. ХРИЗОПРАЗ

Десятая ступень основания Небесного Иерусалима (если считать сверху, от подножия городских стен) соответствует зодиакальному знаку Близнецов. Эта ступень отмечена в «Откровении» Иоанна Богослова хризопразом. В современной минералогии так называют разновидность халцедона, которая имеет яблочный или изумрудно-зеленый цвет благодаря примеси окиси никеля. В античную зпоху хризопразом называли также зеленый камень, хотя о его химическом составе трудно судить, поскольку, как уже отмечалось, главной характеристикой камней в древности считался их цвет.

Хризопраз редко включают в традиционные календари камней. Вообще говоря, для июньских самоцветов различные календари дают настолько разные варианты, что затруднительно решить, какой из них можно считать наиболее распространенным. В календаре, который приведен доктором географических наук В. В. Цыбульским в журнале «Азия и Африка сегодня» (№ 1, 1990 г.), хризопраз выступает талисманом зодиакального созвездия Рака — со сдвигом на один месяц по отношению к нашей шкале самоцветов. Попробуем разобраться, как может возникнуть такой месячный сдвиг (довольно часто встречающийся в календарях камней).

Допустим, мы признали хризопраз талисманом зодиакального знака Близнецов. Большая часть того времени, когда Солнце пребывает в зтом знаке, приходится на июнь. Однако 21 июня Солнце вступает в знак Рака, и составитель очередного календаря камней, запомнивший, что хризопраз — камень июня, может отнести его к тому знаку Зодиака, который в июне только начинается (знаку Рака). Аналогичные умозаключения могут привести и к месячному сдвигу в противоположную сторону.

Слово «хризопраз» (или хрисопраз — chrysoprasos) впервые появляется в греческом тексте Нового Завета. Переводится оно как «золотисто-зеленый» (chryseos — золотой, prasios — светло-зеленый). Название хризопраза, таким образом, определяется его цветом. Не имеет это слово и мифологических ассоциаций.

Соответствовал ли хризопразу какой-либо камень в культурных традициях, которые предшествовали времени написания Нового Завета? Обратимся еще раз к перечню самоцветов на ризе первосвященника древних евреев. В начале нашей публикации о священных камнях (№ 1, 1991) говорилось о частичном совпадении зтого перечня с самоцветными символами у Иоанна Богослова. Как видно из таблицы (в скобки заключены порядковые номера ступеней, отмеченных иными камнями, нежели на ризе), во второй половине перечня приближенное соответствие двух систем устанавливается внутри групп по три камня в каждой, и десятой ступени основания Небесного Иерусалима на ризе отвечает лигур.

Камни на ризе первосвященнка древннх евреев	Порядковый номер ступеней основания Града в «Откровеннн»
сард	6
топаз	(5)
изумруд	4
карбункул	(3)
сапфнр	2
яспнс	1
лнгур	(10)
агат	(11)
аметнст	12
хрнзолнт	7
бернлл	8
онннкс	(9)

Лигур — загадочный камень. Кроме Ветхого Завета, он упоминается у Иосифа Флавия в книгах «Иудейские войны» и «Иудейские древности» (конец I века), причем тоже в описании облачения первосвященника. В древнерусском «Изборнике» Святослава, где перечень драгоценных камней почти совпадает с ветхозаветным, на месте лигура стоит гиацинт (у Иоанна Богослова в самоцветной шкале гиацинтом отмечена одиннадцатая ступень). Лигур не входит ни в один традиционный календарь камней, известный автору этой статьи. Не упоминает его и Элифас Леви в своем трактате о камнях. Англичанин Герберт Смит в монографии «Драгоценные камни» (она была опубликована в 1912 году и десятки раз переиздавалась; русский перевод вышел в Москве в 1980 году) предполагает, что лигур — зто желтоватая разновидность циркона.

О мистических свойствах лигура повествует А. И. Куприн в рассказе «Суламифь» (писатель называет зтот камень «малиновый лигирий»): «Его находят, как известно, в желудке рыси, зрение которой так остро, что она видит сквозь стены,— поэтому и носящие лигирий отличаются зоркостью глаз,— кроме того, он останавливает кровотечение из носу и заживляет всякие раны, исключая ран, нанесенных камнем и железом».

Сведения о сокровенных свойствах хризопраза есть в трактате Элифаса Леви. Считалось, что хризопраз является средством от дурного глаза, зависти и клеветы, дает выносливость, утишает резь в глазах у того, кто его созерцает. Носить хризопраз рекомендуется в браслете.

Как видим, и хризопраз, и лигур даруют людям зоркость. Может быть, несмотря на то, что описания их цвета несколько различаются, зто один и тот же камень?

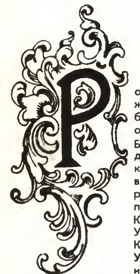
Мало известный по сравнению со многими другими самоцветами, хризопраз не стал камнем-символом. Упомянем, однако, один русский вариант его названия — из пересказа «Откровения» Иоанна Богослова в «Животной Книге» («Книге Жизни») духоборцев: «Христопраз». При всей произвольности подобных изменений в разговорной речи иноязычных слов нельзя не признать, что слово «христопраз» должно быть ассоциативно связано с Христом или христианством, хотя характер зтой связи неясен. В одном из русских «Азбуковников» (толкователей непонятных слов) ювелир-златокузнец назван «христопрасос» (ошибочно; вместо греческого «хрисопраксос»). Не исключено, что имя Христа в восприятии людей, знакомых с греческим языком, связывалось с представлениями о золотом сиянии или золотистом камне: ведь и в иконописи одежды Христа часто покрывают золотыми полосками (ассистом) — символом света, преображающего косную материю.

Продолженне следует

Пожалуй, даже в самые сложные периоды истории нашей страны не исчезало полностью почитание святынь христианства, ислама, буддизма, особенно тех мест, где впервые на нынешней территории страны начали исповедовать эти религии. К числу таких мест относится и Крым, где, по преданию, тысячу лет назад крестился св. князь Владимир. О православных крымских монастырях рассказывает В. Козлов — сотрудник Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева.

В. КОЗЛОВ

ГОРЬКИЕ СУДЬБЫ ОБИТЕЛЕЙ КРЫМА

Ровно 140 лет назад, в августе 1850 года жители Бахчисарая с удивлением наблюдали необычную картину. После окончания литургии в православном Бахчисарайском соборе св. Николая духовенство со всего Крыма и паломники, сопровождаемые хором певчих в парадной одежде, двинулись с хоругвями и фонарями к Успенскому пещерному монастырю. Украшением Крестного хода была святая икона Успенской Богоматери, полученная из Киево-Печерской Лавры. Так в день Успения Пресвятой Богородицы, по инициативе архиепископа Херсонско-Таврического Иннокентия, с открытия Бахчисарайского Успенского Скита началось восстановление древних святых для христиан мест в Крыму.

«Крым как будто создан для того, чтоб быть нашим русским Афоном,— говорил впоследствии человек необыкновенной энергии, силы и ума Иннокентий Херсонский.— Я желал бы возобновить на горах его разрушенные храмы и монастыри и поселять в них по одному или по два таких монахов... Если Афон (полуостров в Греции, центр православного монашества) обилует священными памятниками и воспоминаниями, то и русский Афон — Таврида — не уступит в этом Афону греческому».

А возобновить действительно было что: для России это место тесно связано с истоками христианства. Здесь по церковным преданиям проходила проповедническая деятельность апостола Андрея Первозванного. В Инкерманские каменоломни, где уже было к тому времени более 2 тысяч христиан, римский император Траян сослал в I веке н. э. первого преемника апостола св. Петра — св. Климента. В Инкерманских же каменоломнях страдал другой римский епископ — св. Мартин, сосланный сюда в VII веке из Рима. Христианство в Тавриде достигло таких успехов, что в начале IVвека на полуострове было уже 4 епархии: Херсонская, Босфорская, Сугдейско-Фульская и Готская. Херсонская епархия была знаменита не только тем, что просуществовала более 1000 лет, но и тем, что память семи первых херсонских святителей, замученных в начале IVвека, почитается ежегодно 7 марта всеми христианами мира. Свидетели раннего христианства — развалины и следы древних храмов в Инкермане, Тепе-Кермане, Мангупе, Качи-Кальоне, Херсонесе, Пантикапее, Партените (ныне Фрунзенское) и других местах Крыма.

Христианство в Тавриде было многонациональным. В ту пору в крымских приходах были греки, готы, местные племена, несколько позже генуэзцы, армяне, грузины.

С вторжением на полуостров в XIII веке монголо-татар наступили для христиан тяжкие времена. Особенно трудно стало с конца XVвека. Турки разгромили генуэзцев Крыма, пал Константинополь — столица православной Византии.

Монастырь Козьмы и Дамиана Близ Алушты

Инкерманский монастырь

Подверглись разгрому и исчезли многие храмы и монастыри. Не случайно до нас почти не дошли документы крымских епархий, исторические реликвии.

Немногим древним святыням удалось выжить. В Крымском ханстве уцелел древний Георгиевский монастырь у мыса Фиолент. Это место, где уже в первых веках существовал христианский храм, было связано с именами многих известных крымских святителей. Как гласит легенда, в память о чудесном спасении погибавших во время кораблекрушения, греки в 891 году основали пещерный монастырь во имя св. великомученика Георгия. С XVI-XVII веков, когда мусульманство стало господствующей религией Крыма, сведения об этом монастыре становятся крайне скудными.

Во времена наиболее тяжких гонений на христиан зажглась звезда и Успенского греческого монастыря у Бахчисарая. История его теряется в веках. В долине у Бахчисарая издавна жили греки, там было их поселение Мариамполь, древняя пещерная церковь. Парадоксально, но именно Успенский монастырь, расположенный рядом с Бахчисараем — сердцем мусульманского Крыма,— стал в годы гонений новым светильником, в котором еще теплился дух христианства. В монастыре тогда находилась кафедра митрополита единственной в ханстве Готфо-Кафийской епархии. В самые тяжелые времена обитель неоднократно получала денежные пожертвования из России и поддерживала многовековые традиции христианства Тавриды.

Однако в целом христианство Крыма в канун его присоединения к России находилось в жалком состоянии. Храмы были крайне бедны и убоги, не превышали размером обычное жилище. Отсутствовали христианские школы.

В 1778 году произошло драматическое переселение христиан за пределы Крыма. Из Бахчисарайского скита последним готфско-кафийским митрополитом Игнатием под охраной русских войск было выведено в Приазовье более 30 тысяч христиан, главным образом греков, русское правительство пыталось оградить единоверцев от предстоящих военных действий. В Мариуполь, основанный вскоре на Азовском море, крымские греки перевезли из Успенского монастыря свою святыню — храмовую икону Богоматери.

Понятно, что перемещение за пределы Крыма значительного числа христианского населения не могло не сказаться на судьбах монастырей и храмов. Они ветшали, пустели. Ситуация не изменилась и после присоединения Крыма к России в 1783 году, хотя в ряде городов полуострова в ту пору начали возводиться новые храмы.

Потерял свое былое величие центр крымского христианства — Успенский монастырь. И хотя в августовский день Успения здесь ежегодно собирались тысячи паломников, в нем уже не было и священнослужителей. Правда, продолжалась жизнь в Георгиевском монастыре, где стараниями министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына был построен новый храм.

Лишь благодаря прибывшему в 1848 году в Крым архиепископу Иннокентию пришедшие в запустение святые места в Таврических горах стали преображаться. В 1850 году в колыбели христианства на Руси — в древнем Херсонесе — была основана киновия с небольшой каменной церковью во имя св. княгини Ольги. Тогда же, в 1852 году, была восстановлена Инкерманская киновия, где первым действующим храмом стала высеченная в скале древняя церковь во имя Климента — папы Римского.

Место третьей, устроенной заботами Иннокентия киновии тоже было связано с древними преданиями. Издавна и татары, и христиане стекались к целебному источнику в сердце крымских гор, в верховьях Альмы. Христиане называли этот источник Косьмодемьянским. Как гласит предание, святые бессребренники, врачи и чудотворцы Косьма и Дамиан, жившие в III веке, были сосланы в Крым и их молитвами был изведен из земли сей источник.

Вскоре после смерти Иннокентия, в сентябре 1857 года в этой живописной местности была построена небольшая деревянная церковь Косьмы и Дамиана, положившая начало одноименной киновии.

С этим источником было связано основание и четвертой крымской монашеской обители — Кизилташской киновии св. Стефана, архиепископа Сурожского. Киновия была устроена в 1856 году, в 15 верстах от Судака, на месте, где когда-то, по преданию, имел летнюю резиденцию св. Стефан. Но гораздо раньше основания обители получила известность здешняя пещера с целебным источником: в начале XIX века татарин-пастух нашел икону Божьей матери. С этого времени началось паломничество к источнику, а явленная икона в серебряной ризе была установлена после открытия киновии в церкви св. Стефана.

Пятая киновия, основанная трудами Иннокентия, находилась в четырех верстах от Керчи, на месте, куда в день св. Георгия (23 апреля) с незапамятных времен совершался крестный ход из древней керченской церкви. По преданию, здесь была обретена икона св. Великомученика Георгия; со времени основания Катерлезской Георгиевской киновии она была перенесена в новый Георгиевский храм.

Но, вероятно, более всего Иннокентия и его последователей заботило устроение главной крымской святыни — Успенского скита. Вскоре началось строительство гостиницы, трех храмов, настоятельского каменного дома. К скиту был приписан храм во имя св. Великомученицы Анастасии, расположенный в издавна почитаемом крымскими христианами месте, в 8 верстах от скита, на берегу реки Качи у пещерного города Качикалена.

Духовные труды Иннокентия Херсонского определили всю дальнейшую историю крымского монашества. После смерти крымского архипастыря в 1857 году (похоронен в Одесском кафедральном соборе) в Крыму был основан лишь один монастырь — св. Преподобномученицы Параскевы — между Феодосией и Карасубазаром, в урочище Топлу. Здесь, у издревле почитаемого источника, бьющего из-под развалин древней церкви, некогда жила в землянке болгарская девушка-отшельница. Монастырь был открыт в сентябре 1864 года, хотя церковь Параскевы освятили еще летом 1863 года.

Нелегкой была жизнь новых обителей Тавриды. Инкерманская киновия и Херсонский монастырь сильно пострадали в Крымскую войну. Во время осады Севастополя французские войска, заняв Херсонскую киновию, разрушили храм и кельи. Инкерманская обитель также пострадала от обстрела. Крымские обители, пожалуй, за исключением женского Топловского монастыря, были малолюдны, в них жило по нескольку монахов и послушников, причем некоторые из них не имели достаточного подвижнического опыта. Расположенные вдалеке от городков, как правило, в горной местности, среди мусульманского населения, монастыри не были богаты средствами, и их насельники добывали себе пропитание тяжелым трудом. Однако крымские обители выгодно отличало живописное местоположение, близость осененных священными преданиями целебных источников и развалин древних церквей.

Но несмотря на трудности, все крымские обители, возникшие в середине XIX века, доказали свою жизненность. В монастырях строились новые храмы, жилые и хозяйственные помещения, складывались монашеские традиции. Херсонская и Инкерманская киновии были преобразованы в монастыри. В канун революции в Инкерманском монастыре было уже 7 церквей, в Успенском — 6, в Георгиевском — 4, в остальных по 2-3 храма. Огромный Николаевский собор в византийском стиле был построен в начале XX века на Инкерманской скале, пятиглавый собор в русском стиле тогда же возвели у подножия скалы Успенского Бахчисарайского скита. Самой же впечатляющей монастырской постройкой Крыма стал собор св. князя Владимира, построенный на предполагаемом месте его крещения. История собора заслуживает отдельного рассказа. Идея его создания родилась в 1840-х годах, но заложили его только в 1867 году, а закончили через 20 лет. Огромный двухэтажный храм был построен по проекту архитектора Д. Н. Гримма. Собор как бы служил огромным футляром для остатков древнего храма. Владимирский собор по праву стал символом православного Крыма

В начале века практически каждый из восьми православных монастырей и скитов Крыма имел в различных городах империи свои подворья с храмами. Женские Космодемьянский и особенно Топловский монастыри владели образцовыми хозяйствами с прекрасными фруктовыми садами и огородами.

Революция и гражданская война тяжелым бременем легли на монастыри Крыма. Реквизиции и грабежи стали обычным явлением. В январе 1919 года несколько десятков грабителей ворвались в Топловский монастырь, забрали серебряные кресты, чаши, дарохранительницы, изорвали книги, уничтожили архив.

Но настоящая трагедия монастырей Крыма началась вскоре после установления Советской власти на полуострове — после ноября 1920 года. К этому времени в Советской России был накоплен опыт национализации монастырей во исполнение известного декрета об отделении церкви от государства (январь 1918 года). За три года Советской власти в России было национализировано и занято под школы, больницы, общежития, воинские части, даже концлагеря более 700 монастырей из 1000. Расхищалось, ломалось, уничтожалось то, что бережно собирали и хранили на протяжении многих веков.

Процесс национализации монастырей настиг Крым в начале 1920-х годов. Первоначально были закрыты и переданы различным учреждениям домовые церкви и монастырские подворья Симферополя, Феодосии, Керчи. В Херсонском монастыре разместилась красноармейская часть и инвалидный дом, в Космодемьянском — Крымский заповедник. Успенский скит заняла колония инвалидов имени Артема, Кизилташский монастырь — трудовая колония малолетних имени Калинина, древний Георгиевский монастырь передали Севастопольскому курортному управлению.

Топловская женская обитель близ Карасубазара пострадала менее других, так как местные власти сочли более выгодным сохранить ее образцовое хозяйство, оставив монашек в качестве работниц. Топловский монастырь стал сельскохозяйственной общиной «Женский труд».

В середине 1920-годов обозначилась тенденция к полной ликвидации монастырей. Хотя в большинстве монастырей Крыма живущие там монахи еще проводили в храмах богослужения, но, конечно, сосуществование на территории обителей религиозных общин и различных колоний, домов отдыха и т. д. не могло продолжаться долго.

Первой жертвой стал Катерлезский женский Георгиевский монастырь близ Керчи. Из этой небольшой обители были выселены монашки, а помещения заняты детской колонией. В июне 1922 года монастырь окончательно ликвидировали, а храм закрыли. Керченские власти дали указание: «бывший монастырь в поселке Катерлиз со всеми постройками передать местхозу для использования таковых на постройку школ и других сельских учреждений». Осенью 1924 года с первой обителью Крыма было покончено — монастырь разобрали до основания.

Судьба была благосклоннее к Херсонскому монастырю св. Владимира, ликвидированному в мае 1923 года. В октябре 1924 года Владимирский собор закрыли и вместе с другими постройками передали Херсонскому музею.

В упраздненный в октябре 1923 года Кизилташский монастырь вселилась сельскохозяйственная артель из деревни Отузы, а в церквах монастыря были устроены общежитие и клуб. В самом конце 20-годов снесли купола с Успенской и Стефановской церквей.

Все монахи были выселены и из самой чтимой христианами Крыма святыни — Успенского скита. Значительная часть церковного имущества этого пещерного

монастыря была уничтожена колонией инвалидов, хотя сами церковные здания колония не использовала. Как и до революции, в праздник Успения Богоматери — 28 августа сюда стекались богомольцы со всего Крыма. В 1925 году православные Бахчисарая попытались возобновить богослужение в церквах скита. В августе 1928 года на традиционное празднование Успения к скиту приехало более полутора тысяч паломников, но двери всех храмов уже закрыли. Это было последнее Успение древнего монастыря — в октябре 1928 года Бахчисарайский горсовет принял решение разобрать небольшие монастырские храмы. В начале 1929 года с церквами было покончено — строительный материал, оставшийся от них, продали трудовой колонии. Лишь древняя Успенская церковь сохранилась благодаря тому, что была высечена в скале.

В других обителях Крыма еще теплилась монашеская жизнь. В организованной монашками артели Космодемьянского монастыря числилось 42 человека. Артель жила практически монастырской жизнью, хотя церкви были опечатаны.

Артель Топловского монастыря сумела до 1928 года сохранить действующими свои храмы с ежедневной церковной службой. Спасало бывших монашек (244 человека) то, что хозяйство они вели прекрасно, и местные власти боялись потерять образцовую артель.

В 1928 году Крымский ЦИК закрыл последнюю церковь монастыря и принял решение о ликвидации Топловской общины «Женский труд» в связи с тем, что «артель строится по монастырскому уставу» и в ней не проводится никакая просветительская работа. Словно в насмешку, на части территории бывшего монастыря в 1929 году устроили совхоз «Безбожник».

Летом 1926 года были закрыты четыре церкви Инкерманского и две церкви Георгиевского монастырей. Но там еще действовало по 2—3 храма. В Георгиевском монастыре оставалось 12, в Инкермане — 16, в Херсонском — 13 монахов. Монахи обслуживали музей, дом отдыха и другие учреждения, размещенные в древних обителях.

В 1929 году, несмотря на сопротивление местных жителей, закрыли еще две церкви Балаклавского Георгиевского монастыря и приступили к сносу небольшого кладбища. Через два-три года были ликвидированы последние церкви. Древний пещерный храм в Инкермане был передан музею, а храм в Анастасиевском скиту на реке Каче занят помещениями совхоза «Коммунар»...

Десять лет понадобилось для того, чтобы разрушить и уничтожить то, что создавалось веками. В последующие десятилетия развалины Балаклавского, Георгиевского, Кизилташского, Стефановского, Космодемьянского монастырей попали в так называемую запретную зону. Первые два, полуразрушенные, и поныне заняты воинскими частями, от обители св. Бессребренников Космы и Дамиана осталась лишь надкладезная часовня — на территории Крымского заповедника.

Пожалуй, только пещерный Успенский монастырь сегодня доступен для путешественников и исследователей, но их взору открывается лишь каменная лестница, пещерный храм и полуразрушенное кладбище, на которое наступает психоневрологический диспансер...

Какое вы дерево?

Продолжаем публиковать гороскоп древних жрецов-друидов, которые тесно связывали судьбы и свойства людей и растений. Каждому сроку рождения соответствует свое дерево, куст, цветок. От них — и наши свойства.

ГРАБ

4—13 июня
2—11 декабря

Холодна красота граба. В молодости он часто красив до изысканности. Такая красота не притягивает, но настораживает.

Люди граба в молодости склонны коллекционировать взгляды. Большего им, как правило, не нужно: они соизмеряют свою красоту с теми преимуществами, которые может дать их внешность. Склонные к тонкому умному эстетизму, они присматриваются, внимательно присматриваются... И к зрелости накапливают изрядный опыт, с осторожностью относятся к инициативе и энтузиазму. Если в молодости люди граба ищут восхищенных взглядов, то в зрелые становятся снисходительными. Они не лишены честолюбия, временами отдающего тщеславием.

Склонность к соблюдению формы, более того, иногда удручающая окружающих склонность к дисциплине также дает им чувство превосходства над другими.

В любви и делах это надежные партнеры. И если судьба представляет им возможность выбора между энтузиазмом и долгом, они выбирают долг.

ИНЖИР

14—23 июня
12—21 декабря

Неяркие на первый взгляд люди инжира не остаются незамечеными. Их потребность в тепле и уюте настолько сильна, что обязательно вызывает сочувствие у окружающих. И не остаются в долгу: своей щедростью люди инжира удивляют друзей. Однако, если условия не соответствуют их действительным нуждам, они вянут, тоскуют, болеют. Люди инжира слабеют в одиночестве и очень, как правило, нуждаются во взаимопонимании, в уходе. Родственники и близкие необходимы людям инжира, даже если нет между ними мира и согласия.

Люди инжира своим присутствием иногда создают атмосферу напряженности и обидчивости, но сами не страдают от дискомфорта. Главное в них — чувство общинности. Братство, клубность, соборность делают их эффективнее и сильнее.

В любви и делах люди инжира просты, прилежны и «без затей».

Радость, солнечность! — иначе болезненная унылая обида.

В саду инжира забота одаряется щедро... ●

Начало публикации в № 1—5, 1991.

Нельзя сказать, что имя Свами Вивекананды (1863—1902) неизвестно советскому читателю. О нем знают все, кого интересует история культурных связей Индии и России. Творения великого индийского религиозного философа, записи его прославленных лекций, которые он читал во многих странах мира, пользовались большой популярностью в нашей стране в начале столетия. В советское же время о Вивекананде больше писали и говорили как об общественном деятеле, который выступал с критикой колониальной системы и с оригинальной концепцией справедливого общества. Основой построения такого общества Вивекананда считал религию, духовность. Естественно, он прежде всего имел в виду религиозное наследие Индии, однако духовную культуру Запада он тоже хорошо знал и относился к ней с горячей симпатией. Образ Христа в представлениях народов мира — неисчерпаемая тема (к ней неоднократно обращался наш журнал) Вивекананда вписал в эту многокрасочную летопись одну из ярчайших страниц.

Свами ВИВЕКАНАНДА

ХРИСТОС-ПОСЛАННИК

Лекция, прочитанная в Лос-Анжелесе, Калифорния, 1900

Волна, вздымаемая на поверхностн океана, оборачнвается пустотой. Затем вырастает новая волна, может быть, даже больше предыдущей, н тоже проваливается в бездну; снова поднимается н — несется дальше. В чередовании событнй мы иаблюдаем те же подъемы н иизвержения и обычно замечаем взлеты, забывая про падения. Но н те н другне иеобходнмы, н в обонх есть велнчне. Это — основа Вселенной. И в нашей соцнальиой жизнн, н в областн духа существует та же иепрерывность двнжеиня, иепрерывиость взлетов и паденнй. Либеральные ндеалы, как н велнчайшие нз событнй, в своем движеннн вперед переживают перноды упадка, усвоеиня, размышлення о пронсшедшем н прнспосаблнвання, сбережения, иакаплнвання снл для еще одного подъема н взлета.

История народов всегда выглядела так. Велнкнй дух, Посланннк, к которому мы обратимся сегодня, появнлся в тот пернод нсторнн своего иарода, который мы можем определнть как глубокнй упадок. Мы располагаем лншь скуднымн сведеннямн о сказаином н содеянном нм, содержащнмнся в случайных запнсях; ибо истннио говорнтся: если бы было запнсано каждое слово его и каждое деянне, то он бы заполннл собою весь мнр. А его пастырская деятельность — это целая эпоха, сжатая в трн года, иа осмысление которой понадобнлось девятнадцать столетий н, кто знает, сколько понадобнтся еще! Маленькне люди, такие,как вы н я, суть простые получателн иезначительного количества эиергни. Нескольких мнут, иескольких часов, в лучшем случае нескольких лет достаточно, чтобы растратить ее всю, взять всю силу, которой эта энергия обладает, и потом уйтн навсегда. Но это был — тнтан: прошлн века, а оставленная нм миру энергня еще не нспользована, не нсчерпана до коица. Снла ее с годами только увелнчивается.

А сейчас мы немного косиемся жнзнн Хрнста — воплощения Бога у евреев. Когда Хрнстос родился, еврен находнлнсь в том состояиин, которое я называю впаднной между двумя волнамн; в стадни консерватизма, когда мысль человеческая нсчерпала себя в двнжении вперед н пеклась лишь об уже достнгнутом; в стадни, когда больше вннмаиия уделялось деталям, мелочам, а не общнм, глобальным жизненным проблемам; в стаднн стагиацни, а не развнтня; в стаднн, когда преобладала забота о сохранностн, а ие о прогрессе. Должен заметнть, я ие обвиияю это время. Мы не имеем права крнтнковать его — не было бы этого падения, ие было бы н подъема, воплощенного в Инсусе нз Назарета.

Чрезмерное вниманне к формам, догмам, каждодневным деталям культа, к рнтуалам может показаться смешным, ио нменно в ннх содержнтся снла. Часто в стремленнн вперед мы растрачнвзем снлу. Как правнло, фанатнк сильнее либерала. У фанатнка есть большое достоннство, он накаплнвает энергию в огромных количествах. Но энергия скаплнвается как в отдельной лнчностн, так н у целого народа. Окружеииый со всех сторон врагамн, угнетаемый Рнмом, нспытывающнй ннтеллектуальное воздействне эллиннзма, влняиня Перснн, Индии н Александрни — окружеииый в фнзнческом, ментальном н иравственном смыслах — выстоял народ, обладающнй огромиой, накопленной, прнсущей только ему снлой, нерастерянной потомками до сих пор. Все уснлия былн направлены на концентрацню энергни вокруг Иерусалнма н Иудаизма. Но, однажды собранная в одном месте, снла не может оставаться нензменной, она должиа расходовать н вырабатывать себя. Не существует иа земле энергни, способной удержнваться в огранченных пределах. Она не может находнться долгое время в сжатом состоянин без освобождения в последующне перноды.

Эта сконцентрнрованная в еврейском иароде энергия нашла свое выраженне в пернод появлення Хрнстнанства. Собранные потоки сошлнсь в теле. Мало-помалу онн слнлнсь в однн поток, сталн вздымающейся волной, на вершине которой возвышалась лнчность Инсуса нз Назарета. Такнм образом, каждый Пророк — это твореине своего времени, творенне нсторнн своего иарода; но он, в свою очередь, является творцом будущего. Сегодняшнее существованне — это следствне прошлых усилнй н прнчнна для появлення будущих. Так иадо рассматрнвать Посланннка. В нем воплощено все велнкое н прекрасное своего народа,

Иван Усов. Христос в темнице. 1778 г.

знания, жизнь, за которые этот народ боролся веками; а сам он — это импульс для будущего не только одного иарода, но миогих.

Но мы должиы иметь в виду следующее: мой взгляд на великого Пророка из Назарета — это взгляд с точки зрения жителя Востока. Вы давно забыли, что Назаретянин сам был представителем Востока. Со всеми вашими попытками изображения его голубоглазым и светловолосым, он, тем не менее, был восточным человеком. Все сравиения, образы Библии — декорации, местоположение, отношения, категории, поэтика и символика — говорят вам о Востоке: о сияющих небесах, о жаре, о солнце в пустыне, о томимых жаждой людях и животных; о стадах, землепашцах, о возделываемых полях, простирающихся вокруг; о водяных мельиицах с мельничными прудами, колесами и жериовами — о всем том, что и сейчас можио видеть в Азии.

Голос Азии — голос религии. Голос Европы — голос политики. Каждый велик по-своему. Голос Европы — это голос древней Греции. Для греков предметом любви было непосредственно их общество. Все, что ни делали сами греки, считалось верным и правильным, а все, что существовало в мире кроме них,— ложным, порочным и не имеющим права иа существование. Оии были очень сильны в своих человеческих проявлениях, очень естествеины, очеиь артистичиы. Греки жили полностью в этом мире. Оии ие грезили. Даже их поэзия практичиа. Их боги и богиии не просто люди, а прежде всего люди, со всеми человеческими страстями и чувствами, которыми обладает каждый из иас. Оии любили прекрасное, ио, уверяю вас, только во внешних проявлеииях: красота гор, сиегов, цветов, красота форм и фигур, красота человеческого лица и, гораздо чаще, тела — вот что иравилось грекам. Для всей окружающей Европы греки стали учителями, Европа заговорила голосом Греции.

В Азии все по-другому. Представьте себе огромный, обширный коитинент, вершинами гор достающий до облаков и касающийся голубых иебес, простирающуюся иа многие мили пустыню, где ие иайти ии капли воды, не говоря уже о клочке травы, непроходимые леса и огромные реки, несущиеся к морю. Среди всего этого окружения любовь Востока к прекрасному н возвышенному развивалась в ииом иаправлеиии. Она иаправлеиа вовнутрь, а ие вовне. Здесь также есть тяга к природе, та же жажда власти, превосходства, что и у греков и у варваров, но оиа захватывает более широкий круг поиятий. Даже теперь в Азии цвет кожн и язык не определяют народ. То, что образует народ,— религия. Мы все — христиане; мы все — мусульмане; мы все — индуисты или буддисты. Не имеет значения, что буддист — китаец или выходец из Персии, они считают себя братьями, так как исповедуют одну религию. Религия — связующая иить человечества. И, возвращаясь к теме, человек Востока рожден мечтателем, фантазером. Шум водопадов, пение птиц, великолепие солица, луны и звезд прекрасны, ио не достаточны для его сознания. Он хочет мечтать о нереальном. Он хочет уйтн за пределы иастоящего. Настоящее, в том виде, как оио существует,— ничто для него. Восток — колыбель человечества, и судьба его полна всяческих превратностей. Царства сменялись царствами, империи сменялись империямн, человеческая власть, слава н благополучие — все прошло здесь: Голгофа власти и учеиий. Таков Восток: Голгофа власти, царств, учений. Неудивительио, что ум Востока смотрит с презрением на этот вещественный мир и хочет увидеть среди нищеты и смерти нечто неизменное, благодатиое, вечное. Пророк Востока никогда не устает отстаивать этн идеи; а что касается Пророков, то, должен иапомнить, что все без исключения Посланиики были представителями Востока.

Итак, прежде всего, Иисус из Назарета — настоящий, преданный сын Востока. Он не питал веры ко всему, что прниадлежит этому быстроисчезающему миру.

У него не было другого занятия в жизни, другого понятия, кроме того, что он — Дух. Это был отъединенный от тела, раскованиый, освобожденный Дух. Но дело не только в этом; он, со своей удивительной проницательностью, был убежден в том, что каждый человек, будь то мужчина или женщииа, еврей или иееврей, богач или бедняк, праведник или грешиик, является воплощеиием того же нетлениого Духа, что и он сам. Поэтому, как видно из всей его жизни, все усилия его были направлены на пробуждение духовной сущности каждого. Отбросьте, ои говорил, суеверные представлення о собствеиной иичтожности н обездоленности. Думайте не о том, что вас унижают и истязают как рабов, а о том, что внутри вас существует нечто, что нельзя унизить, растоптать, убить. Вы все — Сыиовья Бога, Бессмертного Духа. Знайте,— провозглашал он,— Царство Божие внутрн вас. «Я и Отец — одио». Надо отважиться и сказать не только: «Я — Сын Божий», ио и то, что лежит в самой глубине души: «Я и Отец — одно». Вот, что говорил Иисус из Назарета. Он ннкогда не разговаривал об этом мире и об этой жизни. Он не хотел ничего совершать в ней, но ои хотел дать толчок для движеиия всего существующего мира по пути достижения сияющего Божествениого Света, к реализиции каждым своей духовной сущиости, когда будет побеждена смерть и изгнаны страдания.

Мы прочли все, что было написаио о нем, мы зиаем схоластиков, их работы, их высокую крнтику и мы зиаем все, что может дать иаука. Мы здесь ие для того, чтобы обсуждать, иасколько Новый Завет подлниеи, мы здесь ие для того, чтобы обсуждать, иасколько описанное там совпадает с историей. Не имеет значеиия ии то, что Новый Завет писался в течение пяти веков после рождеиия Иисуса, ни даже то, насколько реальиа его жнзнь. Но что-то ведь стоит за всем этим, что-то, что мы пытаемся имитировать. Для того чтобы солгать, нужио сымнтировать правду, и эта правда и есть истина. Вы ие можете сымитировать то, чего никогда ие было. Вы ие можете сымитировать то, чего никогда не ощущали. Должиа была

существовать сконцентрнрованиая, колоссальная энергия, удивительное проявление духовной силы — вот о чем мы говорнм. Вот что стоит за всем этим. Поэтому нам не страшна вся критика схоластнков. Если я, как представитель Востока, хочу верить в Иисуса из Назарета, существует одни данный мне способ — верить в него как в Бога н не иначе. Вы хотите спросить, имеем лн мы право верить в него как-нибудь по-другому? Но если мы низведем его до собственного уровня, отдавая ему должное просто как выдающемуся человеку, зачем тогда вообще верить? Наши священные книги говорят: «Эти великие дети Света, через которых проявляется Свет, кто сами — Свет, когда в них уверуют, станут единственными для нас, и мы станем единственными для них».

Человек постигает Бога в три этапа. На первом этапе необразованный человек с неразвитым интеллектом представляет Бога где-то очень высоко в небесах, сидящим на троне, словно великий Судья. Он взирает на Него как на огонь, как на внушающего страх. И это хорошо, так как в этом нет ничего плохого. Вы должны помнить, что человечество продвигается не от заблуждения к истине, но от истины к истине, или, если хотите, от низшей истины к более высокой. Представьте, что вы со своего места по прямой направляетесь к солнцу. Отсюда солнце выглядит очень маленьким. Представьте, что вы прошли уже миллион миль, солнце стало гораздо больше. С каждым этапом солнце становится все больше и больше. Представьте, что будет сделано двадцать тысяч фотографий солнца с различных точек; все эти 20 тысяч фотографий будут немного отличаться друг от друга. Но сможете ли вы отрицать, что на каждой из них изображено солнце? Так и все формы религий, как высшие, так и низшие, суть различные этапы на пути к вечному Свету, который есть Бог. У кого-то примитивные понятия, у кого-то более высокие, и в этом все различие. Таким образом, во всем мире религии невежественных масс должны быть, и всегда были, верой в Бога, находящегося за пределами вселенной, живущего на небесах, правящего оттуда, карающего за зло, вознаграждающего за добро н т. д. По мере духовного развития человек начинает ощущать, что Бог вездесущ, что Он внутри, что Он везде, что Он не где-то далеко, а в душе каждого. Как моя душа управляет телом, так и Бог управляет моей душой. Душа в душе. Некоторые личности, которые достаточно развиты н достаточно чисты, идут гораздо дальше и, наконец, приходят к Богу. Как сказано в Новом Завете: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.» И они, наконец, понимают, что они и Бог — одно.

Вы находите эти три этапа и в учении Великого Учителя из Нового Завета. Вспомните Общую Молитву: «Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое,» н т. д. ,— примитивная молитва, детская молитва. Заметьте, это — «Общая Молитва», потому что предназначена для необразованных масс. Для тех, кто немного продвинулся вперед, кто находится на более высоком уровне, его учение сложнее: «Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас». Помните ли вы это? А позже, когда иудеи спрашивали его, кто он есть, он объявил им, что он и Отец—одно. Что он подразумевал под этим? Вашими ветхими Пророками уже было сказано: «Вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы.» Отметьте все те же три этапа. Вы найдете, что для вас проще начать с первого и закончить последним.

Посланник пришел указать путь: нельзя определить Дух, нельзя познать Дух, решая смутные, запутанные задачи философии. Лучше быть безграмотным н не прочесть ни одной книги в жизни. Для спасения совершенно не нужны ни богатство, ни положение, ни власть, ни даже знание, но необходимо только одно — чистота: «Блаженны чистые сердцем», так как Дух чист по своей сути. А как может быть по-другому? Все от Бога, все пришло от Бога. Выражаясь языком Библии: «Это дыхание Бога». Выражаясь языком Корана: «Это душа Бога». Вы хотите сказать, что Божий Дух может быть нечистым. Он, увы, как и раньше, покрыт грязью и пылью веков, скопившейся на протяжении всей нашей деятельности, полезной или вредной. Необходимо только смыть пыль и грязь, и тогда Дух мгновенно засияет. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». «Царство Божие в вас». Зачем куда-то ходить, чтобы найти Царствие Божие, спрашивал Иисус из Назарета, когда оно здесь, внутри вас? Очистите Дух, н оно — здесь. Оно — ваше. Как вы сможете получить то, что не ваше? Оно — ваше по праву. Вы — наследники вечности, сыновья Бессмертного Отца.

Это — великий урок, данный Посланником; а другой, являющийся основой всех религий,— отречение. Как можно Духом стать чище? Путем отречения. Богатый юноша спросил Иисуса: «Учитель Благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?». И Иисус отвечал ему: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; н будешь иметь сокровище на небесах; н приходи и следуй за Мною». Услышав эти слова, юноша отошел с печалью, потому что было у него большое имение. Кто в большей степени, кто в меньшей, но мы все похожи на него. Голос звучит в наших ушах денно н нощно. Среди развлечений н удовольствий, в мирской суете, мы думаем, что забыли обо всем. Но вдруг все смолкает, н в ушах звучит Голос: «Отвергнись себя н следуй за Мною». «Ибо кто хочет жизнь свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет жизнь свою ради Меня, тот обретет ее». Кто отдаст жизнь за Него, тот обретет жизнь вечную. Все наши мелкие страсти на какой-то миг утихают н раздается Голос: «Откажись от всего; раздай все нищим и следуй за Мною». Это — главное, что он проповедывал н что проповедывали все великие Пророки мира: отречение. Что подразумевается под отречением? Основной нравственный идеал: бескорыстие. Будьте бескорыстны. Идеал — это совершенное отсутствие корысти. Если человека ударят по правой щеке, он подставит левую. Если у человека возьмут рубашку, он отдаст н верхнюю одежду.

Мы должны достичь наивысшего уровня, какого сможем, не снижая идеала. Идеал вот в чем. Когда в человеке отсутствует его «Я», когда он не обладает ничем, что можно назвать «МОЕ», когда он полностью отказался от себя, уничтожил себя — в таком человеке присутствует сам Бог, ибо в нем подавлено, уничтожено самовольство. Это — совершенный человек. Мы еще не можем подняться на этот уровень; давайте пока верить в идеал н стремиться к достижению идеала. Может быть завтра, а может быть через тысячу лет, но мы придем к идеалу. Но это не только цель, но также н средство. Быть совершенно бескорыстным — это н есть само спасение, ибо человек умирает н остается один Бог.

И еще. Все учителя человечества были бескорыстны. Представьте проповедующего Иисуса из Назарета н человека, который пришел н говорит ему: «То, чему ты учишь, прекрасно. Я верю, что это — путь к совершенствованию, и я готов следовать ему, но я не хочу верить в тебя, как в единственного Сына Божьего». Каков был бы ответ Иисуса из Назарета? «Очень хорошо, брат, следуй идеалу н иди своим путем. Мне все равно, веришь ли ты в мое учение или нет. Я не лавочник, я не торговец религией. Я всего лишь учу истине, а истина — это не чья-то собственность. Никто не может обладать истиной. Истина — это сам Бог. Иди вперед». Но вот что говорят его последователи сегодня: «Не имеет значения, следуете ли вы учению или нет, но верите ли вы в Него? Если вы верите в Учителя, вы будете спасены, если же нет — не будет вам спасения». И этим извращается все учение, и вся борьба ведется только из-за личности Учителя. Они не понимают, что, навязывая это разделение, они, в некотором смысле, покрывают позором того самого Человека, которого хотят облагородить,— того самого Человека, который содрогнулся бы от стыда от подобной идеи. Беспокоился ли Он о том, будет ли помнить Его хоть один человек или нет? Он должен был выполнить свою миссию, н Он выполнил ее. И если бы у Него было двадцать тысяч жизней, Он отдал бы их все самому нищему человеку в мире. Он бы миллионы раз подверг себя пыткам, ради миллиона

презренных самаритян, и, если бы только от его жизни зависело спасение каждого из них, он бы пожертвовал ею. И все это без стремления сделать свое имя известным хотя бы одному человеку. Он должен был действовать тихо, в безвестности, молча, так же, как действует Господь. А теперь, что скажет его последователь? Он скажет вам, что вы можете быть совершенным человеком, абсолютно бескорыстным, но пока вы не поверите в нашего Учителя, в нашего Святого, все это бесполезно. Почему? Где истоки этого предрассудка, этого невежества? Последователь думает, что Господь может проявить себя только однажды. В этом вся ошибка. Бог является вам в человеке. А в природе устроено так, что все, что случается однажды, уже происходило раньше и произойдет в будущем. В природе не существует ничего, что не было бы скреплено законом, а это значит, что имевшее место однажды, уже было и повторится еще.

В Индии существует та же идея Божественных воплощений. Одно из великих воплощений, Кришна, чье величайшее учение, заключенное в Бхагавад-Гите, которую некоторые из вас читали, говорит: «Хотя Я — нерожденный, и Мое трансцендентное тело нетленно, хотя Я — Господин всех живых существ. Я все же в каждое тысячелетие являюсь в Своем изначальном трансцендентальном образе. Когда на земле религия приходит в упадок, и воцаряется безбожие. Я нисхожу Сам. Чтобы освободить праведников и уничтожить злодеев, а также восстановить религиозные принципы. Я Сам спускаюсь на землю в каждую эпоху». Когда мир деградирует, Господь приходит на помощь, время от времени Он делает это в разных местах. Он говорит об этом проявлении в другом отрывке: «Если ты когда-нибудь услышишь о великом человеке огромной энергии и чистоты, ведущем борьбу за возрождение человечества, знай, что он рожден от Моей славы, что вершу через него».

Поэтому давайте искать Бога не только в Иисусе из Назарета, но и во всех Великих, которые предшествовали ему, которые пришли после него, и во всех, кто еще придет. Наша вера свободна и ничем не связана. Они все суть проявления одного Бесконечного Бога. Они все чисты и бескорыстны; они боролись и отдавали свои жизни за нас, за нищие человеческие существа. Каждый из них и все вместе, они претерпевали страдания ради искупления вины каждого из нас, а также всех, кто придет после.

В душе вы все Пророки; каждый из вас — Пророк, несущий мировое бремя на своих плечах. Видели ли вы когда-нибудь мужчину, видели ли вы когда-нибудь женщину, которые бы не несли тихо и терпеливо бремя своей жизни? Великие Пророки — титаны, они взвалили огромный мир на свои плечи. По сравнению с ними мы — пигмеи, но, будьте уверены, мы делаем то же самое; в наших маленьких мирках, в наших маленьких домах мы несем наши маленькие кресты. Нет ни одного настолько порочного, настолько никчемного человека, который бы не нес свой собственный крест. Но со всеми нашими недостатками, со всеми нашими дурными мыслями и дурными поступками, существует где-то светлое пятно, существует где-то золотая нить, через которую мы все время находимся в соприкосновении с божественным. Ибо, если момент соприкосновения с божественным будет утерян, то, я знаю наверняка, все должно быть уничтожено. А так как ничто не может исчезнуть, значит где-то в глубине души, как бы низки и извращены мы ни были, должно быть небольшое светлое пятнышко, которое находится в постоянном контакте с божественным.

Мы приветствуем всех Пророков прошлого, чьи учения и опыт жизни мы унаследовали, независимо от их принадлежности к расе, убеждений и мест проживания! Мы приветствуем всех этих богоподобных мужчин и женщин, которые работают для спасения человечества, кем бы они ни были по происхождению, цвету кожи, национальности! Мы приветствуем тех, кто придет в будущем,— живых Богов, чтобы бескорыстно трудиться ради наших потомков!

Перевел В. СЕДОВ

МУЗЕЙ ЭЗОТЕРИЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ

СКАЗКА — ЛОЖЬ, ДА В НЕЙ НАМЁК...

Картина ленинградского художника Бориса Митавского, помещенная на 1-й странице обложки этого номера, называется «Притча». Но смысл притчи не только не сообщен зрителю, но откровенно, почти демонстративно зашифрован. И каждый, разглядывающий картину, волен дать собственное решение живописного ребуса, предложенного автором — в меру своего воображения, начитанности, остроумия.

В самом деле, что означает странная сцена, разыгрываемая неким тыквоголовым деревянным народцем? Один из вариантов решения: это неведомое племя только что закончило тяжкий мучительный переход по скользким камням через неведомое болото (символ какого-то рабства, угнетения?), черное, таящее в глубинах множество опасностей. И вот поход окончен — впереди вольный степной простор, голубое небо. Но почему так смущены деревянные уродцы? Почему прежде чем двинуться вперед, они разложили перед собой ворох старинных, полуистлевших рукописей, по-видимому, своих священных книг? Наверное, пытаются вычитать в них нечто важное, то, что решит их дальнейшую судьбу...

И где происходит действие? Что за голубое солнце висит над степью, уж не наша ли матушка Земля?

А может быть, наоборот, это племя собирается покинуть свои родные степи и пуститься в опасное путешествие через черные болота — возможно, его и ищет деревянный народец?

А может быть, это притча о лжемудрецах, которые многие века оболванивали свой народ, «обстругали» людей до полной потери индивидуальности? А когда те рванулись к свободе, с трудом выбравшись из липкой, черной трясины, стараются преградить им путь грудой истлевших истин и предписаний?

Все приведенные толкования допустимы и равноценны в наше плюралистическое время. А чтобы примирить все мнения, вспомним мудрые и лукавые пушкинские строки:

Сказка — ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок.

Несколько слов о художнике. Борис Митавский — по образованию химик-технолог. Живопись поначалу была лишь увлечением. Но увлечение привело к учебе в вечерних рисовальных классах, а затем, став всепоглощающей страстью,— к смене профессии. Сегодня картины Б. Митавского хранятся в коллекциях не только Ленинграда и Москвы, но и США, и Германии.

Постоянная тема творчества Митавского — его родной город, прекрасный и трагический Петербург-Ленинград. Сквозь призму его судеб художник старается решить проблемы общечеловеческие: Человек и Город, Город и Природа. Великий город на Неве предстает перед нами в его картинах незнакомым, таинственным, почти потусторонним, таким, каким рисовали его классики — Гоголь, Достоевский, Блок, Андрей Белый: по сегодняшним проспектам разгуливают люди былых эпох и тень Петра спешит до рассвета проведать любимый город.

Когда Борису было почти 40 лет, в жизни его произошло знаменательное событие — он впервые прочел Библию. «Она потрясла меня, целиком захватила мое воображение,— рассказывает он.— Я долго ничего не мог делать, пока не понял: обрести равновесие я смогу, лишь перенеся свои мысли и чувства на полотно. Так были созданы мои «библейские полотна» — «Ной», «Предопределение» и другие. Тема «Притчи» также навеяна Библией».

О. ТОРЧИНСКИЙ

ДОБРО КАК ПРАВДА

этическая концепция В. Соловьева

Марк СМИРНОВ
священник

Вл. Соловьев в минуту мрачного раздумья. Рисунок И. Е. Репина

Исторический путь человечества Соловьев исследует с точки зрения христианской нравственности. Естественно ставится вопрос, каковы взаимоотношения личности и общества. По мнению философа, между ними не существует противоположения. Общество есть объективно осуществляемое содержание разумно-нравственной личности, а личность есть сжатое или сосредоточенное общество. Нравственно-историческая задача человечества заключается не в создании лично-общественной солидарности, которая и так объективно существует, а в осознании этой солидарности, в превращении ее из слепой в разумную, из невольной в вольную. Необходимо достичь того, чтобы каждый воспринимал общее дело как свое собственное.

«Общество не есть внешний предел личности, а ее внутреннее восполнение»,— пишет автор,— оно есть «нераздельная целость общей жизни, отчасти уже осуществленной в прошедшем и сохраняемой чрез пребывающее общественное предание, отчасти осуществляемой в настоящем посредством общественных служений и, наконец, предваряющей в лучшем сознании общественного идеала свое будущее совершенное осуществление»*.

Этим трем моментам лично-общественной жизни соответствуют три ступени исторического развития: 1) род; 2) национально-государственный строй; 3) всемирное общение как идеал будущего. Однако при всей своей нераздельности с обществом личность есть подвижное, динамическое начало в истории, а общество — начало консервативное, статичное. Антагонистических противоречий между ними нет, они находятся в состоянии диалектически противоречивого единства, а столкновения между ними бывают по личному почину в период перехода к новой стадии социального развития.

Развитие общества закономерно с нравственной точки зрения, ибо останься оно на стадии родового строя, не было бы прогресса культуры, а также и прогресса личности. Все, чем мы питаем свою духовную культуру, выросло на почве образованного общества, обусловленного государственным порядком. «Пусть незрелая фантазия начинающего поэта,— пишет Соловьев,— прославляет полудикий быт кочующих цыган: непререкаемая оценка этой фантазии заключается в том простом факте, что сын образованного общества, Пушкин, мог создать своих «Цыган», тогда как сами цыгане при своих мнимых преимуществах никак не могли создать своего Пушкина» (с. 293—294). С другой стороны, возведение в абсолют государственного правопорядка в ущерб интересам личности и семейно-родовому долгу носит безнравственный характер. Это положение Соловьев иллюстрирует примером Антигоны Софокла, которая во имя родственного долга не побоялась пойти против Креона, представителя государственной власти. «И будучи образцом нравственной личности, подчеркивает Соловьев,— Антигона вместе с тем и тем самым есть представительница истинной общественности, которая держится только исполнением обязанностей» (с.297). Вывод: исторический процесс, создающий новые формы общества, есть явление, хотя и совершенно необходимое и важное, но все-таки относительное, подчиненное высшей цели и теряющее свое оправдание, когда обращается против того безусловного Добра, ради осуществления которого весь этот процесс и происходит.

Анализируя развитие лично-общественного сознания по историческим эпохам, философ выделяет три главные явления в духовной жизни человечества: буддизм, платонизм и христианство. Буддизм или религия пробуждения представляет собой, по мнению философа, первую ступень человеческого универсализма, поскольку он поднимается над национально-политическим характером древнеиндийской языческой религии и, прежде всего, над кастовым строем древней Индии. Впервые человеческая личность стала цениться не как частица какого-то рода, касты, нации, а сама по себе, как носительница высшего сознания, способная пробудиться от призрачного сна человеческого существования.

Но утверждая самоценность личности, свободно, независимо от наследственной принадлежности избирающей известный духовный идеал, буддизм тем не менее ограничен своим нигилизмом. «Все в жизни пусто»— из этого постулата не родится положительного содержания, поэтому, заключает Соловьев, буддизм познает только низшее в духе, но не способен дать идею абсолютного блага.

Однако человеческий разум не мог остановиться на этом первом шаге, он должен был найти мир, наполненный смыслом. Греки не менее индусов чувствовали пустоту материального бытия, но, в противовес только отрицательной философии буддизма, в Греции возникает учение о положительном истинном и достойном бытии. Теоретически оно было оформлено Платоном, а практически воплощение нашло в подвиге Сократа (философ спокойно и радостно принимает чашу с ядом, не противясь несправедливому приговору суда). Согласно этому учению, высший представитель человечества — философ сознает свое безусловное, непреходящее значение, ибо живет он в чистом, истинно сущем мире умопостигаемых идей, презирая обманчивое бытие материальной среды. Здесь в отличие от буддизма, личность не

Окончание. Начало в № 2 и 5, 1991.

[1] *Соловьев В. С. Оправдание добра. Собр. соч. Т. VIII. С. 284. Далее в тексте указаны страницы этого тома.*

растворяется в небытии, не поглощается им, но живет вне общественной среды. Действительная жизнь и для идеализма сократо-платоновского типа остается бессмысленной и бесконечно далекой от идеальных представлений о ней.

Общественно-политические идеалы Платона, по мнению Соловьева, весьма поверхностны и далеко не совершенны, и «ему в сущности все равно, как устроются люди на земле, на которой истина не живет и не будет жить» (с.321). Помочь же страдающему миру в состоянии «не безволие аскета, отрешившегося от всякой жизни и жизненной среды, и не умственное созерцание философа, живущего только мыслию в области идей, а живая сила целой человеческой личности, обладающей безусловным значением не в отрицательной только потенции и не в идее только, а в положительной действительности» (с. 324).

Так Соловьев подходит к идее, что только христианство являет собой положительный и реальный универсализм. В явлении Христа оно дает человечеству живой образ личности безусловно совершенной. Суть ее — в положительном осуществлении достойного бытия во всем. Тем самым христианство обещает человечеству сообразное личности Христа совершенное общество. Но поскольку такое общество не может быть создано насильственным образом, обещание это включает в себя задачу нравственного совершенства, как для всего человечества, так и для каждого человека: содействовать преобразованию среды для собирательного воплощения в ней Царства Божия. Истинное христианство есть единство трех основ. Это: 1) абсолютное событие — явление и откровение Богочеловека Христа; 2) абсолютное обещание Царства Божия; и 3) абсолютная задача — способствовать исполнению этого обещания через перерождение всей личной и общественной среды в духе Христовом.

Итак, нравственность ставится философом на уровень всеобщей объективной задачи человечества. Но прежде чем перейти к анализу исторических условий реализации этой задачи, он подвергает острой критике так называемый отвлеченный субъективизм в этике. Это направление, представителем которого был, в частности, Л. Н. Толстой, принципиально отрицало нравственность как историческую задачу человечества в целом и полностью сводило ее к моральным побуждениям отдельных лиц. Соловьев находит этот взгляд совершенно несостоятельным.

Пример гомеровского героя Одиссея, человека мудрого, благочестивого, справедливого и очень чувствительного, красноречиво свидетельствует о том, что в определенной исторической обстановке человек, наделенный столь многими прекрасными качествами, тем не менее совершает такие поступки, которые в настоящее время могут быть расценены не иначе как варварские, и они были бы невозможны даже для самого среднего человека, не говоря уже о нравственном герое. Одиссей, который столько раз сострадал своим близким, совершенно спокойно вешает служанок и зверски расправляется с неугодными ему.

Другой пример, который приводит автор,— история одного тамбовского помещика времен крепостного права, в имении которого не было ни одного не избитого ребенка, ни одной не поруганной крепостной. А между тем, этот помещик, замечает Соловьев, по отзывам соседей, слыл истинно благородным человеком и даже истинным христианином. Разве нашли бы оправдание эти поступки спустя полстолетия, после отмены крепостного права?

В чем же причина невозможности такого поведения в наши дни, спрашивает Соловьев. Она состоит в том, что нравственная идея, ограниченная прежде субъективной сферой личной нравственности, лишь в последнее столетие стала всеобщим делом. Этому способствовали события огромного общественного значения, такие, как французская революция XVIII века, Гражданская война в Америке, покончившая с рабством негров, а в России, конечно же, отмена крепостного права. В результате этих событий требования справедливости,человеколюбия были перенесены из пределов личного, субъективного чувства на твердую почву объективной действительности. Опыт, по мнению Соловьева, с полной очевидностью показывает, что когда общественная среда не организована нравственно,то и субъективные требования добра от себя и от других неизбежно понижаются; если же среда организована,то и нравственные требования выше.

Находя несостоятельным нравственный субъективизм, Соловьев выступает также против так называемого социального реализма, согласно которому общественные интересы и институты имеют решающее значение в деле нравственного воспитания. Протест рожден тем, что понятие человека по сути тождественно понятию общественного животного. А если так, то идеалом человеческого общежития следовало бы считать муравейник, поскольку «общественность» для муравьев составляет жизненный принцип, ничуть не менее важный, чем для человека. Человек же, подчеркивает Соловьев, существо не только общественное, но и в первую очередь нравственное, и только в качестве такого имеет право на существование, развитие своих потенциальных возможностей, независимо от своей общественной полезности.

Так философ приходит к глубоко человечному выводу: никто и ни при каких условиях не может рассматриваться как средство для каких бы то ни было целей — он не может быть также орудием для блага других людей или даже для всеобщего блага. «Что касается до полезности,— иронически замечает автор,— то не только одна здоровая лошадь полезнее множества больных нищих, но и неодушевленные предметы, например печатный станок или паровой котел, несомненно, принесли общему историческому прогрессу гораздо больше пользы, чем целые народы,дикие или варварские. Однако, если бы per impossibile Гуттенбергу и Уатту пришлось для этих великих изобретений пожертвовать намеренно и сознательно хотя бы только одним дикарем или варваром, полезность их дела не помешала бы их поступку заслуживать решительного осуждения за безнравственность, иначе пришлось бы вступить на почву целей, оправдывающих средства» (с. 346—347). Таким образом определяется нравственная норма общества: «Принцип человеческого достоинства или безусловное значение каждого лица, в силу чего общество определяется как внутреннее, свободное согласие всех,— вот единственная нравственная норма» (с. 347).

Эту нравственную норму не содержат еще ни религия, ни семья, ни собственность сами по себе. Не религия является нравственной основой общества (безнравственны, например, культы Молоха или Астарты), напротив, религия, чтобы быть совершенной, должна заключать в себе безусловное нравственное начало (христианство).

Можно ли говорить о нравственном значении, например, древнегреческой семьи, где в порядке вещей был институт гетер и даже гомосексуализм. Или древнеарабская семья, в которой «лишние» новорожденные девочки закапывались в землю живыми. И семья, и религия имеют нравственное значение не сами по себе, а в зависимости от осуществления в них безусловного права человеческой личности. Сознание этого принципа смутно осуществлялось уже в древнем мире, но там он принимал извращенную форму. В восточных деспотиях достоинство человека признавалось только за деспотом, в Спарте — за немногими аристократами, в Афинах — за свободным, но также не очень многочисленным демосом, в Риме — за патрициями и верхушкой плебса — сенаторской олигархией. Только в христианстве этот принцип получил подобающее ему значение, т. е. стал всеобщим, охватив собою всех людей, независимо от их происхождения, социального статуса, имущественного положения и даже талантов. В прежних цивилизациях

с крепкой семьей, религией и собственностью действовал механизм доброго порядка, но в них не было добра, потому что еще не оформилась его носительница — свободная личность.

Христианство как воплощение абсолютного нравственного идеала универсально, чего нельзя сказать об исторических учреждениях, связанных с ним на протяжении многих веков. Соловьев видит задачу в том, чтобы не отвергая эти учреждения стремиться к внутреннему их совершенствованию, все более подчиняя их идеалу свободного единения всех в совершенном добре.

На этом пути человечеству приходится сталкиваться с различными проявлениями зла собирательного характера. Собирательное зло выражается преимущественно в троякой вражде, разделяющей человечество: вражде между народами, между обществом и преступившими закон, между различными классами.

Пространство этой проблемы издавна определялось двумя противоборствующими точками зрения — националистической и космополитической. Взгляд националистический близок к формуле: мы должны любить свой народ, заботиться о его благе, ко всем же прочим народам можем относиться с бо́льшим или меньшим равнодушием, а в случае войны,— даже с враждебностью. Во времена Соловьева этот взгляд особенно отстаивался М. Н. Катковым, Н. Я. Данилевским и отчасти И. С. Аксаковым. Разделялся он в значительной степени и Ф. М. Достоевским. Данилевский в своей работе «Россия и Европа» прямо утверждает, что ничего общего между русскими и народами Европы нет, что Россия и славянство идут своим особым путем. На европейские события мы должны смотреть только с позиции узконационального интереса, и если вступать со странами Европы в военные или торговые союзы, то руководствоваться при этом принципом национальной выгоды и использовать кризисные ситуации на Западе в собственных интересах.

Соловьев решительно выступает против этой точки зрения, утверждая, что от истинного патриотизма следует отличать патриотизм квасной — неразумный и лживый. Узкий национализм не возвышает, он унижает нацию. «Перенесение центра тяжести народной жизни из высшей сферы в низшую,— под видом служения народу это есть только служение народному э г о и з м у» (с. 360). Космополитический же взгляд на национальный вопрос полностью снимает какие-либо обязанности личности по отношению к своему народу и считает такие понятия, как нация или патриотизм, условными, фиктивными. Соловьеву чужда и эта позиция.

Понятие нации, считает он, не является вечным: нации возникают в процессе истории. В древнем мире не было строго национальных делений. И восточные деспотии, и свободные государства древнего Запада в своих границах не совпадали с территорией обитания какой-либо одной нации. Не были нацией и древние евреи, а великие еврейские пророки возвещали миру вселенские идеалы. Мессия представлялся им как знамя всех народов.

Тем более никогда не отождествляло себя с какой-либо нацией христианство. Однако эта универсальная религия отнюдь не космополитична, она является носительницей положительного универсализма — всенародного и сверхнародного. Требуемое христианством от отдельных лиц и народов духовное перерождение не есть уничтожение их оригинальных свойств и качеств, а напротив, дальнейшее развитие в духе совершенства. Историческая ценность каждой нации определяется тем вкладом, который она внесла в сокровищницу мировой культуры. Все великие народы в эпоху своего наивысшего расцвета полагали свое значение и утверждали свою народность не в ней как таковой, а в чем-то более высоком, общечеловеческом. Это было творчество, национальное по способу выражения и универсальное по содержанию. Конечный вывод сводится к следующему: благо народа заключается в солидарности с другими народами.

Факт международной вражды, по мнению философа, должен быть осужден безусловно как безнравственный и антихристианский по своей сущности. Основной этический принцип во взаимоотношениях с другими народами есть принцип альтруизма.

И наконец, третье — взаимоотношения между нравственностью и правом. По мнению философа, право есть принудительное требование реализации определенного добра и порядка, не допускающее известных проявлений зла. Хотя нравственный интерес требует личной свободы как условия для утверждения человеческого достоинства и нравственного совершенствования, человек не может существовать иначе, как в обществе. Поэтому нравственный интерес также требует, чтобы проявления личной свободы сообразовывались с реальными условиями существования общества, прежде всего с безопасностью всех его членов. Ввиду того, что далеко не все люди живут по законам нравственности, безопасность эта ограждается законом юридическим, обязательным для всех членов общества.

Соловьев говорит, что задача права не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а в том только, чтобы он до времени не превратился в ад. Право защищает жизнь и имущество граждан от посягательств внешних и внутренних врагов и предусматривает обеспечение всех членов общества жизненно необходимыми вещами, не вмешиваясь однако в вопросы духовного блага, добродетели и истины. Исходя из принципа, что право есть лишь ограничение личной свободы в интересах общества, но отнюдь не упразднение, Соловьев выступает против смертной казни и пожизненного заключения.

Поскольку право является принудительным требованием добра, то, естественно, оно нуждается в особых органах и представителях для осуществления своих требований. Право представляет власть, а законно организованная власть составляет государство — «воплощенное право». Но государственная власть простирается только до территориальных границ, над отдельными же странами нет общей власти, и поэтому столкновения между ними решаются войной.

В связи с этим встает вопрос, как относиться к войне с нравственной точки зрения? Можно ли говорить о позитивном смысле войн, и существуют ли способы их упразднения? С общенравственных позиций война, безусловно, есть зло. Такой она воспринималась всеми народами даже в дохристианский период истории человечества. Однако зло может быть абсолютным, или безусловным (например, смертный грех), и относительным, т.е. таким, которое может считаться за меньшее по сравнению с другим (например, опасная хирургическая операция для спасения жизни). Война,по оценке Соловьева, является относительным злом, т.к. бывает реально необходима в силу определенных условий.

Соловьев иллюстрирует это положение таким примером. Хотя всякий согласится, что выбрасывать детей из окна на мостовую есть само по себе дело безбожное, бесчеловечное и противоестественное, однако, если во время пожара не представляется другого средства извлечь несчастных младенцев из пылающего дома, то это ужасное дело становится не только позволительным, но и обязательным... никакого отступления от нравственной нормы здесь нет, а есть только прямое ее приложение способом, хотя неправильным и опасным, но таким, однако, который, в силу реальной необходимости, оказывается единственно возможным при данных условиях. Точно так же и война, способ действия сам по себе ненормальный, становится позволительным и даже обязательным при определенных обстоятельствах. Войны имели большой позитивный смысл уже потому, что способствовали созданию более крупных сообществ людей. соединению их в роды, племе-

Окончание на с. 40

ДУША ПОСЛЕ СМЕРТИ

В прошлом номере мы опубликовали несколько материалов под общим заголовком «О страшной тайне бытия», в которых раскрываются разные подходы к одному из главных для человека вопросов — о смерти. Среди них был фрагмент книги православного богослова иеромонаха Серафима Роуза «Душа после смерти» (1982). Предлагаем вашему вниманию еще один фрагмент. Из него видно, что автор не приемлет трактовки смерти и посмертного существования, которая предлагается учеными, чьи опыты приоткрыли завесу в «тот мир». Будучи последовательным христианином, он отвергает и все оккультные учения, так же, как идею о перевоплощении душ. Его оценка новых знаний о душе не столь оптимистична, как у многих современных авторов. Серафим Роуз настаивает на глубокой нравственной и духовной подготовке человека к завершению жизненного пути.

Фрагмент книги

Иеромонах Серафим РОУЗ

Среди оккультных идей, которые сейчас широко обсуждаются и подчас принимаются теми, кто имел «вне-телесный» или «посмертный» опыт, и даже некоторыми учеными, находится идея перевоплощения, согласно которой душа после смерти не подвергается частному суду, а затем пребывает на Небе или в аду, ожидая воскресения тела и Страшного суда, но (очевидно, после пребывания в «астральной плоскости») возвращается обратно на землю и входит в новое тело.

Эта идея была широко распространена на Западе во времена языческой античности до того, как ей на смену пришли христианские идеи, но ее распространение в настоящее время связано, главным образом, с влиянием индуизма и буддизма, где она принята повсеместно.

Верящие в эту идею говорят, что она объясняет многие из «несправедливостей» земной жизни, а также казалось бы необъяснимую боязнь. Если кто-то рожден слепым или в бедности, то это воздаяние за его поступки в «прежней жизни» (или как говорят индуисты и буддисты, из-за его «дурной кармы»), если кто-то боится воды, то это потому, что в «предыдущем существовании» он утонул...

При зрелом размышлении, однако, теория перевоплощения вообще не дает никакого объяснения несправедливости: если человек страдает в этой жизни за грехи и ошибки жизни, которую он не может помнить и за которую он не может нести ответственность, и если (согласно учению буддизма) даже не существует «я», сохраняющегося от одного воплощения» до другого, и прежние его ошибки были в буквальном смысле чужими ошибками — то тогда вообще здесь нет никакой явной справедливости, а только слепое страдание от зла, чье происхождение невозможно проследить. Христианское учение о падении Адама как источнике всего мирового зла дает куда лучшее объяснение мировой несправедливости, а христианское откровение о совершенной справедливости Божией и Его суде над людьми делает ненужной и тривиальной идею о снискании «справедливости» через последовательные «воплощения» в этом мире.

Но что же с теми недавними широко разрекламированными случаями, где имеются «объективные доказательства предыдущей жизни» — когда человек «вспоминает» подробности времени и места, которые он, вероятно, сам по себе не мог бы знать и которые могут быть проверены по историческим документам?

Такие случаи представляются очень убедительными для тех, кто уже склонен верить в перевоплощение, но этот вид «доказательств» не отличается от стандартной информации, представляемой «духами» на спиритических сеансах (и которая тоже может быть весьма удивительной), и нет основания полагать, что они имеют другой источник. Если вполне очевидно, что «духи» на спиритических сеансах суть бесы, то информация о «предыдущих жизнях» тоже может быть дана бесами. В обоих случаях они имеют одну цель: смутить людей блестящей демонстрацией якобы сверхъестественного знания и тем самым обмануть их в отношении истинной природы загробной жизни и оставить их духовно неготовыми к ней.

Даже оккультисты, в общем благожелательно настроенные к идее перевоплощения, соглашаются, что «доказательства» перевоплощения можно толковать по-разному. Один американский популяризатор оккультных идей полагает, что «большинство зарегистрированных случаев, свидетельствующих о перевоплощении, вполне могли бы быть случаями одержимости». Согласно этим оккультистам, «одержимость» имеет место, когда «мертвый» овладевает живым телом, личность и самая индивидуальность последнего представляются изменившимися, создавая тем самым впечатление, что на него действуют какие-то стороны «предыдущей жизни». Те существа, которые «овладевают» людьми, конечно, бесы, сколько бы они ни скрывались под маской душ мертвых. Нашумевшая недавно книга доктора И. Стивенсона «Двадцать случаев, заставляющих думать о перевоплощении», действительно представляется собранием случаев подобной одержимости.

Ранняя христианская Церковь боролась с идеей о перевоплощении, которая проникла в христианский мир через восточные учения вроде манихейства. С этими учениями было тесно связано лжеучение Оригена о «предсуществовании душ», строго осужденное на Пятом Вселенском Соборе в Константинополе в 553 году, а его последователи были преданы анафеме. Многие отдельные отцы Церкви писали против него, особенно св. Амвросий Медиоланский на Западе («О вере в воскресение», кн. II), св. Григорий Нисский на Востоке («О душе и воскресении»).

Современному православному христианину, которого соблазняет эта идея или который размышляет над предполагаемыми «доказательствами» ее, достаточно, может быть, поразмышлять над тремя основными христианскими догматами, которые решительно опровергают самую возможность перевоплощения.

1. Воскресение тела. Христос воскрес из мертвых в том самом теле, которое умерло смертью всех людей, первым среди всех людских тел, которые воскресиут в последний день и вновь соединятся с душами, чтобы вечно жить в раю или в аду согласно с праведным судом Божиим об их земной жизни...

Искупленные узнают друг друга. Следовательно, тело является неотъемлемой частью всей личности, которая будет жить вечно, и идея о том, что одной личности принадлежит много тел, отрицает саму природу Царствия Небесного, приготовленного Богом для любящих Его.

2. Наше искупление Иисусом Христом. Бог облекся в плоть и Своей жизнью, страданием и смертью на Кресте искупил нас от владычества греха и смерти. Через Его Церковь мы спасены и сделаны пригодными для Царствия Небесного, и не должны нести «наказания» за прошлые наши

прегрешения. Но, согласно идее перевоплощения, если кто и «спасется», то только после многих жизней, посвященных отработке за последствия своих грехов. Это холодное и безотрадное законничество языческих религий полностью упразднено крестной жертвой Христовой; благоразумный разбойник мгновенно получил спасение через веру в Сына Божия, а «дурная карма» его злых дел была стерта Божией благодатью.

3. Суд. «Человекам положено однажды умереть, а потом суд» (Евр. 9:27). Человеческая жизнь — это единственный определенный период испытания, после которого нет «второго шанса», но только Божий суд (праведный и милосердный) над человеком в соответствии с состоянием его души при конце жизни.

В этих трех доктринах христианское откровение точно и определенно, в отличие от языческих религий, которые не верят в воскресение или искупление и ничего определенного не говорят ни о суде, ни о будущей жизни. Единственный ответ на все предполагаемые опыты или воспоминания о «предыдущих жизнях» — это точно очерченное учение христианства о природе человеческой жизни и отношении Бога с людьми.

Так получилось, что вопрос о «месте нахождения» рая (и ада) стал в наше время одним из повсеместно неправильно понимаемых вопросов.

Ни один мыслящий христианин, конечно, не верит в атеистическую карикатуру рая «в облаках», хотя и есть некоторые наивные протестанты, которые готовы поместить Небо на дальней галактике или в созвездии; все видимое творение мало и испорчено, и в нем нет места для невидимого Божия Неба, которое является реальностью духовной, а не материальной. Но многие христиане, чтобы избежать насмешек неверующих и сохраниться даже от малейшей порчи, от какой-нибудь материальной концепции, бросились в другую крайность и объявили, что «Небо нигде не находится». Имеются изощренные апологии, утверждающие, что Небо — это «состояние, а не место», что «вверху» — это только метафора, что Вознесение Христово (Лк. 24: 50—51; Деян. 1: 9—11) не было на самом деле «вознесением», а только изменением состояния. В результате подобных апологий рай и ад стали весьма расплывчатыми и неопределенными понятиями, и чувство их реальности начинает исчезать — с губительными последствиями для христианской жизни, потому что это именно та реальность, к которой направлена вся наша земная жизнь...

Св. Иоанн Златоуст справедливо призывает: «Ты спрашиваешь, где ад, но к чему это знать? Тебе следует знать, что ад существует, а не то, где он находится... По моему мнению, он где-то вне этого мира... Потщимся же

Сошествие Господа Иисуса Христа во ад (Воскресение Христово). XVI век.

узнать не где он, а как его избежать» («Беседы на Послание к Римлянам», 31; 3—4)...

В современных опытах иногда бывают «чудесные исцеления» в близких к смерти и похожих на смерть состояниях, но ничто никогда не указывает на то, что эти люди действительно были на Небе, а не просто испытывали наслаждение от выхода «из тела» (в «астральную плоскость»). Различие между современными опытами и истинным опытом Неба в точности такое же, как различие между современным поверхностным «христианством» и подлинным православным христианством. Например, «мир», который может испытать человек, принявший Иисуса как своего личного Спасителя, или имевший столь обычный ныне опыт «говорения языками», или видевший «Христа» (тоже сейчас не редкость), но не знающий ничего о жизни сознательного христианского подвига и покаяния и никогда не приобщившийся истинного Тела и Крови Христовых, в Святых Таинствах, установленных Самим Христом,— просто никак нельзя сравнивать с тем миром, который открывается в житиях великих православных святых. Современные опыты — это в буквальном смысле «подделки» подлинного опыта Неба.

Истинный опыт Неба сопровождается таким чувством благоговения и страха пред Божиим величием и чувством такого недостоинства созерцать Его, какие редко можно сейчас встретить и у православных христиан, не говоря уже о тех, кто находится вне Церкви Христовой.

Столь бурно обсуждаемые ныне «посмертные» и «внетелесные» опыты совершенно не похожи на подлинные опыты иного мира, которые на протяжении веков обнаружились в жизни богоугодных мужей и жен. Более того, за последние годы современные опыты получили такую известность и стали столь «модными» не потому, что они действительно «новые» (есть целые антологии подобных опытов в Англии и Америке XIX века), или же потому, что в наше время они происходят чаще, но главным образом потому, что умонастроение общественности в западном мире и особенно в Америке

«готово» к этому. Этот общественный интерес представляется частью повсеместной реакции иа материализм н неверне XX века, признаком более широкого интереса к религии. Здесь мы зададим вопрос: каково могло быть значение этого нового «религиозного» нтереса?

Большинство исследователей, повиднмому, согласны с доктором Моуди, что этн опыты не подтверждают «обычного» хрнстианского представления о Небесах («Жизнь после жнзни»); даже опыты тех, кто полагает, что видел Небо, не выдерживают сравнения с подлинными видениями Неба в прошлом; даже опыты ада скорее являются «намеками», чем каким-то доказательством действительного существования ада.

Поэтому утверждение доктора Кублер-Росс о том, что современные исследования «посмертного» опыта «подтвердят то, чему нас учили две тысячи лет,— что есть жизнь после смерти» и что это «поможет нам узнать, а не верить» (предисловие к «Жизни после смертн»),— следует прнзнать преувеличенным. Фактически про этн опыты можно сказать, что «доказывают» они не более того, что душа человека жнвет вне тела н что нематериальная реальность существует, но решительно ие дают иикакой информации о дальнейшем состоянии илн даже существованнн души после нескольких первых минут «смерти», илн об окончательной прнроде нематериального царства. С этой точки зрения современные опыты куда менее удовлетворительны, чем сведения, скопившиеся за века в житиях святых и других христианских нсточииках; из этнх последних источннков мы знаем намного больше — конечно, при том условии, что мы доверяем тем, кто дал информацию, в той же мере, в какой современные исследователи доверяют тем, кого онн опрашивали. Но даже и тогда нашей основной позицней в отношении потустороннего мира остается вера, а не знание: мы можем с определенной уверенностью знать, что после смерти есть «нечто» — но что же это в точностн, мы постнгаем верою, а не зианием.

Христианскнй опыт есть подлинный иной мир Неба и ада, а спирнтический опыт — это только воздушная часть нашего мира, «астральная плоскость» падших духов. Современный опыт явно принадлежит к этой категорин — но мы не могли бы этого знать, если бы мы не приняли (на веру) хрнстианское откровение о природе потустороннего мира.

Значение современных опытов поэтому н заключается в том, что онн становятся широко известны как раз в то время, когда могут послужить «подтверждением» нехристианского взгляда на жизнь после смерти; они используются как часть нехристнанского религиозного движения. Посмотрим теперь пристальнее на природу этого движеиия.

У нсследователей «посмертного» опыта снова и снова можно видеть более нли менее очевнднуую связь с оккультными идеями и практикой. Мы можем здесь определить понятие «оккультный» (буквально озиачает: то, что спрятано) как относящееся к любому запрещенному Божиим откровением общению людей с иевидимыми духами и силами (см. Левит 19:31; 20:6 н т. д.). Этого общения могут искать сами люди (как на спиритических сеансах) илн же они могут провоцнроваться падшими духами (когда они спонтанно являются к людям). Протнвоположиостью «оккультному» является термин «духовный» (или «религиозный»), который относится к разрешенным Богом коитактам с Богом и Его ангелами и святыми.

Вот учение о жизни после смертн, носящееся в конце XX века в воздухе и представляющееся необъяснимо «естествеииым» всем изучающим его, кто не имеет ясного представления о каком-либо другом учении: 1) смертн бояться не следует; 2) не будет нн суда, ни ада; 3) смерть ие есть единственный и окончательный опыт, как описывает ее христианское учение, а, скорее всего лишь безболезиенный переход к «более высокому состоянию сознания»; 4) цель земной жизни и жизни после смерти — это не вечное спасение своей души, а неограниченный процесс «роста» в «любви», и «понимаиия», и «самореализацин»; 5) «посмертные» и «внетелесные» опыты сами по себе являются подготовкой к жизни после смерти...

Хотя оккультное учение о загробной жизни и заводнт далеко в стороиу от истинной прнроды вещей, оно начинается с несомненной христианской истины: смерть тела есть не конец человеческой жизни, а лишь начало иового состояния человеческой личности, которая продолжает существовать отдельно от тела. Смерть, которая ие была создана Богом, а была прнвнесена в творение грехом Адама в раю — это самая удивительная форма, в какой человек встречается с падением своей природы. Судьба личности в вечности во многом зависит от того, как он относится к собственной смерти и готовится к ней.

Истинио христиаиское отношение к смертн заключает в себе элемент страха, неуверенности, нмеино тех эмоций, которые хочет упразднить оккультнзм. Однако в христиаиском отношении нет ничего от низкого страха, который могут испытывать умирающие без надежды на вечную жизнь, и христианин с умиротворенной совестью прнближается к смерти спокойно и, по Божией милости, даже с определенной уверенностью.

Даже велнкие святые, умирающие при явных знамениях Божией милости, сохраняют трезвенное смирение в отношении своего спасения. «Когда иастало время умирать великому Сисою, просветилось его лицо, и он сказал сидевшим у него отцам: «вот пришел авва Антоиий». Помолчав иесколько, сказал: «вот лик пророческий пришел». Потом просветлился более н сказал: «вот прншел лнк апостольский». И опять сугубо просветилось лицо его; он начал с кем-то беседовать. Старцы попросили его сказать, с кем ои беседует. Он отвечал: «Аигелы пришли взять меня, но я умоляю их, чтобы они оставили меня на короткое время для покаяния». Старцы сказалн ему: «Отец, ты не нуждаешься в покаянии». Он отвечал им: «поистине не знаю о себе, положил ли я начало покаянию». А все знали, что он совершил. Так говорнл и чувствовал истинный хрнстианнн, несмотря на то, что во время жнзни своей воскрешал мертвых единым словом и был исполнен даром Святого Духа. И еще более засияло лнцо его, засияло, как солице. Все убоялись. Он сказал им: «смотрите — Господь пришел и изрек: принесите мне избранный сосуд пустыии». С этимн словами он испустил дух, увндена была молния, и храмина исполнилась благоуханиями». (патерик Скитский, см. у еп. Игнатия, т. III, стр. 110).

Как же отличается это глубокое и трезвенное христианское отношенне от поверхностной позицин некоторых из иынешних неправославных христиан, которые думают, что уже «спасены» и даже не подвергнутся суду, как все люди, и поэтому не должны ничего бояться при смерти...

Смерть и есть именно та реальность, которая пробуждает в человеке сознание различня между этнм миром и мнром грядущнм, вдохновляет на жизнь, исполнениую покаяния и очищения, пока у нас есть драгоценное время...

Преосвященный Игнатий Брянчанинов завершает свое знаменитое «Слово о смерти» словами, которые и сейчас, спустя сто лет, звучат для нас призывом вернуться к единственному правильному хрнстиаискому отношению к смерти, отбросив все розовые иллюзии иашего нынешнего духовного состояния, а также все ложные надежды на будущую жизнь:

«...Изгнанники рая! не для увеселений, не для торжества, не для играний мы находимся на земле, но для того, чтобы верою, покаянием и крестом убить убившую нас смерть и возвратить себе утраченный рай.

Милосердый Господь да дарует читателям этого слова и составившему его помнить смерть во время земной жизни: памятованием ее, умерщвлением себя ко всему суетному н жизнию для вечности отстранить от себя лютость смерти, когда настанет час ее, и перейти: в жизнь блаженную, вечиую, истинную жнзнь. Амииь».

●

О страшной тайне бытия

Читателям, уже знакомым с тибетской «Книгой Великого Освобождения», египетской «Книгой мертвых», работой Р. Моуди «Жизнь после жизни», интересно будет узнать, что аналогичные картины видели испытуемые, подвергшиеся воздействию определенных химических препаратов. В ходе исследований, проводившихся американским ученым С. Грофом, с использованием одного из психоделических препаратов, обнаружилось, что определенные дозы этого препарата вызывают у человека яркие религиозные и мистические переживания. Участники опытов как бы соприкасаются с глубинами истории, причем не в качестве свидетелей, а в роли участников. Предлагаем два небольших фрагмента из книги **С. Трофа**

«ОБЛАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО»,

в которых испытуемые описывают свои переживания. Первый эпизод — рассказ пациентки Даны, второй — священника.

В одном из сеансов Дана вспомнила чрезвычайно болезненный травматический зпизод из своего детства. Ее отец много лет провел в психиатрической больнице в остром состоянии. Когда ей было десять лет, его выписали из больницы умереть дома. Дана оказалась свидетелем ухудшения состояния отца и была у его постели во время предсмертной агонии. В сеансе ЛСД она буквально регрессировала до зтой ситуации и превратилась в маленькую испуганную девочку, видящую смертельную борьбу своего отца. Произошло полное отождествление ее с отцом, она достигла момента его физической смерти. Когда она перешагнула границу жизни и смерти в зтом своеобразном диадном единстве, она оказалась в состоянии неконтролируемой паники. С нею невозможно было поддерживать связь по крайней мере в течение двух часов.

Когда контакт снова был восстановлен, она сумела ретроспективно описать свое переживание: «Когда мы пересекли порог жизни и смерти, я оказалась в сверхъестественном страшном мире. Он был наполнен флюоресцирующим зфиром странной мрачной природы. Невозможно было узнать, было ли конечно зто пространство или бесконечно. Бесчисленные души умерших человеческих существ пребывали во взвешенном состоянии в святящемся зфире; в лихорадочном возбуждении они направляли мне бессловесные просьбы по каким-то неидентифицируемым зкстрасенсорным каналам. Они выглядели необычайно требовательными, казалось, они чего-то хотят от меня. В целом атмосфера напоминала описание подземного мира, которое я читала у древних греков. Мой отец находился в зтом мире как астральное тело; поскольку я вошла в зтот мир в союзе с ним, оно было наложено на мое. Я не в состоянии зто передать, да, по-видимому, зто и не имеет смысла. Во всяком случае, зто было самое страшное переживание моей жизни».

«Музыка зазвучала искаженно, темп как бы переменился на очень быстрый. Крещендо было похоже на острый колющий удар копья снизу вверх. В зтот момент у меня началось серьезное замешательство. Я все еще чувствовал себя самим собою и осознавал, что лежу на кушетке в терапевтической комнате. Волны жара начали прокатываться по моему телу, и я смутно осознал, что покрываюсь потом. Дрожь еще продолжалась, и я в зтот момент начал чувствовать небольшую тошноту. Затем неожиданно я оказался захваченным своей бурной симфонией. Это было так, как будто сначала я сидел на санках, которые постепенно тащило к обрыву, и понимал, что неспособен остановить падение вниз, оно было неминуемым. Возможно, поможет аналогия. Это было похоже на то, как если бы я проглотил динамитную шашку с уже зажженным шнуром. До шнура уже не добраться, динамит должен вот-вот взорваться, а я ничего не могу с зтим поделать. Последнее, что я слышал до того, как санки начали скользить вниз, была музыка, звучавшая словно через тысячи наушников. В зто время моя голова была огромной, у меня были тысячи ушей, на каждом — наушник, который передавал свою музыку. Это было самое большое замешательство, испытанное мною когда-либо в жизни. Я осознавал, что нахожусь на кушетке; я умирал прямо здесь, и с зтим я ничего не мог поделать. При каждой попытке остановить зто я впадал в панику и меня охватывал ужас. Мне оставалось одно — идти к зтому. На память пришли слова: «Доверься и подчинись», «слушай и повинуйся», «прими и повинуйся»,— вот я уже лежал на кушетке и не сознавал себя самим собой. Несколько действий начались одновременно; но позвольте мне расставить их в ряд, чтобы попытаться увидеть в них какой-то смысл.

Первая сцена представляла падение в болото, наполненное отвратительными существами. Эти существа надвигались на меня, но не могли до меня добраться. Вдруг болото превратилось в канал в Венеции прямо под Мостом Вздохов. Моя семья, жена, дети стояли на мосту, глядя вниз на меня в зтом болоте. На их лицах не было никакого выражения, они просто стояли и смотрели на меня.

Вторая сцена — зти санки — зто ощущение можно сравнить с хождением по скользкой, очень скользкой поверхности. Все состоит из поверхностей, и в конце концов все они должны стать скользкими, и не было ничего, за что можно было держаться. Вы скользите и скользите и погружаетесь все дальше и дальше в забвение. Все завершилось чрезвычайно ужасной сценой моей смерти на площади средневекового города. Площадь окружали фасады готических соборов, и из ниш со статуями, из отверстий водосточных труб, выполненных в виде пастей диковинных животных, возникали существа звериного облика, какие-то чудища, зверочеловеческие монстры — фигуры, которые видишь в картинах Босха — они спускались с соборов на площадь и надвигались на меня. По мере того как зти животные, люди, демоны давили на меня, я начал испытывать сильные муки, боль, панику и ужас. Я умирал, я был в зтом совершенно уверен. И я умер. Моя смерть свершилась, когда давление переполнило меня, и я был выброшен в другой мир.

Оказалось так, что зтот внешний мир был продолжением смертей на совершенно ином уровне. Теперь паника и ужас отошли; все, что осталось — зто мучения и боль моего участия в смерти всех людей. Я переживал страсти Господа нашего Иисуса Христа. Я был Христом, но Христом был каждый, и все люди умирали по мере свершения нашего пути в похоронной процессии к Голгофе. В зто

время в моем переживании уже не было никакого замешательства, видения были совершенно ясными. Боль была сильной, а печаль невыносимой. Именно в этот момент с лица Бога начали стекать кровавые слезы. Я не видел Его лика, текла Его слеза, и она затопила весь мир — сам Бог участвовал в смерти всех людей и в страдании всех людей. Тоска этого момента все еще настолько интенсивна, что мне об этом трудно говорить. Мы двигались к Голгофе в муках, больших, чем когда-либо мною испытанные. Я был распят с Христом и всеми людьми на кресте. Я был Христом, был распят и умер.

Когда все люди умерли на кресте, началась такая небесная музыка, какой я никогда не слышал за всю свою жизнь: она была невыразимо прекрасной. Это были голоса поющих ангелов, и мы начали медленно подниматься. Это было подобно рождению; смерть на кресте свершилась, и был свистящий звук от ветра, устремлявшегося от креста в другой мир. Началось постепенное восхождение всех людей. Это были огромные процессии в гигантских храмах — свечи и свет, золото и ладан, все поднималось вверх. У меня не было чувства моего личного существования в это время. Я присутствовал во всех процессиях, и все процессии были во мне; я был каждым человеком, и каждый человек начал подниматься. Благоговение и великолепие этого восхождения не поддается никакому описанию. Мы поднимались к свету, выше и выше сквозь величественные белые мраморные колонны. Мы оставили позади голубое, зеленое, красное и пурпурное, оставили золото соборов и царские одежды некоторых людей. Мы поднялись в белизну; колонны, между которыми мы поднимались, были белыми и чистыми. Музыка неслась вверх, все пели, а затем возникло видение.

Одеяние воскресшего нашего Господа коснулось меня... Когда оно коснулось, случилось сразу несколько вещей, как это уже несколько раз было во время этого переживания. Мы все стали очень маленькими: маленькими, как клетки, маленькими, как атомы. Мы стали совсем смиренными и склонились. Я был наполнен миром и чувством радости и любви; я до конца любил Бога. Прикосновение одеяния было подобно высоковольтному разряду. Все взорвалось, и этот взрыв вынес нас в более высокое пространство — место абсолютного света. Было безмолвие; музыки не было; был чистый свет. Это было похоже на пребывание в самом центре энергетического источника. Это было подобно пребыванию в Боге...

Это длилось недолго (хотя время ничего не значило в течение этого переживания). То не было опусканием в мир, который был известен прежде; это было нисхождение в мир очень большой, великой красоты. Во время пения хора, во время славословий Осанна иногда можно было слышать голос оракула: «Не желай ничего, не желай ничего». Я все еще могу слышать этот голос. За ним следовал другой голос, говоривший: «Не ищи ничего, не ищи ничего».

Другим мощным видением в этом сеансе явилась фигура, входящая в широкую прекрасную реку, протекающую в глубокой долине. На речной поверхности росли лотосы, а река текла спокойно и мягко. Долина была окружена очень высокими горами с множеством потоков, сбегающих на дно долины. В этой сцене возник голос: «Река жизни течет к устам Господа». Я очень хотел быть в реке и все же не мог сказать, входил ли я в реку или уже был рекой. Река двигалась, и по мере ее движения к устам Бога мириады созданий, людей и животных — все творение — нисходило в потоки и вливалось в основное течение реки жизни.

Когда моя симфония стала подходить к концу, я почувствовал, что поднимаюсь, и снова оказался в комнате, где проходил сеанс. Я все еще был переполнен благоговением, смирением, миром, благодатью и радостью. У меня оставалось отчетливое ощущение пребывания в Боге, в энергетическом центре Вселенной. У меня все еще присутствует сильное чувство, что все люди — одно, и река жизни втекает в Бога, и что между людьми нет различия — друзьями или врагами, черными или белыми, мужчинами или женщинами — что мы все — одно».

Случай с Шанти Деви

Шанти Деви родилась в 1926 году в старом Дели. В 3 года она начала рассказывать своим родным о прежней жизни, когда она, будучи замужем за человеком по имени Кендарнарт, жившем недалеко от города Муттра, имела двоих детей и умерла при рождении третьего ребенка в 1925 году.

Она подробно описывала дом в Муттре, где, по ее словам, она жила с мужем и детьми. Она утверждала, что в той жизни ее звали Луджи. Она рассказывала также о своей родне в той семье и о родне мужа, о том, какой была ее прежняя жизнь, и о том, как она умерла.

Когда ее родители больше не могли отвлекать ее от «сказок», старший родственник Кишен Чанд послал письмо в Муттру, чтобы выяснить, есть ли что-нибудь в рассказах девочки похожее на правду. Он отправил письмо по адресу, который указала девочка. Письмо получил потрясенный вдовец по имени Кендарнарт, все еще оплакивавший потерю своей жены Луджи. Луджи умерла от родов в 1925 году. Но даже будучи истинным индусом, он не мог согласиться с возможностью нового рождения Луджи, с тем, что она живет в Дели, он не мог поверить в реальность фотографии ее «новой» семьи. Подозревая розыгрыш, Кендарнарт послал своего двоюродного брата, мистера Лала, который проживал в Дели, чтобы посмотреть и расспросить девочку. Если бы это был обман, кузен понял бы это. Когда мистер Лал пришел в дом Деви якобы по делу, Шанти открыла ему дверь и затем, вскрикнув, бросилась с объятьями к удивленному гостю. Вышла ее мать, и прежде чем гость успел что-либо сказать, Шанти (которой тогда было уже 9 лет) сказала: «Мама, вот двоюродный брат моего мужа! Он жил недалеко от нас в Муттре, а потом переехал в Дели. Я так рада ему, пусть он войдет в дом. Я хочу расспросить его о моем муже и сыновьях».

Вместе с семьей Шанти М. Лал подтвердил все факты, о которых Шанти рассказывала многие годы. В итоге все решили, что Кендарнарт и его сын должны приехать в Дели как гости семьи Деви.

Когда Кендарнарт приехал в Дели с сыном, Шанти кинулась целовать их, называла ласковыми именами. Она обращалась с Кендарнартом как любящая жена, она угощала его пирожными, сыром. Когда Кендарнарт начал рыдать, Шанти принялась успокаивать его, повторяя самые ласковые слова, известные только Луджи и Кендарнарту. В результате всего этого в прессе появились сообщения, в семью стали наведываться ученые, исследователи. Они решили взять Шанти в Муттру и позволили ей вести их в дом, где она якобы жила и умерла в предыдущей жизни.

Когда поезд прибыл в Муттру, Шанти, увидев людей на платформе, вскрикнула от радости и стала махать им рукой. Она сказала ученым, что это были мать и брат ее мужа. И она оказалась права. И что еще важнее, сойдя с поезда, она начала говорить на диалекте этой местности. Прежде она не слышала и не обучалась этому диалекту. Она могла бы его знать, если бы, как Луджи, была жительницей этих мест.

Затем она повела ученых в «свой» дом и стала рассказывать то, что могла знать только Луджи. Например, Кендарнарт спросил ее, не прятала ли она колец перед смертью. Она ответила, что кольца находятся в горшке, закопанном в земле около того старого дома, в котором они жили раньше. Исследователи в дальнейшем нашли эти кольца именно там, где, по ее словам, они должны были находиться.

События разворачивались дальше, они нашли отражение и в международной прессе, стали предметом многочисленных ученых дискуссий.

И последнее замечание: Шанти по разным причинам больше никогда не встречалась с Кендарнартом и сейчас живет в Дели со своей семьей. Насколько нам известно, все, кто знал Луджи, принимали Шанти за перевоплощенную Луджи.

Фрагмент из книги Р. Альмедера «За порогом смерти».

Андрей НИКИТИН

Олег. КНЯЗЬ ИЛИ ВОЕВОДА?

Олег — самая загадочная и трудно объяснимая фигура начальной русской истории.

Впервые Олег появляется на страницах «Повести временных лет» в 879 (6387) году в связи с известием о смерти Рюрика. Последний завещал ему дело своей жизни, то есть землю Русскую и воспитание своего сына, малолетнего Игоря. Понимая, что все это не может быть случайностью, один из древнейших редакторов «Повести...» счел нужным объяснить, что Олег приходился Рюрику «некоторым родственником». Позднее осторожно высказанная мысль превратилась в прямо противоположное утверждение, что Олег — брат жены Рюрика, о которой нам вообще ничего не известно.

Так Олег стал «уем» Игоря, дядей по матери, что на Руси, в отличие от севера Европы, делало этих родственников преимущественными опекунами малолетних княжичей, оставшихся без родителя. Они как бы представляли интересы материнского клана, отстаивая права наследника от посягательств «стрыев»,— братьев отца, претендовавших на родовое наследование.

Если внимательно присмотреться, большинство конфликтов раннего средневековья в семьях европейских и восточных властителей вызваны именно такими столкновениями династических интересов. Но это уже особая тема.

Историю Олега можно назвать историей становления и утверждения древнерусского государства с центром в Киеве. «Повесть...» рисует уход Олега с малолетним Игорем на руках из Новгорода через три года после смерти Рюрика как закономерное, чуть ли не спланированное заранее военное предприятие по расширению новгородских (или княжеских?) владений. Летописец перечисляет шесть племен — варягов, чудь, словен, мерю, весь, кривичей,— хотя этот «исход» скорее похож если не на бегство, то на изгнание. Впрочем, весь перечень народов, откуда Олег брал «вои многи» — всего лишь позднейшее домысливание событий в более благоприятном для Рюриковичей виде. На самом деле, Новгород «со всеми пригороды» был брошен Олегом, потому что иначе зачем ему было забирать с собой малолетнего Игоря?

В последнем читатель убеждается довольно скоро. Неизвестно, с кем начал войну Олег, однако первым его шагом был выход к Днепру у Смоленска, откуда они с Игорем и войском по реке спустились к Киеву.

На страницах «Повести...» Киев возникает и раньше. Впервые о «горах киевских» упоминает легенда об апостоле Андрее[1]. Затем Киев как «градок на горе» появляется перед глазами двух варягов, Аскольда и Дира, ушедших от Рюрика из Новгорода на юг в поисках приключений. Можно понять, что их встреча с Киевом и вокняжение в нем были чистой случайностью. Истинную же цель составлял поход на Константинополь, датированный «Повестью...» 866 (6374) годом. В свое время А. А. Шахматов показал, что для описания этого похода автор «Повести...» использовал не какие-либо русские письменные источники или народные предания, а заимствовал рассказ о набеге русов из текста продолжателя хроники ГеоргияАмартола, причем

[1] См. Никитин А. По следам апостола Андрея/ Наука и религия. 1990. № 9—12.

ИЗ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

В лето 6415 (907 г.). Пошел Олег иа Греков, оставив Игоря в Киеве, взяв миожество варягов и словеи, и чюдь, и словеие, н кривичи, и меря, и древляие, и радимичи, и поляне, и северяие, н вятичи, и хорваты, и дулебы, и тиверцы, как союзиников: всех их греки называли «Великой Скифией». И с иими со всеми пошел Олег иа коиях и иа кораблях, и было кораблей всего две тысячи. И пришел к Царьграду. И греки заперли вход в Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, начал воевать, и миого ои убил возле города греков, миого строеиий разрушил и пожег церквей. А тех, кого захватывали, одних сразу же порубили, а других мучили: одиих расстреливали из луков, других в море бросали, и много всякого другого зла творила грекам русь, какое творится во время войны.

И велел Олег своим воииам сделать колеса, а иа колеса поставить корабли. И дождавшись попутиого ветра, подияли паруса и двииулись по полю к городу. Увидели греки н испугались, и обратились послаиные (ими) к Олегу: «Не губи города, соглашаемся давать даиь, какую сам захочешь!» И расставнл Олег свое войско, выиесли ему яства и вино, ио ие взял ои — было оио с отравою. И греки испугались и сказали (друг другу): «Это ие Олег, а святой Димитрий, послаииый Богом иа иас!» И постановил Олег, чтобы дали даиь иа две тысячи кораблей, по 12 гривеи иа человека, а всего в корабле 40 человек.

И согласились иа это греки, и стали просить заключить мир, чтобы ие воевал ои больше их землю. Олег же, немиого отступив от города, иачал переговоры о мире с греческими царями, со Львом и Алексаидром. Послал к иим в город Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида, наказав им: «Договоритесь о даии». И ответили греки: «Что хочешь, то и дадим тебе». И постаиовил Олег дать воииам иа две тысячи кораблей по 12 гривеи иа каждое весло, а потом дать положеииое русским городам: сиачала Киеву, затем Чериигову, иа Полтеск, иа Ростов, иа Любечь и иа другие города, поскольку в этих городах иаходятся великие киязи, подчииеииые Олегу. И пусть приходящая русь берет посольское (содержаиие) сколько потребуется; когда же придут купцы, то оии получат довольствие на шесть месяцев — хлеб, вино, мясо, рыбу и овощи. И дадут им мыться (в баиях) сколько те захотят (бесплатио). Собравшись же иазад, в Русь, пусть возьмут у царя вашего иа обратиый путь продукты, якоря, веревки и паруса, сколько им потребуется. И согласились греки, и говорили цари и бояре все: «Если русь придет без торговли, тогда ей ие положеио месячиое (содержаиие), и надо, чтобы киязь (их) запретил приходящей руси творить в селеииях иашей страиы какие-либо безобразия. Пришедшая (в Констаитииополь) русь должиа

дата события, указанная по «14 индикту», могла приходиться как на 866, так и на 851 годы, и последнее оказывается более верным, так как соответствует данным Симеона Логофета.

Поход Аскольда и Дира, отмеченный в византийской историографии чудом с ризой Богородицы Влахернской, вынос которой из храма поднял бурю, разметавшую русские суда, закончился полным разгромом русов. Олег с Игорем появились под Киевом в 882 году, то есть через тридцать один год после злополучного похода, хотя вероятнее было бы предположить разрыв только в два-три года. По словам летописца, Олег захватил Киев хитростью: спрятав воинов под скамьями лодей и выйдя на берег с Игорем на руках и с «малой дружиной». Возможно, иначе Аскольд и Дир не вышли бы на переговоры. Самозванные князья были убиты, после чего Олег сел на княжение в Киеве, объявив его «матерью городов русских».

Меньше всего сомнений вызывает примененная Олегом воинская хитрость, распространённая в то время настолько, что ее можно принять за литературный «штамп». Недоумение вызывает другое. Никакая хитрость не могла помочь Олегу спрятать от глаз киевлян свое многочисленное войско — если оно у него было! — так что приходится думать, что лодей у него было не больше, чем в обычном торговом караване, почему он и сообщил с посланным в город вестником, что он — «гость», то есть купец, идущий «в греки» от Олега и Игоря.

Выход князей на берег к торговцам тоже отвечал практике той эпохи. Торговля шла прямо на судне или возле сходен на берегу, если у приехавших не было своих складских помещений в городе. Вопрос в другом — насколько объясним роковой исход встречи и чем он был предопределен?

Можно заключить, что Аскольд и Дир ушли от Рюрика (если только они вообще были с ним связаны) не мирно, и у Олега с ними были свои счеты, которые он решил, прикрываясь именем Игоря. Но при чем здесь заявление, которым он обезоружил и киевлян, и самозванных князей: «Вы не княжеского рода, княжеского рода я, а это сын Рюрика»? Какое отношение имел Рюрик к Киеву и киевлянам? Не значит ли это, что, по мысли автора «Сказания...», Аскольд и Дир правили от имени Рюрика, а позднее — Олега и Игоря?

Во всяком случае, разбор этого эпизода по Лаврентьевскому списку летописи полностью подрывает доверие к версии новгородского летописания, согласно которой Игорь был уже совершеннолетним князем, Олег — воеводой при нем, а они оба завоевывали Днепр и Киев с помощью армии союзных племен. На самом же деле здесь отражена не совсем понятная теперь для нас авантюра, блистательно завершенная Олегом, завоевавшим себе княжение (пусть даже временное), на которое он имел какие-то неизвестные нам права. Ибо что еще могло подвигнуть киевлян спокойно отнестись к убийству предшественников Олега и доверить себя очередному авантюристу?

Сведения, которые сообщает нам о дальнейшей государственной деятельности Олега «Повесть...», кратки, но любопытны. Олег основывает города, не названные по имени, устанавливает размеры дани подчиненным и покоренным народам, и здесь мы впервые сталкиваемся с соседями Руси. Первыми противниками Олега стали древляне, которых он «примучил», затем северяне, у которых, как и у радимичей, он перехватил дань, платимую ими хазарам. С уличами и тиверцами у него продолжалась война.

И все же вершина эпической славы Олега, создавшая ему неповторимый ореол в русской истории, была им достигнута не на Руси, а за ее пределами. В 907 году, как датирует это событие «Повесть...», Олег, по традиции «совокупив воев много» — от всех известных на Руси племен, в том числе и от уличей и тиверцев,— решил повторить поход на Царьград, столь неудачно совершенный Аскольдом и Диром. На самом деле, союзниками его были только словены, как можно видеть по последующему изложению, хотя текст договора Олега с греками их даже не упоминает.

Кровавый разбой, грабежи, убийства, сожжение имений и церквей, уничтожение всего движимого и недвижимого имущества греков с бесцельной варварской жестокостью отмечают путь Олега до Константинополя. Набеги русов на Византию всегда сопровождались такими же безудержными и бессмысленными зверствами, как и набеги норманнов на побережья северной и западной Европы, что в значительной степени и послужило аргументом в пользу отождествления руси со скандинавами. Впрочем, в те времена трудно было кого-либо удивить жестокостью,

жить возле святого Мамы, а если кто поедет из иашего государства (иа Русь), пусть оин составят список и (по приезде в Русь) возьмут месячное содержаине — сиачала от Киева, потом такое же от Чериигова, Переяславля н прочих городов. А (Русь) пусть входит в город только через один ворота, и с царским приставом, без оружия, только 50 человек, и пусть они покупают все, что им иужно, не платя иикакой пошлины...

И царь Лев с Алексаидром заключили с Олегом мнр, договорнлись о даин и прнсягнули в этом: сами они целовали крест, а Олега и его людей воднли клясться по русскому обычаю — своим оружнем, своими богами, Перуиом и Волосом, богом богатства, и так заключилн мнр. И сказал после этого Олег: «Сшейте для русн паруса парчевые, а словеиам — шелковые». И так сделалн. И повесил свой щнт иа воротах города в ознаменование победы и ушел от Царьграда. Подияла русь паруса парчевые, а словеие — шелковые, и разорвал нх ветер. И сказали словеие: «Возьмем лучше свои холщевые (паруса), ие даио словенам попользоваться шелковыми». А Олег пришел к Киеву, иеся золото, парчу, овощи, виив и всякие драгоцениостн. И прозвали Олега прозорливым, ибо люди были (тогда) язычииками н иевеждами.

В лето 6420 (911 г.). Послал Олег своих людей договорнться о мире и порядке его поддержаиия между греками и русью, и послы запнсали так:

«Копия договора, составлеииого при царях Льве и Александре. Мы, представителн народа руского, Карлы, Инегельд, Фарлоф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Кари, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лндул, Фост, Стемид, послаииые от Олега, велнкого киязя руского, и ото всех подвластиых ему светлых н велнкнх князей и его великнх бояр, к вам, Льву, Александру н Коистаитнну, великнм богопомазаиным самодержцам, царям греческнм, иа укреплеиие и иа подтвержденне миоголетней любви между хрнстнанами н русью, желаинем иашего киязя и по приговору всей под иим иаходящейся руси. Наша светлость, желающая более других с помощью Бога укрепить н удостоверить такую любовь, уже миогократно бывшую между русью и хрнстнанами, подлиино рассудилн не только словами, ио пнсьмеиным договором и твердою клятвою, кляиясь оружнем своим, такую дружбу утверднть и подтверднть ее по вере и закону иашему... [далее следуют статьи договора, который закаичнвается датой его подписания]... И даем этот текст обоим государствам иа утверждеине и подтвержденне такого договора, иа подтверждеиие и объявленне существующего между вами мнра. Месяца сентября 2, индикта 15, в лето создаиия мнра 6420».

Перевод Андрея Никитина

** На самом деле, 15-й индикт приходится на 911 год н. э., как и датируют этот договор все историки (так и в тексте исследования). — А. Н*

и в памяти летописца остались не они, и даже не военная удача русского князя, а впервые прозвучавшие со стороны греков просьбы о мире и пощаде, вызванные видом олеговых кораблей, поставленных на колеса, которые, как рассказывает «Повесть...», при распущенных парусах и попутном ветре двинулись с моря к городским стенам.

Напрасно думать вслед за многочисленными древними и современными читателями этого повествования, что именно так Олег решил начать штурм Константинополя. Все было гораздо проще и — страшнее для жителей этого города. Константинополь был расположен по обе стороны залива Золотой Рог, который перерезал город и уходил дальше, за его стены. Со стороны Босфора и с напольной стороны стены города были достаточно высоки и крепки, чтобы выдержать любую осаду, но со стороны внутренней гавани город был очень слабо защищен. Путь в Золотой Рог со стороны Босфора преграждали массивные цепи, закрепленные в башнях по обоим его берегам. В мирное время они лежали на дне залива, в минуту опасности их поднимали.

Не имея сил преодолеть эти цепи, Олег решил зайти с внутренней стороны Золотого Рога, чтобы попасть в город. Для этого корабли надо было перетащить через перешеек, и Олег поставил свои корабли на колеса.

Поистине странные факты, не находящие себе объяснения, мы встречаем ниже. В первую очередь к ним следует отнести вложенное в уста испуганных греков сравнение Олега со святым Димитрием (Солунским?), «посланным на нас от Бога». Что общего можно было увидеть у этих двух, в одинаковой мере легендарных персонажей? Тот факт, что Олег отказался от предложенного ему греками отравленного вина, не находит себе никаких аналогий в житии святого Димитрия...

Еще более странен поступок Олега, совершенный им после заключения мира с греками, когда предводитель русского войска «повесил свой щит во вратах Царьграда, показуя победу». Здесь тоже бесполезно искать какие-либо аналоги в военных обычаях того времени.

Стоит напомнить, что знаки, изображения и предметы, вывешиваемые на башнях и на воротах, должны были выполнять роль талисмана, оберега, защиты от врага и злоумышленника, то есть в прямом смысле слова быть «щитом» городу и его жителям. С такой именно целью и значением на городских воротах и над ними помещались иконы, кресты и гербы. Само выражение «поднять щит» (а для этой эпохи на севере Европы — белый щит) для предводителя одной из воюющих сторон у норманнов означало призыв к перемирию и началу переговоров. Не следует ли думать, что в тексте нарушена последовательность событий и сначала был поднят щит для ведения переговоров, а уже потом начались сами переговоры о мире между Олегом и греками?

И все же, если вспомнить о странном уподоблении Олега святому Димитрию (может быть, на щите Олега было сходное с ним изображение?) возникает мысль: не произошла ли здесь какая-то путаница, удвоение событий, когда Олег, напавший на столицу Византии, затем сделался ее защитником?

К сожалению, проверить это предположение трудно. Как давно уже выяснилось, ни один из греческих источников того времени — а их сохранилось не так уж мало! — вообще не содержит упоминания о нападении русов на Константинополь ни в 907 году, ни в близкое к этому время. Большая часть исследователей склонна считать рассказ об этом походе мифом, а точнее — художественным вымыслом древнего автора, писавшего не хронику, а «историческую беллетристику», в основу которой был положен все тот же поход Аскольда и Дира, отмеченный «чудом ризы Богородицы», но со счастливым концом. И здесь имя Олега должно было заменить имена киевских князей-неудачников.

Может быть, Олег их и убил в Киеве потому, что решил не только отобрать этот город, но и присвоить посмертную их славу? А как быть с текстом договора, который посланники Олега заключили с греками в 907 году? Как быть с точным указанием на царствовавших тогда Льва и Александра? Как быть с именами посланцев? Может быть, правы те историки, которые, чтобы спасти положение, напоминают о возможности использования автором «Повести временных лет» какого-то «не дошедшего до нас источника», следов которого нет у византийцев?

Мне представляется, что подобная аргументация не имеет ничего общего с наукой, которая должна исходить не из того, что «что-то могло быть», а из того, чем мы располагаем и что должны подвергать самому пристрастному научному рассмотрению. В отношении текста «договора 907 года» это давно уже сделано моими предшественниками, заметившими, что данный текст не имеет преамбулы с именем Олега и императоров, имена этих же послов повторяются в договоре Олега от 2 сентября 6420 (911) года, в который хорошо вписывается и сам этот текст в качестве недостающей статьи.

Вот почему виднейшие русские исследователи этих документов — А. А. Шахматов, С. П. Обнорский, а с ними и ряд других, пришли к единому мнению, что «договор 907 года» вышел из-под пера автора «Повести...», который использовал договор 6420 (911) года и, возможно, договор Игоря с греками 944 года, откуда заимствована статья о приходящих из Руси и живущих «у святого Мамы» (впрочем, насчет последнего мнения расходятся).

Существует и другая точка зрения, согласно которой «договор 907 года» был заключен как предварительный, предшествовавший договору 911 года, а потому статьи первого и не повторяются во втором. Наиболее развернутое обоснование такого взгляда можно найти в фундаментальной работе А. Н. Сахарова, посвященной дипломатической практике древней Руси[2]. Здесь не место разбирать аргументы обеих сторон. Достаточно сказать, что первая точка зрения опирается на скрупулезный лингвистический и концептуальный анализ текстов, тогда как вторая исходит из **возможности** событий в интерпретации «Повести временных лет».

Договор 911 года охватывает широкий круг взаимоотношений руси и греков. Он утверждает мир, определяет судопроизводство в спорных вопросах, правила возмещения убытков обеих сторон, выдачу преступников, спасение имущества при кораблекрушениях, говорит о наследстве и службе русов в Византии. Но для нас особенно важен тот факт, что договор 911 года является копией документа, представляющего Олега историкам, так сказать, «де юре». То есть мы впервые видим его не литературным героем, а реальной исторической личностью. Он выступает здесь в качестве «великого князя рускего» с титулом «наша светлость» и в зависимости от него («под рукой его») находятся другие «светлые великие князья» и «бояре».

Деталь эта в высшей степени интересна и загадочна. Как известно из той же «Повести...», киевские князья получают титул «великих» сравнительно поздно, уже к концу XI века, когда вокруг Киева начинают плодиться зависимые от него княжества. И больше нигде титул «светлости» к киевским и прочим князьям русским не применяется. Вот почему при взгляде на такую «княжескую пирамиду» возникает вопрос: может быть, речь идет не о киевском князе? Может быть, Олегу приписан автором «Сказания...» чей-то чужой договор, трактующий о мире, заключенном греками с другим, гораздо более грозным и мощным властителем.

Но прежде чем разбираться в старых и новых загадках, попытаемся проследить до конца жизненный путь нашего героя, как его рисует «Повесть временных лет».

---

[2] *Сахаров. А. Н. Дипломатия древней Руси. М., 1980. С. 84—134. См. также примечание к летописному тексту.*

Мои предшественники, занимавшиеся фигурой Олега, не раз отмечали, что текст договора 911 года разрывает о нем повествование, разделяя поход на Царьград и последующий сюжет: смерть от укуса змеи, выползшей из конского черепа. Как известно, волхвы предсказали Олегу смерть от его любимого коня, и князь, не желая подвергать свою жизнь опасности, отправил коня подальше от себя. Однако, вернувшись из похода на греков, когда «подошла осень», он вспомнил о предсказании, услышал, что конь давно умер, посмеялся над волхвами и захотел взглянуть на его кости. Все зто, конечно же, чистейшей воды выдумка, имеющая такое же отношение к исторической действительности, как переложение этого сюжета А. С. Пушкиным («Песнь о вещем Олеге»).

Олег мог умереть от укуса змеи, пусть даже выползшей из конского черепа. Но где и когда? Здесь исследователя ждет не одна, а целых три версии. Если южнорусские летописные своды, повторяя друг друга, помещают могилу князя в Киеве на горе, «называемой Щековицею» (вспомним легенду о Кие, Щеке и Хориве, якобы основавших Киев!), то Новгородская Первая летопись колеблется между двумя версиями ухода Олега с исторической сцены.

Согласно одной, после возвращения в Киев к Игорю с добычей, состоящей из золота, парчи, вина и фруктов, Олег ушел в Новгород, а потом в Ладогу — там он умер, там и его могила; согласно второй — ушел вообще «за море», где его «уклюнула в ногу» змея.

Где же истина? И есть ли надежда ее найти? Уже все предшествующее повествование об Олеге сплетено как бы из двух струй — документальной (вернее, квазидокументальной), которой приданы черты исторической достоверности, и зпической, мало обращающей внимания на историческую реальность. Не случайно рассказ о его походе и возвращении в Киев заканчивается фразой: «И жил Олег в мире со всеми народами, княжа в Киеве». В ней гораздо больше надмирного и вневременного, чем конкретного. Она создает впечатление, что, вернувшись с победой и славой, Олег, подобно Всевышнему после шести дней творения, отошел от дел. Рассказ о нем закончен, он мог жить еще много лет, но и все последующее автора не интересует, хотя как раз здесь читателя и ждет очередная неожиданность, ибо «приспе осень...»

Какая осень? Смена времен года или осень человеческой жизни?

Пожалуй, именно теперь, проникшись пророчествами и неясностью слухов о гибели Олега, мы начинаем ощущать его зпический характер, сюрреальность его образа, сотканного из многих, по-видимому реальных исторических личностей. Но именно в этот момент оказывается, что у «нашего» древнерусского героя, новгородского воеводы и киевского князя, есть двойник, окруженный в северных сагах не меньшим ореолом геройства и таинственности — «Одд со стрелами».

Происхождение, место рождения и юные годы Одда, в отличие от Олега, хорошо известны, потому что описаны в посвященной ему саге[3]. Его отец был богатым жителем острова Рафниста, человеком известным и за пределами Халогаланда, округа на севере Норвегии. Одд родился во время поездки его родителей на юг, в Вик, где умер его дед и требовалось распорядиться наследством. Он появился на свет в Беруриоде, между Эриксундом и Ставангером, в доме владетеля этой местности бонда Ингиальда, человека тоже богатого и известного. Когда спустя некоторое время родители Одда решили продолжить свое путешествие, Ингиальд попросил оставить ему Одда на воспитание, что было обычным в те времена, поскольку связывало священными узами и тесной дружбой обе семьи.

Одд рос в семье Ингиальда вместе с его детьми, и сын Ингиальда, Асмунд, стал его побратимом и спутником в дальнейших путешествиях.

Когда Одду исполнилось двенадцать лет, дом Ингиальда посетила прорицательница Гейда, предсказывавшая погоду, будущее, удачу или неудачу в предприятиях. По всей стране бонды приглашали ее на пиршества, чтобы услышать прорицания. Ее сопровождали пятнадцать юношей и пятнадцать девушек, и они пели во время ее ворожбы. Одд категорически отказался встретиться с вещуньей, поэтому Ингиальд послал за ней Асмунда. Когда все легли спать, Гейда вышла во двор со своей свитой и занялась тайнодействием, а утром ответила каждому в доме на то, что они хотели у нее узнать.

Ингиальду она предсказала почет и долголетие, Асмунду — дальние странствия, подвиги, но не глубокую старость... Так она ответила всем, а потом сказала, что в доме есть еще один человек, который не подошел к ней, но она его хочет видеть, чтобы и ему предсказать будущее. Разыскали Одда. Тот отказался ее слушать, угрожая даже разбить ей голову палкой, но Гейда ответила, что не боится его угроз. Она запела, и в песне говорилось, что Одд проживет много больше других, сто лет, станет воином, слава о нем пойдет далеко по всем землям, но как бы далеко он ни ушел, умереть ему суждено здесь, в Беруриоде, и причиной смерти станет его любимый конь.

Для викинга, мечтавшего погибнуть в бою, быть сожженным на своем корабле, такая смерть представлялась мало почетной... Одд ударил прорицательницу до крови, Ингиальду пришлось за это ей много платить, и Гейда уехала.

На следующий день Одд с Асмундом вывели из конюшни любимого коня Одда, Флакси, отвели его далеко от дома, и там Одд его убил и навалил над ним высокий курган из песка и камней. Так он решил освободиться от судьбы и тотчас же навсегда уехал из Беруриода вместе с Асмундом.

Сага рассказывает о бесконечных приключениях Одда, посетившего сначала своих родителей, потом о его поездке в Биармию, похождениях в «стране великанов», очень похожих на приключения Одиссея и его спутников у Полифема и, вероятнее всего, навеянных какими-то средневековыми переделками Гомера; об участии Одда в «Самсейском бое», где погибло двенадцать знаменитых воинов, и о многом другом. После того, как Одд побывал в Святой земле, куда авторы саг часто отправляли прославленных викингов и авантюристов северных морей (впрочем, те могли там бывать и в действительности), Одд оказывается в «Хуналанде», «стране гуннов». Одни исследователи считают ее Венгрией, другие — связывают с территорией теперешней Болгарии и Румынии, а третьи, находя в имени ее столицы «Хуниград», «Куниград» сходство с Киевом на Днепре, прямо считают, что Одд попал на Русь.

Похоже, именно здесь и пересеклись пути Олега и Одда. И хотя сказочно-биографическая часть саги об Одде мало напоминает рассказ «Повести временных лет», кое-что в ней любопытно и для нас. Так, Одд женится на Силькисиф — «Шелковой деве» — дочери короля Хуналанда и после его смерти становится правителем страны. Не королем — всего только правителем страны своей жены. Право наследования принадлежит не ему, а детям от этого брака — Геррауду и Асмунду, при которых он по-прежнему исполняет роль военачальника[4]. Он — принц-регент, как сказали бы мы сейчас, и этим положение Одда весьма похоже на положение Олега при Игоре, как его в ряде случаев рисуют летописи.

Под старость Одду понадобилось побывать на родине, посетить остров Рафниста, где ему следовало привести в порядок какие-то наследственные дела. Несмотря на сопротивление жены, он все же поехал, сделал все, что от него требовалось, и отправился

[3] *См. Тиандер К. Поездки скандинавов в Белое море. СПб, 1906.*

[4] *Лященко А. И. Летописные сказания о смерти Олега Вещего / Известия отделения русского языка и словесности Академии Наук. Т. 29. Л., 1925. С. 254—288.*

обратно. Проплывая мимо Беруриода, Одд сказал своим спутникам, что хочет взглянуть на место, где находилось имение его приемного отца. Они пристали к берегу, он провел их по прибрежным холмам, показал, где стояли дома, рассказал об их играх с Асмундом, о том, как его испугала прорицательница. Закончив прогулку, Одд обратился к спутникам: «Отправимся снова в путь, здесь уже нечего смотреть. Я ушел от судьбы и мой труп уже не сожгут в Беруриоде». Они направились к кораблям, но, проходя по долине, Одд споткнулся.

Олег поставил корабли на колеса

Греки несут Олегу дари

Русь приносит клятву

Миниатюры Радзивилловской летописи.

Пошевелив в песке копьем, он обнаружил конский череп, из которого выскользнула змея и ужалила его в ногу под щиколоткой. Нога тотчас же стала распухать, причиняя Одду страшную боль.

На берегу Одд понял, что умирает. Он приказал приготовить ему могилу, и пока ее рыли и складывали камни, он слагал песнь о своей жизни, которая заканчивалась словами: «Многое можно рассказать еще о том, где я был и что совершил, но вот уже начинается мое последнее странствие. Вы же, живые, садитесь на корабли, чтобы отвезти Силькисиф и нашим сыновьям мой привет, потому что из этого путешествия я уже к ним не вернусь...»[5]

Поразительное совпадение обстоятельств смерти Одда и Олега — соответствие летописи и саги вплоть до указания места происшествия — «за морем» — не могло не привлечь внимания историков и литературоведов. Одни считали, что северные сказители, знакомые с русскими летописями, заимствовали сюжет, который на самом деле возник на русской почве и является несомненным историческим фактом. Другие, напротив, полагали здесь обратное заимствование и, скорее всего, были правы. Справедливости ради следует сказать, что есть и третья точка зрения, согласно которой в обоих случаях использован широко распространенный фольклорный сюжет, известный в легендах и сказаниях самых разных народов: попытка избежать предсказания судьбы и смерть от «мертвой кости», активную функцию которой здесь принимает змея как посланница судьбы и потустороннего мира.

Впрочем, и в Скандинавии, и на Руси в то время конь и конский череп играли большую роль в самых различных магических обрядах и верованиях. Конь был окружен почетом, был наделен даром предвещания, использовался в различных гаданиях о будущем... Но сейчас именно эта сторона дела должна, пожалуй, интересовать нас менее всего. Олег мог быть Оддом и погибнуть от змеи; ему, как и Одду, могли присочинить такую кончину. И то, и другое касается только личной жизни Олега, тогда как мы исследуем его историческое лицо. И здесь, перед тем, как суммировать все, что мы о нем узнали (выбрав зерна достоверных известий), следует остановиться на его имени.

Об имени нашего героя — Олег — прежде всего можно с уверенностью сказать, что оно чуждо славянским языкам. По традиции его производят от древнескандинавского «Хельги», родственного нововерхненемецкому «хейлиг», что значит «святой», но даже по самому содержанию деяний Олегу больше подходит предложенное французским историком Грегуаром в 1936 году толкование его имени, как «великий» из древнеболгарского «олгу» (составная часть титула военачальника на одной из надписей Первого Болгарского царства).

Не буду сейчас останавливаться на мысли историка, достаточно, как мне кажется, интересной и продуктивной, развитой А. Г. Кузьминым в предположение о существовании имен-титулов наших первых князей, то есть о том, что некоторые княжеские имена содержат в себе еще и определенную титулатуру. Важно подчеркнуть, что автор первоначальной «саги об Олеге» (которая через «Сказание...» вошла в «Повесть временных лет») изобразил его как великого основателя Русского государства со столицей в Киеве. Олег эпически велик, он не знает поражений, и даже смерть от змеи в этом контексте воспринимается как неизбежная дань судьбе, от которой человеку не уйти, как бы высоко он ни поднялся. Не высказанная прямо, эта мысль подспудно вызывает христианские параллели и удивительно перекликается с известным выражением Бояна в «Слове о полку Игореве», что «ни хитру, ни горазду суда Божия не минути».

С этой стороны особый интерес вызывает и «триумфальное шествие» Олега во главе союзнической армии (конечно, мифической!) на Киев с младенцем Игорем на руках, перед которым на пути склоняются все города. Картина эта удивительно похожа на утверждение христианства в какой-то стране князем-миссионером. Невольная аналогия, возникающая от уподобления младенца Иго-

[5] *Тиандер К. Указ. соч. С. 220—221.*

ря — младенцу Иисусу, перед которым «падут все стены градские и все цари земные преклонят колена», только усиливается от формулы, вложенной автором повествования в уста Олега, как видно, смиряющей и дружинников Аскольда и Дира, и самих незадачливых князей — «а се есть сын Рюриков», что в точности воспроизводит сакральную формулу при поднятии креста или иконы: «а се есть Сын Божий!»

Парадоксальное сопоставление оказывается парадоксом только на первый взгляд. Вернее, таких парадоксов в тексте много. Дух христианской проповеди проявляется здесь в разных мелочах, не окончательно снятых последующими редактурами. Так, в зту концепцию вполне укладывается и наречение Олегом Киева «матерью городов русских», то есть «метрополией», что подразумевало в то время не столько политический, сколько религиозный центр. Согласно с этой мыслью и восклицание жителей Константинополя, «признавших» в язычнике (?) Олеге — святого Димитрия. Иначе говоря, за общей картиной военных походов русского князя угадывается исчезнувшая со временем первоначальная идея установления христианства «огнем и мечом».

Только вот — где зто все происходило? И — о ком речь?

Возможно, вопрос следует поставить иначе: идентичен ли Олег в «Повести временных лет» Одду, а оба они — Олегу, заключившему в 911 году договор о торговле и мире с Византией? Потому что зтот последний Олег, вероятнее всего, действовал против Константинополя не сам по себе, а в качестве союзника болгарского царя Симеона, именно в зти годы осаждавшего Константинополь! И тогда будет объяснимым наличие в договоре признаков царя болгар, перенесенных на его союзника. А они есть.

Олега с Симеоном сближает не только хронология, но и титул «великий над князьями князь», несколько искаженный переводом, но почти точно воспроизводящий титулатуру Симеона, сохранившуюся в так называемом «Изборнике Святослава 1073 года» — «великий в князьях князь»,— тем более, что в отличие от русских князей (не путать с князьями русов!) «под рукой» Симеона действительно были и князья, и бояре. Его царствование с 893 по 927 год было отмечено наивысшим расцветом культуры Первого Болгарского царства, бурной строительной и литературной деятельностью, окончательным распространением христианства по всей Болгарии. А вместе с тем — непрерывными войнами с Византией, от которой Симеон домогался признания за собой титула не только «светлости», но и «величества», равного императорскому титулу «базилевс» — царь.

Есть и другие признаки, заставляющие исследователя фигуры Олега пристальнее вглядываться в сторону Балкан и Дуная. Так, С. П. Обнорский, посвятивший языку договоров руси с греками специальную работу, категорически заявляет, что договор 911 года «насквозь пропитан болгаризмами и грецизмами», в нем постоянно встречаются нарушения русского синтаксиса, а все зто заставляет предполагать, что его перевод с греческого первоначально был сделан болгарином и на болгарский язык и только потом был выправлен собственно русским справщиком, поместившим его в «Повесть временных лет»[6].

Наконец, на какую-то связь Олега с Симеоном указывают именно в этой части «Повести...» явные следы заимствований из болгарских хроник и документов. Эти заимствования были замечены и русскими, и болгарскими исследователями — А. А. Шахматовым, В. М. Истриным, М. Д. Приселковым и другими.

Так, Б. А. Рыбаков, в частности, отметил, что большая часть датированных событий, начиная от первого упоминания («прозвания») руси в 860 году (может быть, «призвания»? — то есть с этого времени русь стала призываться болгарами на помощь в своих конфликтах с Византией?), как мы знаем, связанного с ее набегом на Константинополь, и вплоть до смерти царя Симеона в 927 году, дается не по византийскому летоисчислению, а по так называемой «александрийской зре», использовавшейся в древней Болгарии[7].

Еще большего внимания заслуживает знаменитая «клятва оружием», описанная в договоре и в тексте «Повести...», согласно которой «некрещеная русь полагают щиты и мечи свои обнаженные, обручи свои и прочее оружие». Анализируя язык договоров и упоминаемые в договоре реалии, еще И. И. Срезневский замечал, что щитом и мечом клялись все германские племена, а «обручами» (наручами) клялся даже сам Один у скандинавов. В то же время он приводил в качестве параллелей к обряду описание внешнего вида царя Симеона и его бояр в парадном вооружении, полностью отвечающем перечню: с гривной на шее, обручами на руках и в кованых поясах, представлявших всегда немаловажную часть доспеха [8].

Столь же важно упоминание в клятве имен Перуна и Велеса — богов, которые так и не привились на русской почве, но всегда оставались «своими» для болгар, сербов, хорутан и прочих обитателей Балкан и Подунавья, о чем можно судить по множеству соответствующих топонимов в зтом регионе. И уже прямо на болгар указывает желание Олега повесить на вратах Царьграда свой щит, потому что не кто иной, как прадед царя Симеона, родоначальник болгарской династии хан Крум, в 813 году хотел поместить на тех же вратах свое копье с бунчуком в знак победы!

Совпадений, как мы видим, даже чересчур много, но я хочу задержать внимание еще на одном малопонятном (и хорошо известном) зпизоде, связанном с заключением Олегом мира и возвращением руси домой.

В рассказе о начале похода перечислены все известные автору «Повести...» племена, которые «совокупил» Олег в качестве «толковин», то есть помощников, хотя некоторые почему-то считают, что все зти племена использовались им в качестве «переводчиков». Когда же дело доходит до отступного, то греки обязаны давать его только руси и «словенам». Это — действительные участники военных действий, что, впрочем, можно заметить и раньше, исследуя конструкцию фразы о том, что «Олег... поя же множество варяг...» и т. д.

Так мы узнаем, что «русь» — те же варяги, сохраняющие свою обособленность и главенство (?) в этом предприятии, поскольку среди послов Олега не находим ни одного славянского имени, да и местожительство зтих «словен», похоже, вовсе не Киев, куда Олег приходит только с «русью».

Значит, «словены» жили в другом месте?

Вот почему сейчас я не решаюсь дать сколько-нибудь однозначное заключение о личности Олега, который предстает на страницах «Повести...» скорее литературным, нежели историческим персонажем, вобравшим в себя черты нескольких прототипов. Реален он лишь в договоре 911 года, но зта «реальность» порождает новые вопросы и недоумения. Можно только сказать, что события, которые летописцы связали с его именем полтора-два века спустя, указывают на территорию Нижнего Подунавья и на время болгарского царя Симеона. Олег выступает предводителем «черноморской» или «дунайской руси», он претендует на княжеское достоинство с европейской титулатурой «светлости» и, по-видимому, именно он стоит у истока русской княжеской фамилии X века, основание которой положил брак Ольги с Игорем — первой безусловно исторической фигурой, о которой повествовало «Сказание о первых русских князьях».

Только вот был ли он в Киеве?

---

[6] Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку. М., 1960. С. 119—120.

[7] Рыбаков Б. А. Древняя Русь. М., 1963. С.176.

[8] Срезневский И. И. Договоры с греками. /Русское слово. М., 1986. С. 24—25, 41 — 43.

ШКОЛА ГЕНИЕВ?

При нынешнем потоке информации, обрушившемся на нас со страниц печати, из теле- и радиоэфира, трудно стало чем-то удивить. Тем более художественной выставкой. Вот и я, вовсе не надеясь увидеть что-нибудь «этакое», летом прошлого года от нечего делать забрела в Дом художника на Крымском валу. Одна экспозиция меня поразила. «Владимир Лубенко и его ученики» — прочитала афишку. Пейзажи, абстракции, иллюстрации к Библии... Самобытно, оригинально, странно. Судя по книге отзывов, выставка восхитила не только меня:

«Художник создал целую плеяду колористов, остро чувствующих цвет... Это уже целая колористическая школа — явление не слишком частое», — профессор Воробьев, колорист.

«Случайно оказавшись в Москве, познакомилась с потрясающей философией, которую можно принять как программу всей жизни. Картины — только преддверие к философии. На пейзажах волнует внутренний свет, исходящий из глубин пространства. Абстракции заставляют работать мысль о судьбах цивилизации...», — преподаватель философии, Томск.

Что это — юные гении, прихотью судьбы собравшиеся вместе в небольшой художественной школе, уникальная методика обучения, или влияние личности руководителя студии, ставшего для своих воспитанников настоящим Учителем?.. Вопросов возникло множество. С ними я и отправилась в Ленинград, где в 1984 году при Государственном Русском музее на базе подростковой студии «Вулкан» была создана школа воспитания искусством и науками — школа Владимира Васильевича Лубенко.

УЧЕНИКИ

Средний возраст воспитанников Лубенко 10—11 лет. Хотя в студии есть и взрослая группа, на занятиях можно увидеть за одной партой и пятилетнего малыша и человека весьма почтенного возраста.

— Дети мудрее нас,— сказала одна из учениц В. Оксен. — Я чувствую, как мне мешает груз знаний, которые я получила в школе, училище, институте. Дети мыслят намного легче, свободней, раскрепощеннее нас. Я не кажусь себе ни старше, ни умнее этих детей. Здесь мы на равных — просто люди.

Успехи учеников Лубенко поистине поразительны. Выставки ребят побывали в Ленинграде, Москве, в городах Венгрии, Чехословакии, США и принесли студии немало наград, лестных отзывов.

Росписи в детском саду № 20 и зале торжеств ЗАГСа Дзержинского района города Ленинграда, в комнате сказок Республиканской детской библиотеки Москвы и в школе № 633 Перовского района столицы, выполненные в основном 5—9-летними детьми, даже специалистов-искусствоведов повергли в изумление.

По программе Лубенко студийцы изучают живопись, графику, азбуку и историю искусств, керамику, биопластику (конструирование архитектурных форм), пантомиму, музыку, поэзию, иностранные языки и другие предметы, включая физику, математику и медицину.

Разумеется, к преподавателям в этой школе требования особые. Почти все они обучались у Лубенко не менее 5—6 лет, а некоторые пошли за учителем еще 14 лет назад, когда он вел группы в художественных училищах Серова и Мухиной. В основном, преподавательский состав сложился к 1987 году. Сейчас их уже около 15 человек.

— Мы не болезные какие-нибудь и пришли сюда не потому, что не смогли устроиться в этом мире. Мы сделали свой выбор,— сказал Евгений Нечаев, в свое время с блеском защитивший диплом Мухинского училища, а ныне преподаватель живописи и графики в студии «Вулкан». Борис Каушанский, к примеру, ради работы в школе Лубенко оставил с великим трудом добытую должность главного режиссера на киностудии Ленфильм. Искусствовед Антон Бондаренко пришел в студию с красным дипломом об окончании Свердловского университета. И все это не корысти ради, ведь обучение в школе бесплатное, зарплата низкая, единственным источником доходов до сих пор были постановки студийного театра «Истина».

— В моем понимании вся школьная система обучения стоит как бы на голове, а не на ногах,— заявил Лубенко. — Всюду, везде и во всем сначала прививаются чужие мысли, чужие звуки, образы, краски, а затем, когда комплекс рефлекс-стереотипов создан в психике ученика, тогда от него требуют творческого, личностного отношения к миру, среде, работе. Мы же сначала утверждаем в каждом его творческое, самостоятельное мышление и чувствование, а потом открываем доступ к мировой культуре. Иначе говоря, будим в ребенке Моцарта, а затем уже приобщаем к нотной грамоте. Я учу мыслить и чувствовать одновременно, а это и есть высший миг в гармонии человеческого бытия, который многие гении называли вдохновением. Человек, у которого правильно настроены, сфокусированы, сбалансированы чувства и разум,— всегда находится в состоянии вдохновения. Это творческий парадокс гения.

...Так значит гении? особая методика?..

Да, действительно, независимо от возраста студийцы свободно рассуждают о жизни и смерти, о любви и ненависти, о духе. Пишут стихи, картины, сочиняют музыку, учатся владеть собственным телом, пластично и красиво двигаться...

И все же...

— Со студией «Вулкан» я познакомилась в Русском музее весной 1990 года, где выставлялись работы ее воспитанников. Мне даже было предложено вести в этой школе итальянский язык,— призналась преподаватель живописи художественной школы № 1 Дзержинского района Ленинграда А. Немченок,— но я не решилась. Смутило, что ни ученики, ни их родители, с которыми я общалась на выставке, не могли толком ничего рассказать ни об учении Лубенко, ни об основанной на нем методике воспитания — все отсылали к руководителю. Насторожило и то, что в отличие от действительно замечательных работ 5—6-летних малышей, у которых и вправду непривычно широкий кругозор, работы старших воспитанников становились все более похожими. Словно обучение загоняет детей в какие-то узкие рамки, и с возрастом они замыкаются.

Признаться, подобное ощущение возникало и у меня, когда я рассматривала работы студийцев,— ощущение, что непредсказуемое детское творчество с возрастом обращается в достаточно предсказуемое исповедание некой веры со своей символикой и терминологией.

УЧИТЕЛЬ

Владимир Васильевич Лубенко. Художник, философ, поэт, режиссер, композитор. Родился в 1941 году. Окончил Краснодарское художественно-педагогическое училище, а затем и институт имени И. Е. Репина, где много думал об искусстве психовоздействия (так называемом искусстве «нервных потрясений») и даже проводил эксперименты.

Постепенно пришел к учению, которое назвал Стержневой Истиной. По методике, основанной на собственном учении, преподавал в Ленинградском художественном училище имени В. А. Серова, в высшем художественно-промышленном училище имени В. И. Мухиной, в детских областных художественных школах, но нигде не уживался

и отовсюду был гоним (за экспериментаторство ли, за несговорчивость... — трудно сказать за что). Тем не менее, если верить Лубенко, студенты, занимавшиеся по его системе, отлично сдавали экзамены, поступали в высшие учебные заведения и всюду лидировали. Но со временем ему пришлось с горечью признать, что большинство использует его методику лишь как наиболее эффективный и выгодный путь для осуществления своих честолюбивых замыслов. И тогда Лубенко решил учение свое давать только чистым — детям. Так родился замысел создать школу, которая будет воспитывать людей будущего, высокоразвитых, гармоничных, доброжелательных, сильных, свободных.

Можно представить, с каким жадным любопытством я знакомилась с учениками...

Я не могла не признать, что результаты работ Лубенко выше всяких похвал — его воспитанники творят, мыслят, свободно рассуждают о земном, преходящем, о вечном. И, глядя на их картины, думая над их сочинениями, я уже готова была прокричать «виват», если бы не одна маленькая девочка...

Даша. Лет 7—8. Худенькая, тихая, с грустными глазами. Живет в интернате. Играть не любит. Зато любит рассматривать буквы, потому что «они все разные, все что-то значат, можно думать над каждой буковкой». О занятиях в студии «Вулкан», о своих размышлениях товарищам по интернату никогда не рассказывает:

— Они все равно не поймут, ведь они животные.

— Кто тебе сказал? — не сдержалась я.

— Я сама вижу. Они бегают, шумят, совсем ни о чем не думают — ведут себя как животные.

Услышав подобные ответы еще от нескольких воспитанников студии, я растерялась — каким же образом Лубенко предполагает воспитать высокодуховную, высокоразвитую личность, пребывающую в гармонии с собой, с миром, с окружающими людьми, если в сознании его учеников мир расколот на «низших» и «высших»?

ДОКТРИНА

Стержневая Истина — третий метод познания мира, она — мессия, она приведет мир к гармонии, к истинному коммунизму.

Из Манифеста Стержневой Истины

Как любая мировоззренческая система, Стержневая Истина основывается на определенных понятиях. Так, Лубенко выделяет в мире два начала: движение форм, их развитие, и движение сути, ее развитие. Чаще всего человек стремится утвердить не суть, а форму свою, причем ту, которую он уловил, тогда как форм великое множество. Он входит в конфликт с бесконечным количеством форм и в конце концов они же его и раздавливают. Таков смертный, грязный человек. Таково его поверхностное, слепое, грязное мышление.

Допытываться, что есть Бог, что было вначале, по мнению Лубенко, не принципиально. Стержневая Истина как третий метод познания мира после религиозного, чувственного, и научного, разумного, содержит в себе и начало, и конец. Религиозная же истина несет в себе только начало, а научная — только конец. Стержневая Истина есть синтез чувственного и разумного восприятия мира.

Все — одно и бесконечно в своем разнообразии. Разность рождается от функции.

Форма является результатом деяния сути.

Совершенная конструкция не имеет конфигурации, ибо она не дает ни одной конфигурации, но ее метаморфозы мгновенны и бесчисленны. Поэтому ее могут считать как несуществующей. Люди ее называют то богом, то энергией, но она не то и не другое, а несет в себе это. Она есть причина и результат всех движений, проявлений явлений мира. Она есть Стержневая Истина.

Материя — вся живая и нет мертвой материи. Бесконечность рождается видением и конечность рождается видением субъекта. Каждый рождается в том, что он знает.

Из Манифеста Стержневой Истины.

Призывая к гармонии, синтезу, Стержневая Истина строится на резких противопоставлениях: форма-суть, секс-дух, чувство-разум... Кстати, о последней паре. В учении Лубенко чувство и разум — это два противоборствующих начала, причем чувство (женское начало) явно агрессивно по отношению к разуму (мужскому началу). И хотя Манифест осуждает как «власть секса», то есть животного над разумным, так и «беззаконное насилие разумного над животным», всегда в борьбе между женским началом (чувство, желание, материя, форма) и мужским (разум, воля, идея, дух) последнее выступает жертвой. Характерно это и для постановок студийного театра «Истина», где Лубенко является главным режиссером, сценаристом и композитором. Вот, к примеру, краткое содержание спектакля «Покаяние Евы», в сокращенном варианте списанное с программки театра.

«Когда-то Ева увлекла Адама, то есть чувства человеческие стали управлять разумом, волей человечества, идеей и духом его. По желаниям чувственным, а не по возвышенным пошли люди. Земля стала убивать свое семя, форма стала душить сущность, заключенную в ней.

Когда мужчиной стала властвовать женщина, тогда Адам стал роботом, Адам стал безумцем.

И вот истинная сущность Евы сокрушилась, увидев содеянное свое злодеяние. И стал вопрос: как вернуть Адаму Адама. Об этом говорит спектакль и показывает единственный выход из этого проклятия — покаяние Евы и покаяние Адама».

Мужчина-разум должен управлять женщиной-чувством, а иначе хаос разрушит обоих, считает Лубенко.

Человек состоит из мужчины и женщины, поэтому гармония мужчины и женщины должна базироваться на утверждающем Истину разуме и жертвенности женщины, на ее непротиворечии и согласии.

Из Манифеста Стержневой Истины.

В методике воспитания Лубенко значительную роль играет отношение к сексу. Любые, даже самые невинные проявления пола (например, кокетство) пресекаются в корне, резко, иногда грубо и бестактно. Обижаться бессмысленно, ибо слова есть форма, а Лубенко учит во всем воспринимать суть. Сам Лубенко объясняет это тем, что воспитывает сильного человека, ни к кому и ни к чему не привязанного:

— Я не призываю к уничтожению секса, от него все равно никуда не денешься. Я лишь стремлюсь сбросить его с трона в сознании моих учеников, так как Стержневая Истина на определенном этапе требует аскетизма.

Своих учеников Лубенко называет «раильтяне» — идущие в рай, люди будущего. Люди, чей мозг способен воспринять и обработать информацию куда более мощную, чем мозг обычного человека. Люди, которые не будут психическую и интеллектуальную энергию тратить впустую: на смех, слезы, игру..., а найдут ей более достойное применение.

Человек рождается человеком, но с годами в нем все больше преобладает животное начало, считает Лубенко. К 12 годам человеческое в человеке почти умирает, а в 40 это уже труп, если его вовремя не воскресить. Дети, организованные высшей гармонией, истинным обучением, не должны быть рабами своих страстей и инстинктов, и не должны подражать в этом своим родителям.

ДУМАЙ, КАК Я

В своем учении Лубенко не оперирует понятием Бог. Более того, утверждает, что Стержневая Истина базируется на материалистической диалектике: «мир движется,

«Слепота». Коллективная работа учащихся из цикла «Дорога жизни».

мир покоится на движениях, отсюда все — есть движение и материя, то есть движущаяся материя». Но, на мой взгляд, учение это гораздо более религиозное, нежели философское, и к тому же очень эклектичное — в нем перемешались самые разные философские и религиозные воззрения.

Стержневая Истина достаточно противоречива. Призывая любить всех, она тут же разделяет этих «всех» на своих и чужих, на агнцев и козлищ. Заявляя, что «единогласием должны твориться все дела и при голосовании один может быть важнее всех». Стержневая Истина тем не менее всех несогласных, сомневающихся изгоняет из своих рядов, ибо «истинная» вера не допускает сомнений.

Спор с «неверными» решается далеко не всегда аргументами. «Каждый, кто нам противоречит,— враг нам, но мы не должны быть ему врагом»,— гласит Манифест, уточняя при этом, что «каждый, кто нарушит закон, получает возмездие от закона, мы же от таких уходим, не причиняя им никакого вреда и насилия». Однако предупреждает: «Если же кто-то угрожает нам ударом, мы дважды уходим от удара, либо терпим эти удары. На третий удар мы уничтожаем противника, чтобы он не поднялся и не уничтожил нас». Каким образом это положение осуществляется на практике, честно скажу — не знаю.

Как Учитель, которому открылась Истина, как единственный посредник между словом Истины и своими воспитанниками, Лубенко требует от своих учеников «естественного и беспрекословного подчинения Стержневой Истине и истинному учителю». Во имя их же блага.

Но, вспомним, еще древние учили, что нет общего пути, у каждого свой, и к нему надо прийти самому. «Познание — существ опора. Познание — высшее в мире благо»,— считали они. Отказавшись от самостоятельности в постижении Истины, человек теряет индивидуальность. Отсюда — стандартизация мыслей учеников Лубенко. Отсюда — чувство «избранности», отчуждение от обычных, «непосвященных» людей.

Лубенко удается разбудить дремлющую в каждом ребенке гениальность, дать толчок творчеству, помочь расправить крылья. Но вот дальше, вместо того, чтобы дать ему возможность свободно парить в неожиданно открывшемся небе, учитель продолжает держать ученика в плену собственных представлений — и полет не состоялся, ибо летать на поводке невозможно. Зато, возможно, состоится селекция — выведение новой породы людей-гениев, что для истории совсем не ново. Вероятно, они будут очень умными, рассудительными, сильными. Вероятно, им будет многое дано. Но вот напишут ли они когда-нибудь стихи о любви? Вряд ли...

Анна ПАШИНА

ДОБРО КАК ПРАВДА

Начало на с. 24

на, государства и целые конфедерации государств. Таким образом, расширялась область мира, ибо внутри этих обширных, часто многонациональных союзов война становилась уже явлением немыслимым и преступным.

Следует сказать, что дальнейшие рассуждения Соловьева по этому поводу, хотя внешне выглядят вполне логично, однако представляются достаточно односторонними, базирующимися исключительно на исторических параллелях. Социально-экономические механизмы войны выпали из поля зрения философа. Глубоко реакционным видится и взгляд философа на исторический смысл всех войн как на наиболее концентрированное проявление вековечной борьбы Европы с Азией.

Столь же утопично и учение Соловьева о всемирной теократии под эгидой русского царя и папы Римского как вернейшего средства прекращения войн и построения Царства Божия. Вообще церковь является по Соловьеву высшей формой организации человечества. Через нее человек становится причастным абсолютному содержанию жизни и входит во вселенское братство. Сын Божий как воплощенное благочестие есть путь, истина и жизнь вселенской церкви, утверждающей благочестие в мире. Догматы благочестия, определяемые Церковью как таинства, очерчивают собой полный круг новой, совершенной жизни. «Эта жизнь,— пишет Соловьев,— зарождается (в крещении), получает начало правильной организации, роста и укрепления (в миропомазании), излечивается от привходящих повреждений (в покаянии), питается для вечности (в евхаристии), восполняет или интегрирует единичное существо человека (в браке), создает духовное отечество как основу истинного порядка общественного (в священстве, или рукоположении) и, наконец, освящает болеющую и умирающую телесность для полной целости будущего воскресения (в соборовании, или елеосвящении» (с. 513—514).

Сама же высшая жизнь как богочеловеческая, не может, однако, довольствоваться одним страдательным нашим участием, ее процесс требует сознательного и свободного содействия души человеческой высшему Духу. Нравственные требования здесь определяются тремя частными отношениями: к Богу, людям и к своей материальной природе. Значит и человеческие действия должны соответствовать трем основам морали: благочестию, жалости и стыду. Деятельным выражением чувства благочестия является молитва, делом жалости — милостыня, делом стыда — воздержание и пост. Эти положения, детально разработанные Соловьевым еще в «Религиозных основах жизни», получают в «Оправдании Добра» свое окончательное оформление.

ПРАЗДНИК
иконы Владимирской Богоматери и древнерусские русалии

Празднование в честь иконы Владимирской Богоматери было установлено в княжение во Владимире Андрея Боголюбского, в 60-е годы XII века. Вводилось оно без согласования с Киевским митрополитом-греком и патриархом Константинополя. Это было первое нововведение Андрея Боголюбского в сфере церковной политики. Князь Андрей перенес в 1155 году овеянную легендами икону с киевского Юга на владимирский Север, чтобы сделать ее главной христианской реликвией новой Владимирской Руси. Впоследствии этой иконе суждено было стать покровительницей не только Владимирской, но и Московской Руси. Ее не раз копировали (в том числе Андрей Рублев). Сейчас икона находится в экспозиции Государственной Третьяковской галереи.

Согласно легенде, эта икона византийского письма прибыла в Константинополь в V веке, а создана была с натуры самим евангелистом Лукой. В конце XII века было написано «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери», которое продолжает легендарную биографию главной реликвии Владимиро-Суздальской Руси. Но, возможно, основным фактом этой биографии стали не чудеса, совершенные на пути из Киева во Владимир, а отождествление праздника иконы Владимирской Божьей Матери с праздником Ивана Купала (23 июня). Его навечерье — день Аграфены Купальницы.

Приурочение нового христианского праздника к 23 июня не могло быть случайным. Этот день — «верхушка лета», апогей восточнославянского календарного русально-купальского цикла обновления вод и солнца, всей жизни природы и людей. В купальскую ночь жгли костры, искали цветок папоротника — символ счастья, купальские 12 трав, в том числе траву под названием «Аграфена Купальница». Травы клали ночью под изголовье — тогда откроется в вещем сне жених-суженый; ими же парились в бане — это приносило здоровье.

«Приехала Купаленка на семьдесят тележеньках. Привезла Купаленка добра и здоровья, богатства и почести». Этот обрядовый приговор девушек, записанный в навечерье 23 июня, представляет собой как бы краткое изложение «Сказания о чудесах Владимирской иконы». Икона едет во Владимир, совершая чудеса и исцеления. Последнее из них в прямом смысле связано с «почестями». Заключительная новелла «Сказания» говорит о постройке Золотых Ворот Владимира в 1164 году. Створки ворот упали и придавили 12 мастеров-строителей, впоследствии чудесно исцеленных иконой. Великая славянская Богиня-Купальница приехала «на семьдесят тележеньках» — и семь новелл «Сказания» связаны с темой воды. Святой считалась также вода, которой обливали икону. «Купальницей» называли впоследствии традиционную июньскую ярмарку в Переяславле-Залесском на берегу Плещеева озера и церковь Владимирской Богоматери, расположенную там же.

В начальных новеллах «Сказания» икона совершает чудеса при переправе через реку Вазузу и у источника на Рогожских полях. В первом случае она спасает всадника и коня, погрязших посреди реки. Всадник — типичный образ «прибога», спутника языческой Великой Богини-Берегини, образ которой сохранился в традиционной народной вышивке, резьбе, на древних бытовых предметах. Во втором случае икона спасает беременную жену попа Микулы, на которую обрушился передними копытами взбесившийся конь. И этот образ знаком нам по обрядовому фольклору русальских праздников. Беременность попадьи здесь указывает на славянскую Великую Богиню в ипостаси Роженицы.

Вот еще один текст обрядовой песни. Он указывает на аграрный характер праздника солнцеворота 23—24 июня: «Семик, Семик, Троица, Пресвятая мать Купальница! Ты на чем приехала? На овсяном зерночке. На оржаном колосе». А эпизод «Сказания» с конем и попадьей перекликается с обрядом «проводов русалки». Например, в 1935 году в деревне Воронежской области обряд этот проходил под руководством стариков-«русальщиков». Они делали фигуру коня и вели его. Один из стариков — «погонщик» — был в глиняной маске. Сопровождал коня-«русалку» хор женщин в старинной одежде. Пели древнюю песню, где парни противопоставлялись девушкам. Во время «вождения русалки» разыгрывались веселые сценки, «русалка» плясала, бросалась на людей, как бы давя их, но кончалось все ее «смертью»: конь-«русалка» валился на бок, а народ разрушал его и разбивал маску «погонщика». «Русалка»-конь символизировала буйство, разгул сил природы в дни «верхушки лета». И эта архаичная обрядовая символика уникально зафиксирована в памятнике христианской литературы — «Сказании о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери».

Древнее греческое название иконографического типа Владимирской иконы Божьей Матери — «элеуса» («милующая»). Не исключено, что Андрей Боголюбский сознательно сближал его с другим сходно звучащим греческим словом — «элеусис» («пришествие, прибытие»). И действительно, «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» представляет собой не что иное, как литературное обоснование перехода Андрея Боголюбского с Юга на Север. Этому переходу князь придавал особое значение. И не случайно — общерусский центр навсегда остался на Севере Руси — во Владимире, затем в Москве. Первое чудо иконы в «Сказании» заключается в том, что икона сама сошла трижды с места, указывая путь, которым следовал князь Андрей. Литературное обоснование реального развития Руси, ее обновления призвало на помощь народные верования, легенды и обряды. А купальские праздники были именно праздниками обновления: за два дня до Ивана Купала повсеместно гасили огни, и в навечерье Аграфены Купальницы добывали «новый огонь». Причем делать это должна была самая старая женщина, и очень архаичным способом — трением. Бесспорно, образ женщины, творящей огонь, также был навеян древними представлениями о Великой Богине — Матери всего сущего.

Г. ФИЛИППОВСКИЙ

РЕПОРТАЖ О ПРИЗРАКАХ, или Полтергейст в российской глубинке

А. КАРТАШКИН,
член Группы по изучению паранормальных явлений при журнале «Наука и религия»

«Выделение человеком астрального призрака по собственной воле» — заголовок небольшого труда Ш. Лансепена. Лансепен рассказывает о событиях 11 января 1911 года к 24 февраля 1912 года настолько подробно, что невольно задумываешься: либо это тонкая мистификация, либо... к этому следует отнестись серьезно.

А вот информация «посвежее».

«Мы использовали указатели альфа-, бета- и гамма-излучения, фотометры, термометры, магнитометры, частотомеры и т. д.; для фотографирования применяли обычную панхроматическую пленку с фильтром или без него,— пишет итальянский исследователь Лучиано Бокконе в книге «НЛО — скрытая реальность».— Наша группа смогла документировать фотографически наличие в нашей атмосфере и на почве невидимых биофизических структур со световыми, магнитными и лучистыми свойствами, живущих за пределами нашей физической природы».

«Существование этих структур, состоящих из материи в самой разреженной форме (позволяющей до некоторой степени увидеть их внутренность), форм жизни, способных изменять свою плотность и переходить от одной степени плотности к другой, от области спектра, воспринимаемой только фотопленкой, до полной физической плотности и видимости для нашего глаза — их существование «открыто» не сегодня,— пишет Боконе.— Оно известно с древних времен, когда такие формы жизни обозначались многозначительными терминами «Сквющих», «Дэва» или «Стихийных духов».

О том же рассказывает исследователь парапсихологических феноменов Ю. М. Иванов на страницах книги «Как стать экстрасенсом!» (М., 1990). Излагаемая им схема, выделения астрального тела удивительно сходна с методикой, приводимой Ш. Лансепеном — за небольшими исключениями.

Однако тем, кто захочет выделить свой астральный призрак, я советую прежде хорошо подумать. Это небезопасно! Во-первых, после первого удачного выхода призрак очень трудно удержать — при выходах последующих. Случается, что призрак начинает блуждать совершенно самостоятельно, не подчиняясь воле владельца. Бывает, что его отделение происходит самопроизвольно — например, в людном месте. А человек в этот момент оказывается в состоянии, близком к бессознательному — его физическое тело лежит, как пустой футляр. Во-вторых, само путешествие — рискованная затея. Если по какой-либо причине вдруг окажется перерубленным «шнур», соединяющий недвижимое тело с прогуливающимся астральным фантомом, наступает смерть. Астральное привидение никогда уже не сможет вернуться в физическую «одежду». Представьте себе удивление, а затем и переживания домашних, обнаруживших недвижимое тело без всяких признаков насилия.

Пока это гипотеза. Но хорошенько подумайте, следует ли экспериментировать до тех пор, пока эта гипотеза не стала теорией.

Практика

13 октября 1988 года около 20 часов вечера в кухне закипел чайник. Любовь Белоусова, хозяйка квартиры, не обратила бы на него внимания, если бы не одна деталь — газовая плита не была включена!

Решив, что это померещилось, села пить чай. Но тут с полки упали два пузырька с одеколоном. Один вкатился по полу в кухню, другой влетел в комнату.

14 октября. Полтергейст демонстрировал обитателям квартиры свои возможности. Утром грохнулся на пол электрический утюг, хотя был жестко зажат на полке деревянными брусками. Днем вернулся из школы шестиклассник Олег и — не смог войти. Дверь оказалась запертой изнутри на... задвижку. Позвонил отцу. Когда тот пришел, выяснилось, что горшок с цветами, утром еще находившийся на окне, теперь стоит на телевизоре. А блюдце из-под горшка вылется на полу.

— Если в доме побывал квартирный вор,— предположил я,— то его поведение выглядит странным.

— Да,— согласился Ермилов.— В гардеробе все перевернуто, но деньги и ценности на месте. А вот обувная щетка почему-то закручена в портьеру. Вечером того же дня начала раскачиваться люстра...

16 ноября 1989 года произошло возгорание — около 10 утра, когда в квартире никого не было. Пожарных вызвали соседи. Отыскали точку возгорания — внутри тумбочки, где на нижней полке стояла настольная лампа. Но и тут загадка — лампа не была включена в сеть! Отпадает и версия об окурке, брошенном в окно — невероятно, чтобы он залетел в тумбочку. Меня же больше всего удивила отвалившаяся штукатурка.

— Где она отвалилась?

— Там, где стояли телевизор и та злосчастная тумбочка. Раз отвалилась, значит, в комнате образовался сильный жар. А если — жар, то почему не пострадал диван — он стоял всего в полуметре от загоревшейся тумбочки? Почему не тронул розетку, также располагавшуюся в полуметре от очага возгорания?

— А не мог поджечь Олег? — поинтересовался я.

— В принципе, не исключено. Но ведь и это не доказано.

В ноябре 1989 года Олег был погружен в гипнотическое состояние, и ему было задано несколько вопросов.

— Кто перемещал будильник?

— Какая-то старуха в черном,— отвечал Олег.

— Кто двигал шкаф?

— Странное существо... Оно похоже на поросенка... Только это не поросенок — оно покрыто волосами и на носу у него рог...

— На кого оно похоже?

— Напоминает поросенка, но у него острый нос и сзади — космы...

— Эдуард Андреевич,— спросил я,— может быть, это был и не поросенок?

— Олег видел вот кого,— сказал Ермилов, взял мою ручку и сделал несколько штрихов в моей тетради. И я увидел... дикобраза!

— Ну, и насколько можно верить свидетельству Олега? — задал я вопрос.— Вдруг он начитался страшных сказок, и ему все привиделось?

— Я допускаю возможность наводки,— произнес Эдуард Андреевич, а потом добавил.— В нашем городе живет Галина Анатольевна, целительница. Она обладает даром ясновидения. Нас заинтересовало, что она думает по поводу этого полтергейста. Ее ответ нас ошеломил — она подтвердила показания Олега, описала внешность старухи в черном!

И Люба узнала ее — она была очень похожа на мать соседки. Соседка в свое время вела с Любой тяжбу, даже судилась. А мать ее живет в Белоруссии, в городе Кричев, недалеко от Могилева.

— Вы не выясняли?

Эдуард Андреевич улыбнулся.

— Я занят преподавательской работой — времени почти нет. Кроме того,

Окончание. Начало в № 4, 1991.

мы — организация общественная. Наконец, мой непосредственный интерес — проблемы НЛО. Даже если бы мы приехали к ней, что бы мы сказали! Этичен ли такой визит! Правда, мы звонили в Минск — там тоже есть секция по изучению аномальных явлений, возглавляемая Купликовым. Если хотите, могу дать телефон.

— Давайте,— ответил я.

И вот разговариваю по междугороднему с Минском:

— Владимир Иванович, вы не выходили на женщину из Кричева!

— Боже упаси! Мы и без этого имели немалые неприятности...

— Из-за нижегородского полтергейста!

— Из-за полтергейста в Слободе, который был в 1982 году.

— То есть!

И Купликов рассказал:

— Во-первых, на нас был сильный нажим — в том смысле, что мы занимаемся не своим делом. А во-вторых — вы знакомы с инцидентом в Слободе!

— В общих чертах,— ответил я.— Там неизвестно откуда в постелях появлялись иголки, белье в шкафу пересыпалось перцем, с потолка падали куриные яйца...

— Вот-вот! Именно яйца! Я поехал туда и забрал в стаканчик одно такое яйцо — для исследований. Наша лаборатория тогда располагалась в подвальном помещении, но там был сейф — в него я и поставил яйцо. С этого дня все началось. Я сам вожу машину, и в течение недели мне почти ежедневно стали демонстрироваться автомобильные катастрофы, аварии и крушения. Сознаюсь, это оказывает сильное воздействие.

— Здесь не могло быть случайностей! — спросил я.

— Отчего же не могло! — отозвался Владимир Иванович.— Потом моя жена увидела сон: будто стоит она в зале перед креслом, а в кресле сидит человек в черном и говорит ей: «Мы вашего мужа забираем с физического плана». Как вам это понравится!

— Мне не нравится,— сознался я.— Но ведь сон...

— Далее. Выхожу на балкон развесить белье, разворачиваюсь спиной к улице, и вдруг сзади раздается — бам-м! Похоронный марш! Из дома напротив выносят покойника...

В этот момент я вспомнил строки:

... И сумрачно и строго
Сквозь яблоко вещает голос бога,
Что плод лозины — запрещенный плод.*

Но я ничего не сказал Купликову. Отчасти потому, что в моей руке кончались монетки по 15 копеек, а разговор шел.

— Потом со мной случилась небольшая автокатастрофа, очень легкая, без травм, но больше я не стал искушать судьбу. Взял яйцо и выбросил. И все прекратилось

Если полтергейст дело рук фантома, астрального двойника, то какова его материальная природа!

Единой точки зрения на этот счет нет. Кандидат технических наук А. Ф. Охатрин и доктор экономических наук Б. И. Искаков полагают, что каждый предмет, в том числе и живое существо, имеет своего двойника, состоящего из микролептонов, то есть сверхлегких (имеющих вес $10^{-40} \div 10^{-30}$ граммов) частиц для сравнения — масса электрона равняется $0{,}91 \cdot 10^{-27}$ гр. Доктор биологических наук А. П. Дубров считает, что аномальные явления вызываются биогравитационными взаимодействиями. Исследователь В. И. Муромцев придерживается электронкварк-нейтринной гипотезы...

— Эдуард Андреевич,— обратился я к Ермилову,— каковы ваши соображения о природе полтергейста!

— Мы придерживаемся гипотезы Искакова,— ответил он.

— Можно ли предсказать полтергейст!

— Все зависит от поведения «тонких» самоорганизованных структур — в одних случаях они могут проявляться, в других — нет. У них своя энергетика, своя организация. А у нас еще нет адекватных терминов. Мы даже не можем пока сформулировать, какие запреты налагает природа на их поведение — и в информационном плане, и в энергетическом.

Полтергейст в квартире Любови Белоусовой прекратился, когда в квартиру была принесена наговоренная вода Галиной Анатольевной и разбрызгана по жилищу, потом рассыпали пачку соли, также от Галины Анатольевны, затем поставили свечи, открыли окна и двери (чтобы нечисть могла беспрепятственно покинуть помещение), прочли молитвы, данные Галиной Анатольевной, все вымели начисто, мусор сожгли, а то, что не сгорело, закопали.

— Какие именно молитвы читались! — спросил я у Л. Реймерс, члена нижегородской секции по изучению аномальных явлений, и она ответила так:

— Молитвы для каждого раза свои — это зависит от характера полтергейста, от психофизиологических характеристик его участников.

А вот как был устранен полтергейст в селе Мадаево. Мария Васильевна, мать Ивана Михайловича, съездила в церковь соседнего села Байкова, привезла оттуда святой воды и вместе с местной попадьей, матерью Марией, провели длительное чтение молитв. И полтергейст исчез без соли, без выметания и сжигания.

Александр Шпядинский, московский исследователь квазидемонических явлений, считает, что и произнесение молитв не всегда убирает полтергейст — наоборот, иногда после обряда полтергейст может разгореться сильнее.

— Все зависит от священнослужителя. Если он относится к делу формально, полтергейст ему не подчинится. Здесь нужен человек опытный, грамотный. А русская церковь за многовековую историю накопила богатейший опыт борьбы с бесовскими силами, полагает Шпядинский.

О том же говорит уничтожение недавнего, шедшего с 1 по 24 марта 1990 года, полтергейста, случившегося в Нижнем Новгороде на проспекте Ленина в квартире, где жила Т. и ее дочь, учащаяся 2-го класса. То был жуткий полтергейст — струи воды направлялись в потолок, на стены и на ребенка практически каждый вечер и утро. В отчете об этих событиях, составленном Э. А. Ермиловым, Ж. В. Новичковой и В. И. Фроловой, отмечалось: «В четверг 22 марта к действию воды добавились физические действия невидимого существа (хватание дочери Т. за руку, попытки тащить ее, царапание). Нейтрализация полтергейста была осуществлена священнослужителем высокого ранга в субботу 24 марта 1990 года».

— Кто был этот священнослужитель! — спросил я.

— Отец Николай, архиепископ Нижегородский и Арзамасский.

— Он приезжал к Т. на квартиру!

— Нет. Он провел службу в соборе. Устранение было выполнено дистанционно.

Я не поверил своим ушам. Переспросил еще раз. Эдуард Андреевич подтвердил:

— Да, вы не ослышались. Известен еще более удивительный случай — в сентябре 1990 года разбушевался полтергейст в Краснодаре, и отец Николай, не выезжая из Нижнего Новгорода, прекратил и его. Опять-таки дистанционно.

Однако известны и иные случаи — когда полтергейст уходил без вмешательства церкви, без молитв и обрядов. Только за счет взаимодействия с ним как с равным человеку — путем уговоров, убеждений. Мне рассказал о таком событии один из слушателей — по окончании моей лекции о полтергейсте:

— А он все свирепеет и свирепеет, никакого сладу. Тогда хозяин положил в уголок хлеб, посыпанный солью, и проговорил вслух радушным тоном: «Ну вот, дорогой, умаялся, поработал, теперь отдохни. На-ка, покушай. Я мешать не буду. А покушаешь — и улетай, откуда прибыл. Там уж, наверно, заждались тебя. Ну, будь умницей, покушай и возвращайся к себе». И ушел из комнаты, и свет погасил. Утром проснулся — хлеба нет. И Его нет. Улетел, видать.

Эпилог

Сегодня полтергейст загадочен, непонятен. Но ясно, что он связан с психофизиологией людей. Даже его невероятные действия имеют оттенок разумности, присущей именно человеку. А некоторые эффекты могут быть даже воспроизведены — об этом имеются упоминания в печати.

Вспомним о телепортации куриных яиц в Мадаево — они перемещались невидимым образом из одного места в другое. А теперь заглянем в журнал «Пси рисерч» («Исследование пси-феноменов») — в № 1 за 1983 год. Там опубликована статья китайского ученого Лин Шухуана и его коллег о некоторых экспериментах по телепортации. Удивительная статья!

Человек-оператор по заданию экспериментаторов работал с карманным радиопередатчиком. Передатчик, который излу-

* Стихи Н. Заболоцкого.

чал сигнал в диапазоне от 91 до 193 мегагерц,— по воле чародея-оператора исчезал в одном месте комнаты, а потом появлялся в другом! И происходило такое чудо при помощи не физических усилий экстрасенса-волшебника, а — мысленных!

Но двигался ли излучаемый сигнал? Ведь пеленгуя перемещающийся предмет, можно определить траекторию его движения. Это правда, но тут происходило нечто неясное — в тот момент, когда передатчик пропадал, прекращался и радиосигнал. Все время, пока источник радиоволн отсутствовал в поле зрения наблюдателей (а это время в каждом из 15-ти опытов оказывалось различным — от 24 секунд до 61 минуты) — в этом интервале радиоприемные устройства ничего не могли уловить. Стоило, однако, передатчику появиться (в ином месте), как слышимость восстанавливалась. Отмечалось лишь некоторое ослабление сигнала. Что же касается частоты излучения, то она практически не изменялась. Лишь здорово «садилась» батарея.

Разве это не удивительно! Человек повторяет феномен полтергейста. Но может быть — наоборот!

Увы, даже китайские исследователи этих аномальных явлений ограничились только описанием опытов, никак их не прокомментировав. Возможно, потому, что спектр необычного простирается значительно шире, чем мы предполагаем. «На мой взгляд, явление полтергейста является всего лишь частью более обширной проблемы квазидемонических проявлений»,— считает Шлядинский, и я солидарен с ним.

ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

МЕДИЦИНСКАЯ АСТРОЛОГИЯ, или Действие планет и знаков на тело человека

РАФАЭЛЬ

Глава XVI

Болезни Нептуна

Нептун управляет всякими разнообразными и необычными болезнями скорее психического происхождения, чем физического. К сожалению, в настоящее время влияние этой планеты так мало изучено, что невозможно дать определенный перечень болезней, вызванных этим явлением. Эта планета дает предрасположение к заболеваниям из-за моральных падений и т. п. Люди под влиянием Нептуна часто склонны к употреблению наркотиков, снотворных, успокоительных лекарств, некоторые — заядлые курильщики, другие проявляют исключительную сдержанность. Нептун также может вызывать состояние одержимости, навязчивые идеи и другие психические болезни.

На его влияние в шестом доме и при поражении хилегом или асцендентом следует обращать особое внимание. Основные болезни, связанные с положением Нептуна в знаках, следующие.

ОВЕН — состояния одержимости, конъюктивиты и миопия глаз, мозговые болезни и мании.

ТЕЛЕЦ — болезни глаз, септическое отравление глотки.

БЛИЗНЕЦЫ — туберкулез легких и слабость системы.

РАК — запойное пьянство, ипохондрия.

ЛЕВ — приостановка сердечной деятельности вследствие приема успокоительных лекарств.

ДЕВА — туберкулез кишечника, недоедание.

ВЕСЫ — водянка.

СКОРПИОН — венерические болезни, одержимость.

СТРЕЛЕЦ — нервные расстройства.

КОЗЕРОГ — кожные болезни, проказа.

ВОДОЛЕЙ — навязчивые идеи, нервные заболевания.

РЫБЫ — болезни флюидической системы, водянка, навязчивые идеи.

Глава XVII

Умственные нарушения

Для суждения об умственной слабости и склонности к умопомешательству и сходным болезням необходимо рассмотреть положение Луны и Меркурия. Если ни Луна, ни Меркурий не будут в хорошем аспекте ни с асцендентом, ни друг с другом, тогда умственная слабость, несомненно, проявится, причем ум не будет иметь реальной силы, будучи неспособным понимать или охватывать вещи.

Если Луна и Меркурий не связаны друг с другом и с асцендентом, а Сатурн поражен — в случае дневного рождения наверняка появится эпилепсия, а при ночном — можно ожидать умопомешательства. Если Марс — поражающая планета, это будет вызывать умопомешательство при дневном и эпилепсию при ночном рождении. Вероятность этого возрастает, если затронуты знаки Рака, Девы и Рыб, т. е. если Луна, Меркурий, Сатурн или Марс расположены в этих знаках.

Умственные расстройства могут также проявиться, если светила в соединении или поражены Сатурном, или в оппозиции и поражены Марсом, и особенно, если они расположены в Весах, Скорпионе, Рыбах.

Все эти расстройства будут неизлечимы, если нет хороших аспектов благоприятных планет к светилам или Меркурию.

На затрудненность речи указывает Меркурий в шестом или двенадцатом доме, и если он поражен Луной, Сатурном или Марсом, возможно заикание или врожденная немота. Это произойдет с большей вероятностью; если Меркурий будет находиться в одном из немых знаков (Рак, Скорпион, Рыбы) и поражен Сатурном.

Нептун играет важную роль в возникновении умопомешательства, и если он присоединяет свое плохое влияние к Сатурну или Марсу, это может давать состояния одержимости и навязчивые идеи.

Уран тоже может вызывать умопомешательство, особенно если он высоко над горизонтом и поражет одновременно Луну и Меркурий.

Делая заключения по этому вопросу, необходимо соблюдать большую осторожность, так как обязательно нужно учитывать силу Меркурия и только при слабом положении его можно ожидать самых плохих проявлений.

Глава XVIII

Несчастные случаи, деформации

Этот предмет требует осторожного подхода, но нижеследующие простые правила обычно будут верны.

Повреждения и несчастные случаи. Отмечаем асцендент, куспиду шестого дома, затем — поражены ли светила Марсом или Сатурном.

Сатурн на асценденте вызывает повреждения через падения, то же самое имеет место, если он находится в квадратуре или оппозиции к асценденту.

Марс на асценденте вызывает раны и травмы головы и кровопролития. Обычно имеются отметки или шрамы на тех частях тела, которые соответствуют знаку, в котором находится

Марс. Однако они необязательно являются врожденными, а могут появиться после рождения или при несчастном случае.

Марс, поражающий светила квадратурой или оппозицией,— верный признак опасности несчастных случаев, характер которых зависит от положения в доме. Например, Марс в первом доме предрасполагает к несчастным случаям из-за импульсивных и неосмотрительных действий, в третьем — на железной дороге или шоссе, в пятом — во время отдыха или развлечений.

Слепота. Солнце управляет правым глазом у мужчин и левым у женщин, Луна наоборот. Слепота может развиваться, если светило в углу поражено соединением, квадратурой или оппозицией с Марсом.

Луна в Овне или Тельце, пораженная Нептуном, вызывает глазные болезни, миопию или конъюктивиты.

Солнце, пораженное Нептуном, если одна из планет угловая, может привести к слабости зрительных нервов.

Водолей особенно влияет на зрение, и Солнце в соединении с Сатурном в этом знаке — верный признак слепоты.

Деформация. Это относится к карликам и тем, кто рожден с искривленными конечностями. Телец, Козерог и Скорпион обычно восходят при рождении карликов, и как правило, имеет место поражение Марса Ураном или Марса Сатурном. Если аспекты встречаются в мутабельных знаках, будут деформированы руки и ноги, если в фиксированных — обычно деформация тела, а в кардинальных — головы.

Глава XIX

Смерть

Последний вопрос, который мы должны рассмотреть — это причина смерти. Тут могут быть две ситуации: обычная или естественная смерть и насильственная смерть или в результате несчастного случая.

Естественная смерть. Рассматриваем хилег, правителя восьмого дома и планеты в нем. Смерть обычно наступает, когда хилег входит в неблагоприятные дирекции с управителем восьмого дома или планетой в нем при отсутствии в то же самое время благоприятных дирекций к нему.

Сатурн в шестом или восьмом доме указывает на смерть от затяжных болезней, затрагивающих части тела, управляемые знаком, в котором он расположен.

Марс в этих домах указывает на смерть от лихорадки, кровохарканья и воспалительных заболеваний.

Венера и Юпитер в восьмом доме указывают на мирный спокойный конец, без болей.

В женском гороскопе Солнце вызывает смерть от тяжелых лихорадочных болезней, длительных и с большими страданиями от болей.

Управителя четвертого дома и планеты в нем также следует принимать во внимание при определении причины смерти, так как этот дом является частичным управителем конца жизни.

О времени смерти можно судить только по дирекции, и если хилег поражен не очень тяжело, и имеет благоприятные дирекции, правомерны заключения не о смерти, а только о заболеваниях.

Насильственная смерть. Обращаем внимание на хилег, восьмой дом и планеты в нем, как и в первом случае, но замечаем, восходят ли над хилегом Уран, Марс, Сатурн и образуют ли к нему негативные аспекты. Внезапная смерть обычно происходит, когда одновременно неблагоприятные планеты воздействуют на светила и поражен асцендент.

Если при этом Сатурн находится в фиксированном знаке, возможна смерть через удушение, повешение, удавление, если в животном знаке (Овен, Телец, Лев, Стрелец, Козерог) — от укусов животных или хищников. Если одновременно будет поражен Юпитер, то смерть будет публичной или по приговору суда. Сатурн в Скорпионе вызывает смерть от яда или укуса змей, и если Венера соединяется с аспектом, тогда — от предательства или отравления. Сатурн в водном знаке указывает на смерть от утопления, в кардинальном знаке — от падения здания и, если в четвертом доме,— от землетрясения.

Марс, поражающий хилег и поднимающийся над ним, указывает на насильственную смерть от ран огня, ранений кинжалом, войны и кровотечений.

Если Марс находится в Тельце, возможна смерть через отрубание головы или, если есть склонность к самоубийству, путем перерезания горла. При положении Марса в Скорпионе или Тельце смерть может наступить от хирургической операции, а если в огненном знаке — сгорание и т. п.

Марс, расположенный в человеческом знаке (Близнецы, Дева, Водолей и первая половина Стрельца), указывает на смерть от руки человека, убийства, либо на войне. Марс в противостоянии к светилам указывает на смерть от огня. Если одновременно Юпитер находится в аспекте, смерть определяется решением суда.

Уран указывает на смерть от взрывов, насильственную смерть или при подстрекательстве, от машин, электрических аппаратов, световых приборов, железнодорожных или автомобильных катастроф, а также от самоубийства в любой форме.

Нептун предрасполагает к смерти от приема лекарств, наркотиков, ядов и т. п.

Продолжение следует

О страшной тайне бытия

ЭДГАР ПО (1809—1849)
Мы бродим среди судеб нашего земного существования, нас сопровождают смутные воспоминания о более широкой Судьбе — но они всегда с нами. Об очень далекой, бесконечной, величественной... Судьбе прошедших времен.
Наша юность особенно полна таких снов, но мы никогда не ошибаемся, мы знаем, что это не сны. Мы знаем, что это — воспоминания. В годы нашей юности отчетливость их слишком ясна, чтобы мы могли обмануться, хотя бы на миг. («Эврика»)

ЦИЦЕРОН (106—43 гг. до н. э.)
«Доказательством того, что люди знали множество вещей до своего рождения, служит тот факт, что еще маленькими детьми они схватывают любую информацию очень быстро. По-видимому, они не в первый раз все это воспринимают, а вспоминают из своего прошлого».

РОМЕН РОЛЛАН (1866—1944)
«Внешние факторы приносили мне только реализацию моего собственного сознания, которое я замечал, но не имел к нему ключа. Ни Шекспир, ни Бетховен, ни Толстой не открыли мне ничего нового, кроме «Сезам, откройся!» моего собственного подземного города, моего Геркуланума, спящего под лавой. И я уверен, что он спит в глубине многих вокруг нас. Но они не знают о его существовании — так же, как я не знал. Не раз я цитировал по памяти, хотя и не полностью, уроки мысли, полученные когда-то (но от кого? Это было в одном из моих самых давних существований...)». («Пороги новой Индии»)

УИЛЬЯМ БЛЕЙК (1757—1827)
«В моем мозгу — кабинеты и палаты, полные книг и картин старых времен, которые я написал за бесконечные века до моей смертной жизни». (Письмо к скульптору Джону Флаксману)

ГЮСТАВ ФЛОБЕР (1821—1880)
«Мне кажется.., что я существовал всегда! Я вижу ясно себя в различные времена истории, занимающимся различными ремеслами, человеком с различной судьбой... Многое было бы объяснено, если бы только мы знали нашу подлинную генеалогию. Таким образом, наследственность — это верный признак, но его плохо применяли». (Письмо к Жорж Санд)

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС (1812—1870)
«Я видел небольшую сценку, которая... казалась мне совершенно знакомой... На переднем плане стояла группа молчаливых деревенских девушек, прислонившихся к парапету маленькой речки... Тени приближающейся ночи лежали на всем. Если бы я был убит здесь в какой-нибудь из своих прежних жизней, я не мог бы помнить это место лучше...» (Картины Италии)

У ИСТОКОВ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ

К. ЧЕРЕВКО

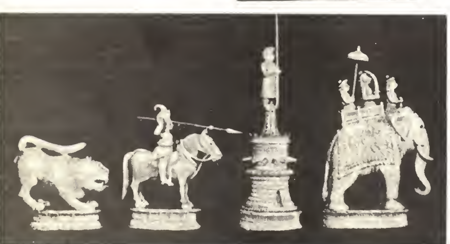
...шахматы настолько глубоки, что просчитать все возможные продолжения не под силу никакой ЭВМ. В партии средней продолжительности, по оценкам специалистов, число возможных ходов составляет сверхастрономическую цифру — 10 в 120 степени. Для сравнения, число атомов во Вселенной «всего-то» 10 с 80 нулями.

Гарри КАСПАРОВ

Казалось бы, современный человек о шахматах знает все: количество полей на шахматной доске, правила игры и имена самых известных чемпионов. Но, оказывается, за просчитанными трезвой логикой ходами, за успехом и неудачами в шахматной игре скрывается не только азартный спорт, не просто развитие памяти и математических способностей, за ней стоит... древняя магия.

Кирилл Евгеньевич Черевко — востоковед, экс-чемпион Токио по шахматам, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР — предлагает вашему вниманию свою версию возникновения шахмат и истории их развития.

Вызывают интерес найденные им указания на связь шахмат с китайской Книгой перемен (*И цзин*), со звездным небом и, наконец с зеркалами (!), которые сами по себе уже явление загадочное.

Шахматы, сделанные в Индии в XVIII веке, по рисунку древнеиндийских шахматных фигур

Спор о прародине: Индия или Китай?

Как известно, прототип современных шахмат чатуранга (модель сражения четырех армий нескольких родов войск) возник в VI—VII веках в Индии. Им предшествовала аштапада — индийская «игра вперегонки» вчетвером на доске — 8 на 8 — с использованием игральной кости, символизирующей карму и служащую для определения количества ходов. В сражении принимал участие только один род войск — «войска на колесницах». Современным шахматам предшествовала также греческая игра «*ПЕТЕЙЯ*» (без кости), в которой при полной свободе выбора ходов — фишки могли снимать одна другую[1]. В своих последних исследованиях иранские историки стремились оспорить традиционную версию: приводя факты в пользу персидского происхождения этих игр, проникших в Греко-Бактрийское царство (Северо-Западная Индия), они датируют появление шахмат временем до IV века и. э.

Шахматы же, которые получили распространение в Китае, Японии, Корее и других странах Дальнего Востока, рассматриваются учеными как заимствованные, хотя конкретных указаний на это нет.

Самое раннее из дошедших до нас упоминаний о протошахматах относится к IV веку до н. э. — китайская классическая книга «*МЭН-ЦЗЫ*». Историк Бань Гу (32—92 годы н. э.) в очерке, посвященном шахматам, указывает на то, что в Южном Китае они назывались *ЦИ*, а в Северном — *И*. Причем, имелось несколько разновидностей *ЦИ*, в частности — «звездные *ЦИ*», олицетворяющие небесные тела (как, впрочем, и в современных шахматах, проникших в Западную Европу через арабский мир).

В «*ШИ ЦЗИ*» — «Исторических записках» Сыма Цяня (145 или 135 г. до н. э. — ок. 86 года до н. э.) — период династии ранняя Хань — около 113 года до н. э. приводятся первые из известных в настоящее время краткие сведения о «партии» в *ЦИ*, связанные с именем Луан Да, придворного мага ханьского императора У-ди (156—87 годы до н. э.). В этом памятнике говорится о том, что фигуры *ЦИ* под действием сил притяжения н а ч и н а л и с а м и в з а и м о д е й с т в о в а т ь, о т т а л к и в а я с ь и п р и т я г и в а я с ь. Эти шахматы назывались *СЯНЬ И* — «магические шахматы даосов» или дословно: «шахматы горных волшебников».

«Большая Медведица», календарь и Священное Зеркало

То, что при этом использовался магнит, вделанный в шахматную доску, стало известно из разных письменных источников, дошедших полностью или частично до наших времен. Широкое его применение в Китае для этих целей относят к I веку до н. э. Что же касается узкого круга придворных магов, то им использование магнита при игре в шахматы было известно уже во II веке до н. э. Такие протошахматы служили одновременно и календарем, фиксирующим времена года, месяцы и положение Земли во Вселенной относительно других небесных тел: Солнца, Луны и зодиакальных созвездий.

Для угадывания предопределенного человеку Пути *(ДАО)*, которым он должен следовать, чтобы находиться в гармонии с законами Земли (Природы) и Неба (Вселенной), важно было соотнести расположение созвездия Большой Медведицы на гадательной

[1] *Ю. Авербах. Как возникли шахматы// Шахматы в СССР. 1990, № 8. С. 18—19.*

протошахматной доске с гороскопом этого человека.

В волшебных шахматах использовалось и Бронзовое Зеркало — один из трех символов власти японского императора. Двумя другими служили: Яшмовые Подвески, своей конфигурацией напоминающие два знака из символа *ДАО — ЯН* и *ИНЬ* — свет и тьма, и Священный Меч — символ власти и силы (в описательном его названии на китайском языке подчеркивается его небывалая отточенность: «такой острый, что мог травинку срезать»). Бронзовое Зеркало служило символом правды, отражающим все существующее в Подлунной так, как оно есть на самом деле.

Необходимо также отметить, что Бронзовое Зеркало являлось символом власти верховного даосского божества. В качестве этого божества почиталась Полярная Звезда.

Как подчеркивают источники, в Китае, и только в Китае,— с доминирующей в нем теорией о строении макрокосма исключительно на основании представления о взаимодействии ИНЬ и ЯН — могла возникнуть такая гадательная техника (заложившая основы протоигры), которая одновременно относилась и к области астрологии и к технике сражения.

Первое упоминание об использовании бронзовых круглых зеркал в качестве досок для игры в протошахматы, относится к 672 году до н. э., а самые древние из сохранившихся зеркал относятся к 6 и 10 году н. э. Два таких зеркала найдены в могильниках в Корее в районе Лоляна. Одно из них, датируемое 69 годом н. э., обнаружено японскими археологами Есито Харада и Киито Тадзава в конце 1920-х годов, другое — 4—8 годом н. э. найдено в начале 1930-х годов Акио Коидзуми и Косаку Хамада.

Отметим попутно, что на рубеже нашей эры изящно орнаментованные ханьские бронзовые зеркала (II века до н. э. — II века н. э.) распространялись из Китая не только в Корею и Японию, но и в Центральную и Среднюю Азию и дальше на северо-запад вплоть до бассейна Волги.

После бронзовых протошахмат появляются и деревянные. «Шахматные» доски начинают изготавливать из дерева, придавая им круглую форму. На них наносят изображение перевернутого (как в зеркале) «ковша» Большой Медведицы. Известный философ (27—104 годы н. э.) Ван Чун писал, что на таких досках начали использовать вместо «ковша» символизирующие его настоящие ложки из магнитного железняка. Ручка такой ложки служила магнитной стрелкой, и назначение ее было таким же, как у стрелки компаса.

Со временем протошахматы изменились: теперь начали помещать круглую доску — символ Неба — на квадратную — символ Земли. Вместе они образовывали шахматно-календарно-гадательную доску *СИ*. Круг воспринимался как положительное начало, свет *(ЯН)*; квадрат — отрицательное, мрак *(ИНЬ)*. На круглую доску наносились 24 деления, соответствующие количеству часов в сутках; квадратную — 28 делений, соответствующих 28 созвездиям лунного зодиака, эти 28 делений отмечали путь Луны в течение месяца. Кроме того, по углам и четырем сторонам света наносились 8 главных гадательных триграмм, состоящих из трех черт — верхняя обозначала Небо, нижняя — Землю, средняя — человека.

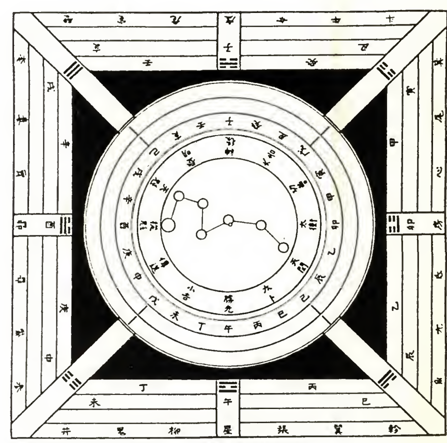
Одна из квадратных досок полированной бронзы описана как «зеркало с четырьмя сторонами (света)» и относится к периоду Хань (206 год до н. э. — 220 год н. э.).

Сто ханьских круглых зеркал были подарены легендарной царице Химико, которая рядом японских ученых считается и даосской жрицей. С магическим кругом на шахматно-гадательной доске, по-видимому, связана и сферическая форма кургана, в котором была захоронена Химико: обычно могильный курган имеет форму замочной скважины.

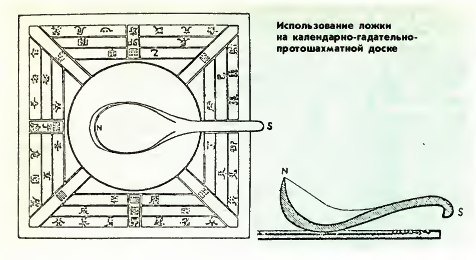
Историк Сыма Цянь в 90 году до н. э. писал, что прорицатели пользуются моделями Неба и Земли в виде шахматно-календарно-гадательных досок, на которых обозначены четыре времени года и соотнесенные с ними вселенские добродетели — любовь, справедливость и т. п.

Как играли в шахматы в Древнем Китае

Первоначально правила игры в китайские протошахматы в значительной степени совпадали с техникой гадания. Они носили эзотерический характер, так как знание их являлось достоянием узкого круга посвященных жрецов. Но некоторые сведения об этих правилах все же удалось почерпнуть из старинных рукописей, написанных жрецами или их учениками. В одной из наиболее ранних форм протошахмат использовались дощечки-фигуры, олицетворяющие звезды и планеты (позднее они были заменены изображением людей) по 12 фигурок — в соответствии с количеством знаков зодиака — у каждого из двух партнеров; фигурки бросали как игральные кости на доски по очереди, в три приема («хода»). Именно тем, что они символизировали «волю неба», они были похожи на аштападу. Брошенные дощечки-фигуры останавливались у гадательных черт, каждая из которых имела свое определенное значение, зафиксированное в гадательных книгах, и по нему определялась буду-

Гадательная доска. Могильник в Корее в районе Лоляна).

Использование ложки на календарно-гадательно-протошахматной доске

щая счастливая или неудачная судьба того, о ком гадали.

В дальнейшем «ходы» состояли в поочередном встряхивании доски легким ударом снизу. В результате этого возникали новые «позиции» — конфигурации светлых и темных дощечек у изображений гадательных черт — 8 триграмм, сплошных (положительных) и прерванных (отрицательных), которые при удвоении образовывали 64 гексаграммы. Позднее, после бросания дощечек-фигур на доску, они начинали передвигаться уже по определенным для каждой из них правилам. Такие протошахматы приобретали свойства, приближающие их к дальневосточным шахматам современного типа.

Первое упоминание о протошахматах, связанных с бросанием дощечек-фигур на календарно-гадательную доску, относится к началу II века до н. э. В рукописи *«И ЮАНЬ»* («Сад удивительных вещей»), написанной в этот период, говорится следующее: «Гадание с использованием 12 фигур, изображавших людей, *(ЦИ ПУ)* берет начало с Чжан Ляна (197 год до н. э.), советника императора Лю Бана (247—195 годы до н. э.), основателя династии Хань, который обучился технике гадания у мудреца Хуан Шикуна (в провинции Шэнси)».

«Сяньбийский ренессанс»: от шахмат «небесных» к шахматам «земным»

Традиционно считается, что дальневосточные шахматы современного типа *(СЯНЦИ*, япон. *СЁГИ)* — фигуры-образы — были изобретены в 569 году. В официальной китайской историографии они приписываются императору У-ДИ (560—578 годы) сяньбийской династии Северная Чжоу.

Принципиально новым в этих шахматах явилось приобретение партнерами относительной самостоятельности по аналогии с действиями полководца в реальных сражениях (как это имело место при возникновении *ЧАТУРАНГИ* из *АШТАПАДЫ* и *ПЕТЕЙИ*). В этом, в частности, нашел свое отражение качественный скачок в развитии человека — осознание им в модели космоса своей активной роли по отношению к окружающему миру.

Качественные изменения в шахматах осуществлялись на фоне так называемого «сяньбийского ренессанса» VI века н. э., который получил такое название благодаря сильному влиянию тюркских степных племен сяньбийцев. В течение почти двух веков (386—581 годы) под властью сяньбийской династии находилась огромная территория от Ферганы до Корейского полуострова. В последние три десятилетия данного периода сяньбийское государство Северная Вэй (386—581 годы) разделялось на западную и восточную части — Северная Ци и Северная Чжоу. Сяньбийцам принадлежит важная роль в трансформации древнекитайской культуры. Существенное значение в этом процессе имело распространение чань-буддизма. Большую роль в жизни сяньбийцев играли войны, что нашло свое преломление в характере шахмат нового типа в восточной части азиатской «эйкумены», связанной с ее западной частью — «Шелковым путем».

В этот период в государствах Северного Китая образованный человек должен был разбираться в астрономии, рисовать, играть в шахматы и разговаривать по-сяньбийски. Сходный процесс, по-видимому, происходил несколько позднее в Корее и Японии, где также опосредованная сяньбийцами китайская культура вступала в более тесное взаимодействие с культурой аборигенов, находившейся под сильным влиянием буддизма.

Фигуры в шахматах нового типа в Северном Чжоу олицетворяли Солнце, Луну, звезды и планеты. Эти шахматы были более доступны для понимания.

Деление шахматных фигур на белые и черные, 64 клетки шахматной доски — все это не случайно. Это символика китайской «Книги Перемен» *(«И ЦЗИН»)* IV века до н. э. По этой книге (а в ней наиболее глубоко выражена взаимосвязь природы и человека) прорицатель, знающий состояние хозяйственных и военных дел, космических и климатических явлений, этнических отношений, быт населения и личную жизнь правителей, прогнозировал, какие действия целесообразно предпринять в той или иной ситуации.

Белые и черные фигуры олицетворяют две космические силы — светлое — активное, положительное начало и темное — пассивное, отрицательное. А комплекс всех реальных ситуаций, согласно *«И ЦЗИНУ»*, составляет число 64, где каждой из них соответствует свой символический знак, или гексаграмма, которая состоит из шести сплошных или прерванных графических черт; в различных комбинациях этих черт заключается идея взаимосцепления событий.

«В теории «Книги Перемен»,— отмечает советский востоковед Ю. К. Шуцкий,— рассматривался процесс возникновения, бытия и исчезновения [сущего]. Творческий импульс, погружаясь в среду меона (исполнения), действует прежде всего как возбуждение последнего. Дальше наступает его полное погружение в меон, которое приводит к созданию творимого, к его пребыванию. Но так как мир есть движение, борьба противоположностей, то постепенно творческий импульс отступает, происходит уточнение созидающих сил, и дальше по инерции сохраняется некоторое время лишь сцепление их, которое приходит в конце концов к распаду всей сложившейся ситуации, к ее разрешению».

Интересно, что в прикладном значении эти шахматы служили средством диагностики и выявления причин болезней, рассматриваемых как результат нарушения равновесия борющихся между собой положительных и отрицательных сил божества головы и рук — одного из трех главных духов в религиозном даосизме III—VI веков. Сама же идея борьбы — в шахматах не была новой, она была перенесена из астрологии, для которой борьба больших и малых звезд между собой представляла обычное явление, и отражала в своеобразной символической форме борьбу между различными слоями древнего и средневекового общества.

Одним из источников происхождения шахмат явились сяньбийско-китайские шахматы *СЯНЦИ* (японские *СЁГИ*), а другим — индийские шахматы *ЧАТУРАНГА*, которые, как свидетельствуют буддийские летописи, были привезены первыми буддийскими монахами в начале III века н. э. в Китай, где их дополнили такими новыми фигурами, как катапульта (прототип ладьи) и слон, сначала китайские протошахматы, а затем (в силу преемственности) — сяньбийско-китайские шахматы. Возможно, что уже после

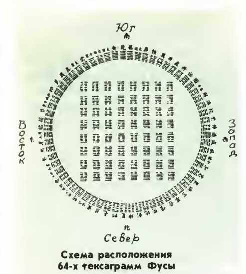

Схема расположения 64-х гексаграмм Фусы

этого они попали по великому «Шелковому пути» в Персию и далее в страны Европы.

Любопытно, что и *СЁГИ* (вариант китайских *СЯНЦИ* с доской 9 на 9 клеток по 9 фигур), хотя и значительно отличаются от индийских, рассматриваются как восходящие к индийскому источнику. Японские ученые также считают, что шахматы появились в Китае вместе с буддизмом, а отсюда были привезены в VI веке в Японию в период правления императора Киммэй (540—572 годы).

«*ЦИ*» и космическая антропология

От китайских *ЦИ* происходят не только *СЯНЦИ* (японские *СЁГИ*) но и *ВЭЙЦИ* (япон. «*ГО*», или «облачные шашки»). Их число — 180 белых + 180 черных = 360 (+ 1 черная шашка в центре доски — «звезда», символизировавшая Полярную звезду) было первоначально равно числу дней в году в солнечном календаре Древнего Египта и Древнего Китая (30 дней, умноженные на 12 зодиакальных созвездий,равняются 360). Затем 5 дней были, по древнеегипетскому преданию, выиграны в игру, подобную *ЦИ*, у богини Луны богом — хранителем времени — Тотом. Обращает на себя внимание нумерологическое соответствие 19 полей на каждой стороне этой доски и общего количества 64 полей на шахматной доске 64 кодонам[2], выстраивающимся в 1 молекулу генетического кода ДНК за 19 витков ее двойной спирали. 19 — это также число лет в так называемом Метоновом цикле древнекитайского лунно-солнечного календаря из 235 лунных месяцев (с середины II тысячелетия до н. э.), служащих для согласования периодов обращения Луны вокруг Земли и Земли вокруг Солнца. Из этого делается предположение об отражении в 19-членном витке спирали ДНК биоинформации лунно-солнечного года. Соответственно наличие в каждой живой клетке около 3 миллиардов молекул ДНК рассматривается как накопление информации о том, что со времени появления на Земле первых микроорганизмов прошло около 3 миллиардов лет.

$64 = 4^3$ (сумму гексаграмм китайской классической «Книги Перемен») и $81 = 3^4$ (сумму тетраграмм «Книги великой тайны») следует считать фундаментальными числами китайской нумерологии[3].

Сопоставляя количество черт в гексаграммах (шесть) и количество разных фигур, фиксировавших разные социальные позиции, при переходе к современным шахматам, П. Бондаревский в статье «Гадание по книге перемен» пишет: «Аналогичная символика отдельных черт по их позиции в гексаграмме с древних времен существует и в гадательной практике ицзинистов, первая (начальная) черта — «простолюдин», вторая — «служилый», третья — «вельможа», четвертая — «придворный», пятая — «царь», шестая — (верхняя) — «современный человек». Вдумаемся: ведь число 6 означает и такой «набор» — 4 стороны горизонта плюс точки зенита и надира. В пульсовой диагностике Древнего Китая шестерка — это количество пульсов, по которым оценивается состояние основных органов тела в целом. С точки зрения молекулярной биологии число шесть — это миниспираль: кодон (триплет) и антикодон. Оно соответствует числу сторон каждого поля в гексагональных шахматах. Итак, совпадает количественный набор: 64 шахматных поля на шахматной доске и столько же кодона в одной молекуле кода ДНК; 81 — число клеток в японских шахматах (*СЁГИ*) и средняя цифра нуклеотидов в транспортных РНК. Может быть,эти совпадения все-таки не случайны?

С астрономической точки зрения, 8 градусов Солнца (аналог 8 фигурам в шахматах) — это единица измерения, связанная пропорцией с расположением планет, а максимальное расстояние от Земли до Луны — примерно 64 радиуса Земли (среднее расстояние — около 60 радиусов). Отношение масс Земли и Луны равно 81 к 1 • А 64 — это число «завершающих», уточняющих пульсов в 64 точках — элементах организма, через которые на организм воздействует биоэнергетическая информация извне, под влиянием тренировок оказывающаяся в резонансе с космосом.

В современных шахматах круг, вписанный в квадрат,— это круглое основание каждой фигуры, поставленной на квадратное поле доски, повторяющее «образы» Неба и Земли в протошахматах. Их космологическое значение становится особенно важным, если учесть, что в настоящее время в физике круг и квадрат связываются с понятиями симметрии и суперсимметрии, позволяющими вывести единую теорию взаимодействия всех сил природы и таким образом создать модель «свертывания» и «развертывания» Вселенной; начиная с Большого Взрыва.

«Странным образом» учение о симметрии оставлено без внимания тысячелетней философской мыслью,— писал академик В. И. Вернадский. — Направление сюда философского анализа является поэтому очередной задачей для тех философских систем, которые учитывают современную философскую мысль»[4].

Итак, некоторые числовые и геометрические характеристики шахмат и протошахмат свидетельствуют о том, что эта игра является в своей основе моделью человека, природы и космоса, созданной в соответствии с натурфилософскими представлениями об изменчивости, выработанными в странах Востока. Изучение этой модели позволяет выявить изоморфизм различных «срезов» ноосферы и положить начало разработке одного из направлений космической антропоэкологии, которое условно можно назвать шахматологией.

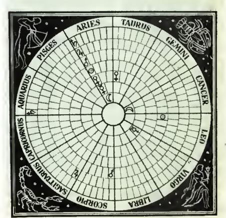
---

[2] *Кодон — единица генетического кода, состоит из трех азотистых оснований, предписывает включение определенной аминокислоты в синтезирующую молекулу (антикодон — участок молекулы транспортной рибонуклеиновой кислоты, «опознающий» кодон при биосинтезе белка).*

[3] *Любопытно, что 64 • 81 • 5 (5 — число первоэлементов в китайской натурфалософии) = 25920, т. е. числу лет в Платоновом году, равном прецессии, или периоду времени полного оборота наклонной оси вращения Земли.*

[4] *В. И. Вернадский. Философские мысли натуралиста. М., 1988.*

Небо, планеты, знаки Зодиака — были элементами «астрономических шахмат» для 7 человек. Игра проходила на круглой доске с центрическими кругами.
Положение планет — по системе Птолемея (с середины): Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер и Сатурн. В некоторых частях Зодиака обозначены исходные позиции отдельных фигур — планет. Каждый игрок представляет одно небо.

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО

ДРАМА разрушенной церкви

Когда-то здесь была церковь. Говорят, красивая, уютная, вся в цветах, роскошном кустарнике и деревьях. Жители Благуше-Лефортовского района Москвы сами ее построили. По грошику, по копеечке — кто сколько мог на строительство жертвовали. 29 июня 1911 года церковь Святого Димитрия Солунского в Благушинской роще была освящена. Сведения о ней по сей день сохранились в справочнике московских церквей 1915 года, где она зарегистрирована под номером 544. Сохранились в архивах даже чертежи, по которым строилась церковь.

Чертежи сохранились, а вот сама церковь... В недобром 1935-м ее не стало. Прекрасное, добротное здание частично разрушили, а то, что осталось от прежнего строения, приспособили под завод драгоценных металлов. Так на месте церкви появилось глухое, мрачное здание, напоминающее тюрьму для особо опасных преступников. Уродливое сооружение обнесли высоким забором с рядами колючей проволоки поверху, у глухих, непроницаемых ворот на бессменную вахту встал милиционер. Установили режим строгой секретности.

Завод этот просуществовал до 1989 года. После чего начал сворачивать производство. Наконец в начале прошлого года завод окончательно покинул территорию. Рассеялась пелена секретности, ворота настежь распахнулись, а потом и вовсе исчезли, в стенах тут и там образовались пробоины, в которые ринулись сначала любопытные ребятишки, потом любители укромных мест — взрослые. Побывала за мрачными стенами и я. Частично сохранились останки былой церкви и уродливые заводские наросты. Разруха, грязь, кучки каких-то порошков, неряшливые потеки на стенах и на земле. Ко всему — удушливый, химический запах. И надписи на стенах: «Здесь была церковь. Ее хотят снести. Она подлежит восстановлению как народное достояние. Восстановим церковь, посадим рощу! Не допустим уничтожения храма!»

У местных властей родились иные планы. Здесь решено было построить школьный комплекс, со своим стадионом, говорят, даже с бассейном.

Однако вместо намеченного появился лишь знакомый всем нам дощатый забор, обозначивший строительную площадку. Кинулись к разрушаемому строению несчастные, обалдевшие от бесплодных поисков стройматериалов, дачники. И потащили — кто недогнившую доску, кто грязный кирпич, кто выдранную с мясом дверь.

А потом — переполох. По слухам, начались тяжелые отравления. Первыми, якобы, заболели незадачливые дачники. Потом — облазившие все щели особо любознательные дети. Слухам можно верить, а можно и не верить. Тем более, что официальная информация на этот счет — секрет. Во всяком случае, сотрудница санэпидстанции Первомайского района, на территории которого расположен объект, Г. А. Баранова уверила меня в телефонном разговоре, что все это — не более чем сплетни. Атмосферу же завод если и загрязнял, то «несильно». В последние годы совсем «несильно». Сегодня загаженные руины и вовсе безопасны. Витающие над ними химические запахи — тем более.

Но учителя в близлежащих школах просили своих учеников не подходить к бывшему заводу, полагаю, не по своей инициативе. Шарахнулись от него и гулявшие рядом собачники: начали заболевать питомцы.

Дыры в ограде спешно залатали, ворота перекрыли, а у входа вновь поставили охрану. Реальную, не из области слухов. И наконец на дверях подъездов близрасположенных домов появилось предупреждение. Текст привожу полностью: «Санэпидстанция предупреждает! Товарищи родители! Не разрешайте детям играть на территории бывшего завода драгметаллов (ул. Ибрагимова, д. 6а). Территория и стены загрязнены кислотами, щелочами, редкоземельными элементами (ртуть, свинец, кадмий и т. д.) Возможны тяжелые отравления».

Относительно таинственного «т. д.» судить не берусь. Что же касается перечисленных веществ — загляните в справочники. Или проконсультируйтесь со специалистами. Вы узнаете, например, что смертельная доза ртути (сулемы) для человека составляет всего полграмма.

Когда же лукавила районная санэпидстанция и Г. А. Баранова в частности — когда расклеивала тревожные предупреждения или когда уверяла корреспондента в том, что развалины завода, дурно пахнущие «химией», абсолютно безопасны или опасны «несильно»? И если все же они, мягко говоря, небезвредны, то кого же потихоньку подтравливал бывший завод, укрывшись от любопытного взора глухим забором? Кто страдал, дыша не совсем чистым воздухом?

По одну сторону завода, через забор от него,— школа. По другую сторону, вплотную к забору — Московский техникум электронных приборов. Напротив, чуть наискосок, через узкую улицу — детский сад-ясли. Неподалеку Дом ребенка и еще две школы — общеобразовательная и музыкальная. Через дорогу — профессионально-техническое училище. Чуть подальше еще два детских сада, поликлиника. И везде вокруг — магазины, жилые дома.

Мне говорят: не преувеличивайте опасность, не нагоняйте зря страхов, практически вся современная индустрия так или иначе разрушает природу, наносит вред человеку. Но ведь она же несет нам и пищу, одежду, лекарства. Так-то оно так. Только если в какую-то пору по глупости или по курьезному рвению иной властвующий вельможа воздвигает в центре жилого микрорайона опасное для людей производство, то другой, который считает себя разумным и гуманным, должен, наконец, исправить допущенную ошибку.

Или по-прежнему будем истощать себя в бесплодных спорах о гуманизме, не обращая внимания на страдания и смерти людские? Может быть, хватит глубокомысленных рассуждений о причинах высокой смертности в СССР и нужны конкретные, реальные действия? Может быть, хватит бороться за чистоту и пора мести улицу, очищать город от скверны?

Мне говорят: подождите, есть проблемы и поважнее, страна переходит к рынку. А я не хочу, чтобы гибли люди на переходе, даже если он ведет к рыночному раю. Мы привыкли к историческим сражениям: то бились за коммунизм, теперь — за рынок, потом, глядишь, грянет новая, не менее историческая битва.

Я не против исторических битв, судьбоносных решений, мне нравятся демократия, плюрализм, альтернативные выборы. Но альтернативы человеческой жизни здесь, на земле,— нет. И человеческая смерть — будь то на переходе к рынку, или к социализму,— всегда остается смертью. Так давайте беречь жизнь человека, не откладывая решение этой задачи на потом, до «окончательной», «исторической» победы.

Что же касается церкви — надо или не надо восстанавливать ее на испоганенном этом месте, построить здесь школу или другой какой-нибудь объект — это уже другие вопросы. Преклоняюсь перед теми, кто пытается спасти храм, рисует на заборе и чудом уцелевших стенах отчаянные призывы, умоляя сограждан защитить народное достояние. Возможно ли сегодня, более чем полвека спустя, чудесное воскрешение храма после кощунственного его разорения? Не нахожу в себе сил в это поверить. Знаю только: проклятием для потомков обернулась полвека назад разыгравшаяся здесь трагедия.

Р. ФИРСТОВА

«Верный путь и тесные врата»

Ю. БАРАБАШ

Н. В. Гоголь и В. А. Жуковский в Летнем саду. Рисунок В. Серова

...Кто в дальнюю дорогу
Сбирается идти,— взяв в руки посох свой
Тот говорит друзьям:
Друзья, молитесь Богу!

Я. ПОЛОНСКИЙ

ПРОВЕРКА РАЗУМА

Но вот Гоголь приходит к выводу, что одних эмоций, одних только эстетических впечатлений и переживаний мало, чтобы действительно «заговорить о Боге» (напомню: это выражение из письма к Смирновой). Он видит «математически ясно», что необходима «поверка разума». Возникает «мысль об ученье».

Возникает она, по признанию писателя, поздно, «в зрелом возрасте», в последнее десятилетие его жизни. «...Я получил в школе воспитанье довольно плохое...— читаем в «Авторской исповеди».— Я начал с таких первоначальных книг, что стыдился даже показывать и скрывал все свои занятия».

Круг занятий широк, «от исповеди светского человека до исповеди анахорета и пустынника», как и вообще диапазон книжных интересов Гоголя, однако в период, о котором идет речь, в них явственно превалирует религиозная направленность. Стремясь постичь, что́ есть «человек и душа человека», «человечество вообще», Гоголь тем самым ищет дорогу «ко Христу», к Божественной истине, к «узнанью... вечных законов». Среди книг «законодателей, душеведцев и наблюдателей за природой человека», ставших его чтением, главное место занимают богословские труды и святоотеческая литература. С этой точки зрения, думаю, не будет натяжки, если слова о «первоначальных книгах» истолковать в двояком смысле: первоначальные — это значит не только «элементарные», «азбучные», но и «основополагающие», и «исходные», дающие фундамент, опору.

Письма тех лет, в частности к Языкову, Смирновой, О. Аксакову, А. Толстому, содержат многочисленные просьбы прислать книги церковного и религиозно-нравственного содержания; еще раньше, судя по «реестру» 1841 года, такие издания посылал писателю в Рим Погодин. В этих списках, а также в записной книжке 1846 года (то есть в самый разгар работы над «Выбранными местами...») обнаруживаем чрезвычайно широкий круг названий и имен. Среди них: Евангелие, Псалтирь, молитвенник, книги синодальные, сочинения отцов Церкви, богословов, духовных писателей — Ефрема Сирина, Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Богослова (Назианзина), Иоанна Златоуста, Андрея Критского, Макария Египетского, Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина, Мелетия Пигаса (антиохийский патриарх, известный как борец против Брестской унии 1596 года, активный корреспондент русских, украинских, польских государственных и церковных деятелей) и других. Внимание Гоголя привлекают Игнатий Богоносец, Иустин, первосвященник Поликарп и его ученик Ириней Лионский, Авва Дорофей, Кирилл Иерусалимский и Кирилл Александрийский, Фома Аквинский, Амвросий Миланский, Дионисий Ареопагит (так называемый Псевдо-Дионисий), Блаженный Августин[1] и особенно Фома Кемпийский, чьей книгой «О подражании Христу» Гоголь был увлечен и настоятельно рекомендовал своим московским друзьям штудировать ее ежедневно. Интересуется писатель исследованиями по литургике, журналом «Христианское чтение», сборниками «Творения Отцов Церкви в русском переводе» — периодическим изданием Московской духовной академии, антологией восточно-христианской патристики «Добротолюбие» (в переводе Паисия Величковского), «Памятником веры» — церковным календарем с различными приложениями, проповедями Ж. Б. Боссюэ...

О методе, применявшемся Гоголем при чтении, или «проработке», как сказали бы мы сегодня, этих книг (исключение составляет Евангелие, читать которое он испытывает «непреодолимое, сильное желание», «сердечный порыв»), можем судить по его советам Языкову в письме от 8 июля 1843 года: читай, говорит он, «с карандашом в руке», выуживай, «как рыбак», каждое «величавое, нежданное слово или оборот, записывай и отмечай их себе в материал». Сам писатель именно так

Окончание. Начало в № 4, 1991.

[1] *Представляет интерес предлагаемая В. Носовым параллель между гоголевской концепцией Города и сочинением Августина «О граде Божием» (см:. Носов В. Д. «Ключ» к Гоголю).*

и читал, о чем свидетельствует рукописный сборник-тетрадка с выписками из сочинений отцов и учителей православной церкви, как вселенской, так и русской.

Оригинальный экземпляр этой тетрадки, упоминаемый А. Толстым в числе бумаг, оставшихся после покойного Гоголя, пока не найден. Предполагается, что его взял с собой П. Кулиш, посетивший Васильевку вскоре после кончины Гоголя в связи с работой над его двухтомной биографией, после чего след рукописи затерялся. К счастью, сестра писателя, Ольга Васильевна Гоголь-Головня, успела снять копию, впоследствии она передала ее В. Чаговцу, от него тетрадка попала к Н. Петрову, который описал ее и прокомментировал.

Сборник объемом в 229 страниц, составленный (или завершенный?) Гоголем, по расчетам Н. Петрова, в Париже не позднее марта 1845 года, то есть в ту пору, когда, как мы помним, уже вызревал замысел «Выбранных мест...», содержит 56 выписок. Временной и географический диапазон необычайно широк — от авторов раннехристианских и средневековых до писателей более позднего времени, вплоть до современного Гоголю, в том числе епископов — Рязанского Гавриила (Городкова), Костромского Владимира (Алявдина) и Полтавского Гедеона (Вишневского), затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия Машурина и протоиерея Степана Сабинина, настоятеля при русской миссии в Веймаре (вспомним: здесь, в Веймаре, весной 1845 года, в тяжкую пору своего «нервического расстройства», Гоголь говел вместе с А. Толстым — вторично в году). Большинство выписок, 38 из 56, сделано из материалов, опубликованных в журнале «Христианское чтение», остальные почерпнуты либо из других источников (из приложения к катехизису Петра Могилы «Православное исповедание веры»[2], из «Книги правил святых апостол, святых соборов вселенских и поместных и святых отец», со списков, снятых с различных проповедей и писем), либо — реже — непосредственно из сочинений тех или иных авторов.

По содержанию Н. Петров подразделяет все выписки на три группы: вопросы догматические, литургические и религиозно-нравственные.

Последние занимают в сборнике наиболее значительное место, что, несомненно, связано с подготовкой писателя к работе и самой работой над «Выбранными местами...», а также, в известной мере, над вторым томом «Мертвых душ». Не лишены интереса сделанные Н. Петровым сопоставления выписок и отдельных мыслей и положений из последних сочинений Гоголя: о любви к Богу и к ближнему, о боготворении монарха, о миротворческой деятельности христианина, о нравственном самосовершенствовании и личном самоиспытании, о смирении и т. п. Литургическим вопросам уделено сравнительно немного внимания.

Что же касается выписок, относящихся к области церковной догматики, то тут хотелось бы высказать соображения вот какого рода.

Выписки эти посвящены вопросам сугубо богословского характера. Таков, скажем, отрывок из сочинения «Изложение веры св. Григория Чудотворца, епископа Неокесарийского, по данному ему откровению», рассматривающего основные принципы христианского Символа веры. Сразу же за этим отрывком, которым открывается сборник, следует пространное изложение мыслей Василия Великого о церковных преданиях. Затем на разных страницах находим суждения отцов и учителей церкви о специфических, зачастую спорных проблемах христианской догматики: Иоанна Дамаскина — о таинствах; Прокла Константинопольского — о Боге-Сыне, о богочеловеке; Тертуллиана — о плоти Христовой и о двух естествах Иисуса; Федота Анкирского — о непорочном зачатии и рождении Спасителя от Девы; Иоанна Златоуста — о Церкви как носительнице Святого Духа; отрывок из письма протоиерея Степана Сабинина посвящен почитанию святых, угодников Божиих, неразрывно связанному с почитанием Пресвятой Девы и самого Бога. Подобных выписок — именно чисто богословских — не так уж мало, они занимают более четверти, если не около трети всего сборника.

Так вот, приходится задать себе вопрос: не поторопились ли мы в свое время, согласившись с епископом Григорием в том, что автор «Выбранных мест...» никакой не богослов?

Полагаю, на этот вопрос можно ответить с уверенностью: нет, все-таки не поторопились. Ученик богословов, неофит, прикасающийся к догматической премудрости,— так, пожалуй, будет вернее. Как отмечает Н. Петров, по-видимому, богословские выписки «имели в виду только личное научение Гоголя истинам веры и нигде, кажется, не отразились на его литературных произведениях».

Оговорюсь: это не значит, что такого рода богословское «научение» не имело вовсе никакого отношения к литературным занятиям Гоголя, никак и никогда не влияло на них. Нередко очень даже влияло. Известно, например, как сетовал писатель по поводу того, что слишком поздно узнал сочинения Исаака Сирина, «великого душеведа и прозорливого инока», заставившего его переоценить свои «гнилые слова» о прирожденных страстях в главе XI первого тома «Мертвых душ», увидеть в них «прелесть», «вздор», только дымное надмение человеческой гордости.

В «Выбранных местах...» мы очень часто, практически на каждом шагу встречаем понятия, термины, символы, фразеологию, связанные с христианской догматикой, ссылки на Священное писание, на авторитет отцов и учителей церкви. Однако все это носит не самодовлеющий (как в собственно богословии), а скорее подчиненный характер, все пропущено через художественное сознание. Богословская категория перевоплощается в образ; богословская мысль дает импульс размышлениям о человеке и его душевном мире. И в письмах, посвященных, казалось бы, узко церковным проблемам, скажем, в письме «Несколько слов о нашей церкви и духовенстве», и в следующем, озаглавленном «О том же», Гоголь, как мы убедимся ниже, говорит не только, даже, быть может, не столько о делах узко церковных, сколько о взаимоотношениях церкви с обществом и человеком. И там, где вроде бы просто комментируются канонические религиозные тексты, на самом деле возникает опять-таки тема человеческой жизни, нравственности, смысла существования. В письме «Чей удел на земле выше» евангельская притча о том, как некто дал трем рабам разное количество серебряных талантов и как по-разному распорядился каждый своим богатством (Мф., 25:15), рождает мысли о неизбежном справедливом, «равном в Боге» воздаянии «всякому, исполнившему честно долг свой, царь ли он или последний нищий», о тщете суеты, жажде земной известности, об опьянении и похмелье от «очаровательного напитка земной славы» — мысли отнюдь не канонические, далеко выходящие за рамки евангельского текста.

Я мог бы привести в качестве примера и статью о Пасхе — «Светлое Воскресенье», однако пока замечу: статья никак не богословская, я бы отнес ее к разряду публицистических.

То же можно сказать о гоголевской книге в целом, о ее жанровой природе. Те, кто искал в ней теологических откровений, были разочарованы (как, впрочем, и те, кого отталкивала религиозная окрашенность нравственных и общественных идеалов автора, но сейчас речь не о том), одно только «пустословие» усмотрели они в его публицистике.

А «Выбранные места...» — сочинение именно публицистическое; это собрание писательских эссе, предмет которых есть «жизнь, а не что другое», жизнь, увиденная

[2] *Некоторые исследователи считают соавтором (если не действительным автором) этого катехизиса Исаию Трофимовича-Козловского, первого ректора основанной П. Могилой в 1632 году Киево-Могилянской коллегии (впоследствии академии), первого украинского доктора богословия.*

и понятая через религиозно-нравственную призму. «Поверка разума», без сомнения, обогатила богословский багаж Гоголя, подкрепила его веру знанием, однако она не сделала его сухим книжником, доморощенным богословом, не выхолостила живого чувства и эстетического начала из религиозного мировосприятия. Он и здесь остается прежде всего художником, что и отличает его книгу, например, от богословской публицистики А. Хомякова. Религиозная идея предстает у Гоголя не в оголенном, не в препарированном теологическим скальпелем виде, она «вплетена» в художественно-публицистическую ткань, составляет основу и сердцевину образа. Позволю себе еще одну метафору: идея эта «растворена» в тексте «Переписки», как соль в воде,— в зарисовках провинциальной жизни («Что такое губернаторша», «Нужно проездиться по России»); в деталях повседневного быта и деятельности священнослужителя («О том же»), помещика («Русской помещик»), крестьянина («Просвещение»), женщин из разных слоев общества («Женщина в свете», «Чем может быть жена...»); в социально-психологических характеристиках общественных типов — от чиновника-мздоимца и станового пристава («Нужно проездиться по России») до крупного сановника («Занимающему важное место»); в раскрытии механизма бюрократической власти как системы тотального ограничения, системы изначально бесплодной, «пустой и жалкой» («Занимающему важное место»); наконец, в авторских суждениях о коренных вопросах развития России, ее исторического прошлого и несовершенного настоящего, о монархическом правлении и революционных «страхах и ужасах», церкви и морали, крепостном праве и литературе, «европистах» и «славянистах», о смысле жизни и «загробном величии»...

Эта невыявленность религиозного начала, его «растворенность» способны ввести и вводили в заблуждение. «...Где же религия Гоголя?..» Я нигде не нашел ее следов»,— недоумевал М. Гершензон, один из тех немногих критиков, которые защищали автора «Выбранных мест...» от нападок. Движимый этой благой целью, он решил отвести от него какие бы то ни было упреки в религиозности, объявить писателя если не полным атеистом, то почти единомышленником Белинского в этом вопросе и уж во всяком случае не оппонентом. Если же так, то нравственное самосовершенствование, стремление к слиянию с Богом оказывается не более чем лукавой «тактической директивой» Гоголя, «общественно-утилитарным орудием», призванным служить «делу земного благоустройства». «...Сердце Гоголя,— считает М. Гершензон,— принадлежало не Богу, а народному благу, России...»

Дело, однако, в том, что эти понятия — Бог и благо народа, Бог и Россия, столь резко разъединяемые критиком, для Гоголя (нравится это нам или нет) как раз абсолютно неразделимы. Они растворены одно в другом, но при этом «вкус соли» — религиозная идея — различим явственно, и не просто различим, без него «раствор» превратился бы в дистиллированную воду...

Неубедительность попытки М. Гершензона очевидна, поскольку речь идет о такой книге, как «Выбранные места...», где религиозные взгляды Гоголя выражены слишком четко. Значительно сложнее с беллетристическими его произведениями. Не случайно бытует мнение, что новое религиозное направление проявилось в «Переписке» как бы неожиданно и стало свидетельством религиозного кризиса писателя. Это мнение возникло с легкой руки О. Аксакова, затем — Белинского еще при жизни Гоголя, после его смерти появились воспоминания Анненкова. И хотя сам писатель не раз, в письмах (к тому же Аксакову) и в «Авторской исповеди», подчеркивал, что «с 12-летнего, может быть, возраста» идет «тою же дорогою, как и ныне», что и в последней книге он «не совращался с своего пути», мнение это довольно широко распространено в гоголеведении[3].

Привлекательность его — в заманчивой простоте объяснения сложного феномена; впрочем, вернее будет сказать, что эта простота вообще не предполагает никаких объяснений, ведь в сущности вопрос сводится к немотивированному, непостижимому казусу, иррациональному скачку, а то и вовсе к патологии. В основе такой простоты лежит, с одной стороны, слепое следование схеме Белинского, для которого автор «Выбранных мест...» был падшим ангелом, с другой — поверхностное, возьму на себя смелость сказать, ленивое прочтение всего, что написано Гоголем до этой книги. При таком прочтении (или «почитывании»?), конечно же, нет никакой возможности разглядеть за наивной мифологией и демонологией «Вечеров на хуторе близ Диканьки», за окрашенной в отчетливо религиозные тона героикой «Тараса Бульбы», за трансцендентальной скукой унылого миргородского быта и мистическими мотивами «Старосветских помещиков», за вселенской горечью «Ревизора», сочувствием, жалостью, болью «Записок сумасшедшего» и «Шинели» — разглядеть за всем этим, если не прямо в тексте, то в подтексте или в контексте, зачатки, наблюдаемые еще «в Гоголе — нежинце и петербуржце» (П. А. Заболотский), зерна той Веры, той завещанной Спасителем любви к ближнему, которые и дали впоследствии сильные всходы в «Выбранных местах...» Даже в «Портрете», где творчество напрямую сопоставляется со «звучащею молитвою», устремлено «вечно к Богу»; даже в «Мертвых душах», в первом томе, антиномичность самого названия которых уже заключает в себе мысль о душах живых, воскресающих, воскресших, не увидены были эти зерна... Хотя среди самых последних слов, написанных Гоголем, было: «Будьте не мертвые, а живые души».

Быть может, пристальнее многих — и удивительно ли — вгляделся с этой точки зрения во **всего** Гоголя писатель духовный, А. Бухарев (архимандрит Феодор), сумевший понять, что «Переписка» уходит своими корнями в особенности личности Гоголя и обстоятельства всей его жизни, что она есть закономерный этап творчества, «последний, самый естественный плод или последнее звено, до которого дошло... стройное, поэтическое и духовное развитие» художника. Я бы лишь добавил: и развитие религиозное, когда писатель уже просто не может не «заговорить о Боге», ибо «и камни готовы завопить о Боге» (Н. В. Гоголь).

---

[3] О «религиозном кризисе» пишет и К. Мочульский в книге «Духовный путь Гоголя», однако тут перед нами нечто иное. Обратим внимание на датировку — 1847—1848. Это период ***после*** *«Выбранных мест...» Потрясенный тем, как встречена и истолкована его книга, чинимой над ним «страшной анатомией», растерявшийся после паломничества в Иерусалим, не принесшего ожидаемого душевного обновления, писатель «вступает в последний круг своего ада — в пустыню* ***богооставленности****». Очевидно, что тут перед нами духовный процесс иного рода, нежели тот «перелом», о котором обычно принято говорить.*

ЦЕРКОВЬ И ХРАМ

Кстати, по поводу книги А. Бухарева.

Мимо внимания вдумчивого читателя наверняка не пройдет разница между двумя датами — написания «Трех писем» и выхода их в свет. Более десяти лет! О причинах задержки не так уж трудно догадаться, если учесть, что рукописью остался недоволен ознакомившийся с нею московский митрополит Филарет, он счел, что предмет рассмотрения не достоин занятий профессора духовной академии...

Эта недвусмысленная, хотя и косвенная, критическая оценка гоголевской «Переписки», подтверждаемая рядом свидетельств, не была исключением, напротив, отражала

распространенное среди духовенства мнение. Об отзыве калужского епископа Григория мы уже говорили. Весьма прохладно отношение Иннокентия, архиепископа Таврического и Херсонского. Гоголь через Погодина просил преосвященного, с которым был знаком и чьим мнением чрезвычайно дорожил, сообщить свою оценку «Выбранных мест...». Иннокентий через того же Погодина передал Гоголю благодарность за дружескую память, заверения в нежной любви и ...пожелание впредь «не парадировать набожностью: она любит внутреннюю клеть». Известны были Гоголю, судя по его письму к Плетневу от 9 мая 1847 года, и критические отзывы архимандрита Игнатия (Д. Брянчанинова), а также оптинского старца Макария. О крайних суждениях о. Матвея Константиновского не приходится и говорить, ржевский протоиерей в своих письмах не оставил от книги камня на камне, грозил автору карами небесными, требовал покаяния, отречения от литературы.

В целом же преобладало не столько резко негативное, сколько сдержанно-равнодушное, пожалуй, даже пренебрежительное отношение, и это, как нетрудно предположить, должно было ранить Гоголя больнее, чем нападки о. Матвея. По словам Д. Мережковского, то, что русская православная церковь не «рассердилась» на книгу Гоголя, а «просто не заметила» ее, было для писателя «хуже всего, потому что он искал в Церкви последнего убежища». Именно последнего: только после «Переписки» Гоголь до конца «понял весь ужас своего одиночества».

Замечание, отражающее факт несомненный — факт обращения писателя к Церкви. Можно относиться к нему по-разному, но нельзя его отрицать. Объяснимо желание Л. Толстого во что бы то ни стало отделить живое религиозное чувство Гоголя от его «церковной веры»; попытка эта не совсем безосновательна только при одном условии — если иметь в виду путь писателя в целом, но по отношению непосредственно к «Выбранным местам...» ближе к реальности, по-моему, В. Эрн, который писал: «Гоголь, когда страждущий дух его осознал свою первородную мертвенность, в ужасе бросился к Церкви». Прошу заметить: не говорю — «ближе к истине» (слова о «первородной мертвенности» ближе скорее к розановской формуле «мертвого взгляда», нежели к истине), говорю о близости к реальному тексту.

К нему и обратимся.

И начать представлялось бы логичным с писем «Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве» и «О том же». Однако я хочу обратиться к ним чуть ниже, из дальнейшего, надеюсь, будет ясно — почему.

Наиболее полную характеристику роли Церкви (я сохраняю написание этого слова с прописной буквы, для Гоголя и вообще для старых авторов имеющее принципиальное значение) как общественного института, стройной иерархической структуры Гоголь дает в адресованном Жуковскому письме «Просвещение». Посетовав на «нестройность» окружающей жизни, он возлагает свои надежды на единственного «примирителя всего внутри самой земли нашей» — на Церковь. «Уже готовится она вдруг вступить в полные права свои и засиять светом на всю землю. В ней заключено все, что нужно для жизни истинно русской, во всех ее отношениях, начиная от государственного до простого семейственного, всему настрой, всему направленье, всему законная и верная дорога». Те опасения и ту тревогу, то, скажем более определенно, неприятие, которые писатель испытывал перед экспансией западной цивилизации, перед угрозой революционной ломки, чреватой «страхами и ужасами», вынуждают его обратиться к Церкви — последнему бастиону, гаранту общественного равновесия и стабильности. «По мне, безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведенье в Россию, минуя нашу Церковь, не испросив у нее на то благословенья. Нелепо даже и к мыслям нашим прививать какие бы то ни было европейские идеи, покуда не окрестит их она светом Христовым».

Двойственное чувство вызывают эти гоголевские сентенции, когда перечитываешь их сегодня. Первая, привычная, за десятилетия внедренная в сознание реакция: заглушить этот странный голос из иного мира, из другого времени, постараться не услышать его, забыть, отринуть преходящие понятия и ценности. Да только вот — все ли они действительно преходящи?..

Всерьез мы задумались над этим вопросом совсем недавно, едва ли не впервые оглянувшись на тысячелетний путь христианства на Руси. Что говорить, разное увидим на этом пути. Бывала православная русская церковь и впрямь «поборницею неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми», как о том напоминал Гоголю разгневанный Белинский. Можно бы и нужно к этому добавить и то, что она выполняла роль мощной руссификаторской мельницы, нещадно перемалывавшей язык, культуру, самосознание так называемых национальных окраин империи. Кому-кому, а Гоголю не следовало об этом забывать — историю Украины он знал слишком хорошо. Но ведь далеко не только к этому сводится история Русской православной церкви. Была она и хранительницей гуманистических традиций, носителем и сеятелем культуры, учителем нравственности, провозвестником милосердия, совестливости, любви к брату своему; бывала и оппонентом, и обличителем жестокой власти, а в трудные часы отечественной истории — трубным гласом, поднимающим народ на подвиг...

Своя, «неистовая» правда, диктуемая запросами момента, тактикой революционной борьбы, жаждой разрушения всего и вся во имя светлого будущего,— такая правда у Белинского была. «Жаль только — жить в эту пору прекрасную» не пришлось ни ему, ни последующим — вплоть до нас с вами — поколениям. Не потому ли на нынешнем историческом рубеже совсем по-иному, чем полтора века и чем еще несколько лет тому назад, воспринимается правда гоголевская, его слова о том, что «непостижимая слепота пала на глаза многих» и что наступит время, когда истина о Церкви и ее роли «будет признана всеми в России, как верующими, так и неверующими»? И нового смысла исполняется ответ (как жаль, что так и не отправленный!) Гоголя на поучения Белинского о русском мужике, о его якобы исконном бесстыдно-циничном отношении к Богу, к иконе, к религии вообще. О том самом народе, который, по словам Гоголя, за свои «бедные лепты» тысячами церквей и монастырей покрыл русскую землю и, терпя беспросветную нужду, «делится последней копейкой с бедным и Богом». Думал ли Гоголь о будущем приходе «окаянных дней», когда большинство из этих тысяч храмов окажутся стертыми с лица земли и уже не только мужик русский, но и мнящий себя интеллигентом сын его, и внук, и правнук, напичканные «легкими брошюрами» и «журнальными статейками»,— уже и они будут говорить о Боге, почесывая себя «пониже спины», а чаще и вовсе не говорить, не думать, не помнить... Не заглядывал ли он в ту кровавую апокалиптическую даль, поминая в письме «нынешних коммунистов и социалистов», объясняющих, что «Христос повелел отнимать имущества и грабить тех, которые нажили себе состояние».

Однако достаточно эмоций. Вернемся все же к тексту «Выбранных мест...», на сей раз к письмам о Церкви.

В первом из них, «Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве», находим мысли, прямо перекликающиеся с теми, о которых только что шла речь. Вот они: Церковь, «как целомудренная дева, сохранилась одна только от времен апостольских в непорочной первоначальной чистоте своей... вся с своими глубокими догматами (едва ли не единственная в книге ссылка на церковные догматы.— **Ю. Б.**) и малейшими обрядами наружными как бы снесена прямо с неба для русского народа... одна в силах разрешить все узлы недоумения и вопросы наши... может произвести неслыханное чудо в виду всей Европы, заставив у нас всякое сословье, званье и должность войти в их законные границы и пределы и, не изменив ничего в государстве, дать силу России изумить весь мир

согласной стройностью... организма...»

Добавляет ли эта цитата что-нибудь к тому, что мы уже читали у Гоголя? Или к выспренним монологам об официальном православии, его апостольской природе, изначальной чистоте и мессианском предназначении, монологам, скажем, хомяковским или погодинским? И нет, и да. Общий пафос, даже фразеология вроде бы те же, однако есть нюансы, и в них все дело.

Надо признаться, что цитата здесь усечена. Опущено, помимо местоимений, всего несколько слов, которых, кстати, негодующие комментаторы обычно не замечают,— между прочим, совершенно зря. И вот почему. После приведенных выше слов о том, что России предстоит изумить мир «согласной стройностью... организма», следует уточнение: «того же самого... которым она доселе пугала». Как видим, заботясь о силе и величии России, о ее влиянии на судьбы народов, писатель возлагает надежды не на устрашающий жандармский кулак, а на внутренние реформы, способные привести к гуманизации общества, к его гармонии и совершенству, и именно этим изумить мир, сотворить «чудо в виду всей Европы».

Но и теперь еще цитата усечена, более того, она выдернута из контекста. Каюсь, я сделал это намеренно — чтобы привлечь внимание как раз к контексту; в этом случае как в самой цитате, так и в письме в целом высвечивается новая и весьма существенная грань.

Панегирик Церкви неожиданно оборачивается упреком, адресованным соотечественникам и в первую очередь самому себе: «...И эта Церковь нами незнаема!» Церковь — «сокровище, которому цены нет», это важно понять; но еще важнее, ка́к мы «владеем сокровищем». Важнее и болезненнее вопрос, который могут нам задать в мире: «А сделала ли ваша Церковь вас лучшими? Исполняет ли всяк у вас, как следует, свой долг?» Стыд и раскаяние охватывают писателя от такого вопроса: «Что мы тогда станем отвечать им, почувствовавши вдруг в душе и в совести своей, что шли все время мимо нашей Церкви?..»

В чем же спасение? В нас и только в нас, более нигде. «Церковь наша должна святиться в нас, а не в словах наших. Мы должны быть Церковь наша и нами же должны возвестить ее правду». Человек вне Церкви — мертвая оболочка, набор пустых, трескучих слов, но и Церковь потому только «вся есть жизнь», что живет «благоуханием душ наших».

Для Гоголя Церковь — менее всего учреждение, это Храм, дом Господень.

Дорогой к такому Храму было паломничество Гоголя в Святую землю, ко гробу господню, позднее — в Оптину пустынь. Подобно пушкинскому страннику, он ищет «верный путь и тесные врата» к Богу и — одновременно — к самому себе. «Воспитываются для света не посреди света, но вдали от него, в глубоком внутреннем созерцании, в исследовании собственной души своей, ибо там законы всего и всему: найди только прежде ключ к своей собственной душе; когда найдешь, тогда этим же самым ключом отопрешь души всех».

Этими словами заключает Гоголь письмо «О том же». К кому же обращены они?

Прежде всего к священнику. Тема духовенства логически продолжает и развивает тему Церкви, они неразделимы, что и подчеркивается лаконичным заголовком письма. Вместе с тем священник, в представлении Гоголя, отнюдь не конфессиональный чиновник, чья деятельность регламентируется «уставами нашей Церкви» и правительством, он — посредник между Богом и человеком. «Нужно, чтобы он говорил стоящему среди света человеку с какого-то возвышенного места, чтобы не его присутствие слышал в это время человек, но присутствие самого Бога...» Миссия священника есть миссия духовная. Благотворитель, способный, как никто иной, понять и другим «истолковать... святой и глубокий смысл несчастия, которое... есть тот же крик небесный, вопиющий человеку о перемене всей его прежней жизни» («О помощи бедным»). Просветитель, не в расхожем, плоском значении этого слова, а в смысле христианском, предполагающем умение «всего насквозь высветлить человека во всех его силах», «принести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь» («Просвещение»). Миротворец, которому «у нас поприще повсюду и подвиг которого «Спаситель оценил... едва ли не выше всех других» («Нужно проездиться по России»). Проповедник и обличитель, чье слово может потрясти заскорузлую грешную душу вора, мздоимца или «честного, но близорукого богача», «поднять перед ним завесу и показать ему хотя часть тех ужасов, которые он производит», «хотя одно из тех ежеминутных преступлений, которые он созерцает» (там же). Смиренный служитель Бога, стоящий, «каков бы он ни был», «ближе всех нас к возврату на путь свой, а, возвратясь на него сам, может возвратить и всех нас» («Что такое губернаторша»)... Такой собирательный, но и цельный в главном, образ русского священника вырисовывается из разбросанных по разным главам «Выбранных мест...» штрихам и эскизам».

Спору нет, в целом он идеализирован, этот образ, хотя кое-где, например, в «Русском помещике», мелькают намеки на то, что может встретиться священник, который и «дурен», и «неопытен», и не слишком образован. «Я очень много знал дурных попов,— писал Гоголь в черновике своего неотосланного письма к Белинскому, отвечая на упрек в том, что он пропел «гимн гнусному духовенству»,— и могу вам рассказать множество смешных про них анекдотов, может быть,больше, нежели вы». Сомневаться не приходится — и больше и лучше, однако в другом была цель Гоголя. «...Встречал зато,— продолжал он,— и таких, которых святости жизни и подвигам я дивился, и видел, что они — созданье нашей восточной Церкви, а не западной. Итак, я вовсе не думал воздавать песнь духовенству, опозорившему нашу Церковь, но духовенству, возвысившему нашу Церковь»[4].

В этой своей позиции, кстати, Гоголь опирается на Пушкина, о чем свидетельствует упоминание в письме «О театре...» пушкинского стихотворения «В часы забав и праздной скуки...», посвященного митрополиту Филарету.

Живой пример и образец русского священнослужителя видел Гоголь в ржевском протоиерее Матвее Константиновском, с которым познакомился в последние годы своей жизни в доме графа А. Толстого. Об этом, как можно судить, незаурядном, сильном если не глубиной ума и учености (впрочем, Гоголь называет его в одном из писем «умнейшим человеком»), то волей и твердостью веры протоиерее и о его роли в судьбе писателя существуют мнения разные. Непримиримый фанатик и аскет, «расколовший», подобно твердому дубовому клину, «раздвоенное существо Гоголя» (Д. С. Мережковский), или же мудрый пастырь, сыгравший главную роль «в религиозном возрождении» (К. Мочульский) писателя? Не вдаваясь в подробности этого, думается, неисчерпанного пока спора, замечу, что крайности в суждениях мало помогут в поиске истины[5]. Невозможно отрицать, что мечущаяся в «пустыне богооставленности» (напомню: выражение К. Мочульского) душа Гоголя в последние его годы тянулась к о. Матвею, в известной мере и покорялась ему. В большинстве адресованных протоиерею гоголевских писем доминирует интонация смирения и покорности, и порою кажется, что Гоголь действительно «весь подчинился о. Матвею, отсек... собственную свою волю» (Николай Грешищев). Но в одном, во всяком случае, он так и не подчинился — в вопросе о своем праве

[4] *Здесь писателем затронут важный для него и не только для него вопрос о двух церквах — западной, римско-католической, и восточной, русской православной.*

[5] *Я оставляю в стороне примитивные карикатуры вроде отрывка из повести Б. Левина «Не отрекаюсь!» — ни научного, ни художественного значения такие сочинения не имеют.*

и призвании писателя. «Не знаю, сброшу ли я имя литератора...» — по форме уклончиво, а по сути решительно говорит он в одном из писем. Воля Божия? Но он, Гоголь, не знает, «есть ли на то воля Божия». Закон Христов? Но он «до сих пор уверен, что закон Христов можно внести с собой повсюду, даже в стены тюрьмы, и можно исполнять Его требованьям во всяком званьи и сословии. Его можно исполнять также и в званьи писателя. Если писателю дан талант, то, верно, недаром и не на то, чтобы обратить его во злое». Здесь признаки душевного и творческого смятения, но здесь и отражение борьбы с этим смятением, с самим собою, с о. Матвеем. А ведь это написано уже после завершения «Выбранных мест...» Протоиерей гнул Гоголя сильно и небезуспешно, но сломил ли?..

Затронутый в связи с темой о. Матвея вопрос об отношении Гоголя к своему писательскому делу, как это ни покажется странным, возвращает нас к письму «О том же». Я имею в виду заключительные слова о «ключе к своей собственной душе». Они обращены, как уже говорилось, к священнику, однако улавливается тут и явный отзвук раздумий автора о себе самом, что прямо корреспондирует с письмами, относящимися к периоду вызревания замысла «Выбранных мест...» и их написания. Сквозной мотив этих писем — испытываемая автором внутренняя потребность нападать «на самые щекотливые места, какие только во мне есть», острое ощущение необходимости «строго взглянуть на самого себя», «вынести внутреннее, сильное воспитание душевное», устремление «души к ее лучшему совершенству», причем этот процесс рассматривается как непременная предпосылка успешной творческой работы. «...О самих трудах моих и сочинениях,— пишет Гоголь Данилевскому,— могу тебе сказать только то, что строение их соединено тесно с моим собственным строением».Те же мысли находим и в «Четырех письмах к разным лицам по поводу «Мертвых душ», составляющих отдельную главу «Переписки», и опять-таки постижение добра и художественное его отображение ставятся в прямую зависимость от совершенствования собственной души,очищения ее от «дурных качеств», «желания быть лучше».«Пока не станешь сам хотя сколько-нибудь на них (на добродетельных людей.— Ю. Б.) походить, пока не добудешь медным лбом и не завоюешь силою в душу несколько добрых качеств — мертвечина будет все, что ни напишет перо твое, и, как земля от неба, будет далеко от правды».

Здесь — разгадка многого.

То, что кое-кому казалось болезненной замкнутостью, обостренной гордыней, странностью, граничащей с юродством, на самом деле было всепоглощающей сосредоточенностью на «глубоком внутреннем созерцании», без чего «опасно выходить на поприще» писателя. То, в чем видели религиозный фанатизм, мистический надлом, кризис, на самом деле было лишь попыткой уйти от «страшной душевной черноты» в «душевный монастырь», чтобы вдали от мирской суеты искать пути чисто христианского разрешения насущных социальных, нравственных и творческих проблем в их неразрывном единстве, оплодотворить свой талант истиной и законом Христа.

Вот почему так сближены, так тесно переплетены в представлении Гоголя призвания писателя и священнослужителя — нет, не «миссионера католичества западного» с его эффектными жестами и «красноречием рыданий и слов»; Гоголю близок внутренне образ проповедника «католичества восточного», то есть православия, чей «смиренный вид», «потухнувшие очи», «тихий, потрясающий глас, исходящий из души» покоряют людей тем, что открывают перед ними «святую правду Церкви».

...Один вопрос не дает мне покоя.

Размышления Гоголя о Церкви и духовенстве мало у кого вызвали сочувствие и поддержку; разве что Шевырев походя похвалил их в одном из писем да еще барон Е. Розен доброжелательно отозвался в своей комически-претенционной статье, впрочем, лишь для того, кажется, чтобы перечеркнуть книгу в целом. Белинским же и его единомышленниками, в том числе (по крайней мере, в данном конкретном вопросе) даже славянофильским лагерем, они были встречены в штыки. Это, разумеется, ничуть не удивительно.

Удивительно другое: почему «Переписку» не приняли сама Церковь, само духовенство, которым в книге посвящено столько восторженных слов?

Ответ нахожу у Гоголя, в упоминавшемся выше письме к Плетневу от 9 мая 1847 года. Ограничусь тем, что приведу его объяснение целиком, позволив себе краткие комментарии по ходу цитирования. Итак: «Что касается до письма Брянчанинова (из текста явствует, что Плетнев переслал Гоголю отзыв архимандрита Игнатия (Д. Брянчанинова) на «Выбранные места...» — Ю. Б.), то надобно отдать справедливость нашему духовенству за твердое познание догматов. Это познание слышно во всякой строке его письма (чего, как мы отмечали, не скажешь о книге Гоголя. — Ю. Б.). Все сказано справедливо и все верно (с точки зрения богословских догматов. — Ю. Б.). Но, чтобы произнести полный суд моей книге, для этого нужно быть глубокому душеведцу, нужно почувствовать и услышать страданье той половины современного человечества, с которою даже не имеет и случаев сойтись монах; нужно знать не свою жизнь, но жизнь многих. Поэтому никак для меня не удивительно, что им (то есть не одному Брянчанинову, но и другим иерархам и иереям, чьи отзывы известны были Гоголю. — Ю. Б.) видится в книге смешение света со тьмой (знаменитый оптинский старец Макарий отмечал, что книга Гоголя «издает из себя и свет и тьму». — Ю. Б.). Свет для них та сторона, которая им знакома; тьма та сторона, которая им незнакома...» О том, что эти гоголевские суждения продиктованы отнюдь не обидой и раздражением, свидетельствует следующее его замечание: «Во всяком случае, письмо это подало мне доброе мнение о Брянчанинове. Я считал его, основываясь на слухах, просто дамским угодником и пустым попом».

Так что расхождения касаются сути, самого взгляда на мир, на жизнь в ее многомерности. Это подтверждается и словами того же иеромонаха Макария: «Религиозные его понятия... движутся по направлению сердечного, неясного, безотчетного, душевного, а не духовного». И в самом деле: «душевный монастырь» — еще не монастырь; художник, даже если он склонен, по выражению Гоголя, к жизни «истинно монашеской» и уверяет себя и окружающих, что «нет выше удела на свете, как звание монаха»,— все же еще не монах. Монастырь его — Россия.

«Никогда не жаждали мы так порывов, воздвигающих дух, как в нынешнее время, когда наступает на нас и давит вся дробь прихотей и наслаждений, над выдумками которых ломает голову наш XIX век. Все составляет заговор против нас; вся эта соблазнительная цепь утонченных изобретений роскоши сильнее и сильнее порывается заглушить и усыпить наши чувства. Мы жаждем спасти нашу бедную душу, убежать от этих страшных обольстителей — и бросились в музыку. О, будь же нашим хранителем, спасителем, музыка! Не оставляй нас, буди чаще наши меркантильные души, ударяй резче своими звуками по дремлющим нашим чувствам! Волнуй, разрывай их и гони, хотя бы на мгновение, этот холодный ужасный эгоизм, силящийся овладеть нашим миром».

(Н. В. Гоголь. Этюд «Скульптура, живопись и музыка»)

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИКСТЛАН

Карлос КАСТАНЕДА

Остановка

На следующий день, едва проснувшись, я пристал к дону Хуану с вопросами. Он колол за домом дрова, а дона Хенаро нигде не было видно. Дон Хуан, однако, сказал, что разговаривать не о чем. Я рассказал, что за дон-хенаровским «плаваньем по полу» мне удалось наблюдать отстраненно и холодно, я не искал объяснений, но все равно не понял, что происходит. Потом, когда исчезла машина, я, наоборот, увяз в поисках логического объяснения, но ясности не прибавилось. Необходимость все понять не выдумана мной на пустом месте, я не затрудняю дела нарочно — она сидит во мне очень глубоко и пересиливает все соображения.

— Это словно болезнь,— закончил я.

— Накакая это не болезнь,— спокойно возразил дон Хуан.— Это потворство. Тебе хочется все понять, и ты себе потворствуешь. Тебе объяснений больше не нужно.

Но я могу существовать только в логически упорядоченном, понятном мире, настаивал я. Ведь круто измениться в ходе нашего знакомства мне удалось только потому, что я объяснил себе, зачем нужна такая перемена.

Дон Хуан мягко рассмеялся.

— Ты умен,— сказал он после долгого молчания.— Ты всегда возвращаешься к уже известному. Но на этот раз ничего не выйдет. Тебе некуда возвращаться. Вчера Хенаро воздействовал на твое тело, вот пусть оно и разберется, что к чему.

Дон Хуан говорил приязненно, но как-то равнодушно; раньше такого не бывало, и я вдруг затосковал. Я сказал, что мне грустно и одиноко. Он улыбнулся, накрыл мою руку своей и легонько сжал.

— Мы оба смертны,— проговорил он мягко.— На разговоры больше времени нет. Теперь ты должен использовать «неделание», которому я тебя учил, и «остановить мир».

Он снова сжал мне руку — крепко, по-дружески, будто подтверждал, что я ему небезразличен; и в то же время была в его пожатии какая-то непреклонная устремленность.

— Вот так я действую на тебя,— сказал он, не отпуская моей руки.— Ты должен пойти в те добрые горы.— И показал подбородком на далекую горную цепь на юго-востоке.

Он объяснил, что мне предстоит оставаться там, пока мое тело не велит уходить, и тогда я должен вернуться. Показывая, что больше говорить не о чем, пора отправляться, он легонько подтолкнул меня к машине.

— А что мне делать в горах? — спросил я.

Он молча посмотрел на меня и покачал головой.

— На разговоры нет времени,— наконец вымолвил он. Показал пальцем на юго-восток и твердо добавил: — Поезжай.

Я повел машину на юг, потом на восток, теми дорогами, которыми мы всегда ездили с доном Хуаном. Потом грунтовая дорога кончилась, я оставил машину и дальше пошел пешком. Знакомая тропинка вывела к плоскогорью. Я понятия не имел, что делать, и стал подыскивать стоянку. Вдруг я заметил слева от себя, в нескольких шагах, какое-то пятно — мне показалось, что земля там состоит как бы из других химических элементов. Я вгляделся, но в чем именно состояла разница, понять не мог. Тогда я попробовал, как всегда советовал дон Хуан, «вчувствоваться».

Я стоял неподвижно, наверное, с час. Мысли становились все тише, и наконец, внутренний монолог совсем оборвался. Потом возникло неприятное ощущение в животе; когда я смотрел на подозрительный пятачок, оно усиливалось. Я двинулся прочь от этого явно неприятного места. Скосив глаза, я посматривал вокруг и скоро наткнулся на большой плоский камень. В камне не было ничего примечательного — ни особого цвета, ни посверкивания — и все же чем-то он нравился. Моему телу было тут приятно, уютно, и я присел отдохнуть...

Весь день, не зная, что делать и чего ждать, я бродил по плоскогорью и ближним горам. А в сумерках вернулся к плоскому камню. Я знал, что здесь ночевать безопасно.

На следующий день я углубился еще на восток, в горы, и к вечеру вышел на высокогорную равнину. Казалось, я уже бывал здесь. Я огляделся, но очертания вершин были знакомы. Тщательно выбрав место, я присел на краю голой каменистой площадки. Тут было хорошо и покойно. Захотелось есть, но тыквенная бутыль оказалась пуста. Тогда я попил воды, теплой и затхлой. Пожалуй, пора было возвращаться к дону Хуану, и задумался, не пуститься ли в обратный путь прямо сейчас. Лег на живот, подложил под голову руку. Было неудобно, я ворочался и, наконец, оказался головой к западу. Солнце стояло уже низко. Глаза резало, я перевел взгляд на землю, и увидел выползшего из-за камешка большого черного жука. Он толкал катышек помета, в два раза больший, чем он сам. Я долго наблюдал за ним. Жук не обращал на меня никакого внимания и знай себе катил свое сокровище — спускался с ним в ямки, взбирался на бугорки. Судя по всему, он меня не замечал. «Но можно ли сказать точно?» — мелькнуло у меня. Я принялся размышлять о том, как сильно отличается мир насекомых от мира людей. В принципе, мы с жуком живем в одном и том же мире, но видим его совершенно по-разному. Я увлеченно следил за жуком: как он поразительно силен, в какие спускается пропасти, на какие карабкается вершины!..

Долго я не сводил с него глаз. И вдруг почувствовал, что вокруг удивительно тихо, только ветер шуршит в листьях кустарника. Я поднял глаза и, сам не знаю отчего, быстро обернулся налево. На камне, лежавшем в нескольких шагах, я уловил легкую тень, движенье. Сначала я не обратил на это внимания, но потом спохватился: ведь слева... Еще раз резко обернулся и ясно различил на камне тень. Мне показалось, что тень тут же соскользнула на землю и впиталась в нее, как чернильная капля в промокательную бумагу. По спине пробежал холодок. Подумалось, что это смерть выслеживает нас с жуком.

Я попытался отыскать жука, но не смог. Должно быть, он уже достиг цели и уложил свой катышек в нужную ямку. Я лег на гладкий камень щекой.

Жук вынырнул из глубокой впадины и застыл всего в нескольких дюймах от моего лица. Он словно бы

*Окончание. Начало см. в № 7—9 и 12, 1990; № 1—5, 1991.

посмотрел на меня и заметил свою смерть. Меня передернуло. Значит, мы с жуком не такие уж разные, нас обоих подстерегает смерть... Меня охватил неизъяснимый восторг. Мы с жуком — равные существа, один ничем не лучше другого. Нас равняет притаившаяся за камнем, мелькающая тенью смерть...

Я заплакал от счастья. Дон Хуан прав, во всем прав. Я живу в загадочном мире, и загадочен как все прочие существа, по знаку не больше, чем жук. Вытирая слезы ладонью, я вдруг увидел справа, шагах в двадцати, человека, или, во всяком случае, что-то похожее на человеческую фигуру. Я сел и стал вглядываться. Солнце уже почти коснулось земли и слепило желтым сиянием. Тут же я услышал характерный гул — будто вдали летел реактивный самолет. Я напряженно слушал: гул окреп, перешел в резкий металлический рев, а затем снова усилился до нежного колдовского звона. Так гудит ток в проводах. Я представил такую картину: вот сближаются две заряженные электричеством сферы или, лучше, два металлических куба — трутся друг о друга и, совпав гранями, с глухим стуком застывают... Я снова попытался рассмотреть незнакомца, но различил лишь темный силуэт за кустами. Я приставил ладони козырьком к глазам, солнечный блеск исчез, и я понял: это оптическая иллюзия, игра света в листве.

Я отвел взгляд и заметил, что по равнине, примерно там, где мне привиделся человек, неторопливо бежит койот. Он пробежал ярдов пятьдесят на юг, затем остановился и повернул ко мне. Я несколько раз крикнул, чтобы спугнуть его, но он все приближался. На секунду я испугался. Не бешеный ли? Не набрать ли камней — может, придется отбиваться? Но когда койот подбежал ближе, я увидел, что он вовсе не возбужден, а напротив, совершенно спокоен. Он стал всего футах в пяти, потом подошел еще ближе. Его карие глаза смотрели смело, приветливо и ясно. Я ошеломленно присел на камень. Койот стоял совсем рядом — я мог бы до него дотронуться, а ведь дикие звери никогда не подходят так близко. В голову мне пришло одно: с ним надо поговорить. И я заговорил с ним как если б он был ласковый пес. И мне показалось, что он тоже что-то «сказал». Я мог бы поклясться! Я растерялся, но обдумывать было некогда — койот снова что-то «сказал». Он не выговаривал слов, как человек; скорее, я «чувствовал», что он «разговаривает». Бывает, домашние животные как бы общаются с хозяином, но тут было совсем другое. Койот по-настоящему говорил, передавал свою мысль чуть ли не в предложениях.

— Как поживаешь, койотик? — спросил я.

И, кажется, услышал:

— Хорошо. А ты?

Койот еще раз повторил свои слова, и я резко вскочил на ноги. Он не шевельнулся, даже не вздрогнул. Глядя по-прежнему приветливо, ясно, он лег и, дернув головой, сказал:

— Ты чего испугался?

Я сел напротив, и мы повели невообразимую беседу. Под конец он спросил, зачем я пришел сюда. Чтобы «остановить мир», объяснил я.

Койот одобрил меня, и тут только я понял, что он говорит сразу на двух языках: существительные и глаголы у него английские, а предлоги, союзы и всякие восклицания испанские. У меня мелькнуло, что это американский койот, но мексиканского происхождения. Я расхохотался над этим вздором надрывно, почти истерически. Я вдруг осознал всю невозможность происходящего, и рассудок мой дрогнул. Койот поднялся, наши глаза встретились. Я неотрывно смотрел на него, он будто притягивал меня взглядом. И тут он весь заблестел, засветился... Казалось, это не явь, а лишь мое воспоминание: десять лет назад, под воздействием пейота, я видел, как собака обратилась в удивительное, искрящееся существо. Воспоминание это крепко засело в душе и теперь, при виде койота, легко пробудилось; прежняя картина как бы наложилась на новую, и койот предстал переливчатым, текучим, нестерпимо сверкающим. Я хотел было прикрыть рукой глаза, но не мог шевельнуться. Сверкающий койот затронул во мне какую-то глубинную струну, и тут же, будто в мгновенном взрыве, внутри меня высвободилась жаркая сила, наполнила небывалым теплом и покоем... Я застыл на месте. Я совсем не чувствовал тела, но что-то поддерживало меня, и я не падал.

Не знаю, сколько я так простоял. Уже растаял в воздухе и сверкающий койот, и гора, где я находился. Я ни о чем не думал, ничего не чувствовал. Все исчезло, и я свободно парил...

Внезапно меня коснулось и обволокло что-то ласковое. Солнце... Далеко на западе слабо обозначалась горная цепь, и солнце висело над самыми пиками. Глядя прямо на него, я увидел «линии мира». Они были повсюду и шли невообразимо густо, пересекались и расходились — блестящие, белые... Поначалу я подумал, что солнце играет у меня на ресницах, и сморгнул. Но линии остались: они лежали на всем вокруг и пронзали все... Я повернулся и стал оглядывать совершенно новый, необыкновенный мир. Линии я различал по-прежнему четко, даже если не смотрел на солнце.

В этом восторженном настроении я провел на горе целую вечность — а может, всего несколько минут, пока не зашло солнце, но мне они показались вечностью. Я чувствовал, что от всего в мире и от меня самого исходит тепло и радость. Мне раскрылась тайна. Как она проста! На меня нахлынули неведомые прежде чувства. Никогда еще мне не было так божественно хорошо и покойно, никогда не хранила меня такая надежная рука; выразить эту тайну я не смог бы ни в словах, ни даже в мыслях, но тело мое ее знало.

Потом я заснул или, может быть, потерял сознание. Очнувшись, я поднялся с камня. Мир был обыкновенным. Темнело, и я машинально тронулся в обратный путь.

На следующее утро, добравшись до дому, я застал там одного дона Хуана. Я спросил о доне Хенаро. Выяснилось, что он где-то поблизости, ушел по делам. Я тут же принялся рассказывать о вчерашних необычных событиях. Дон Хуан внимательно слушал.

— Ты просто-напросто «остановил мир»,— заключил он, когда я закончил рассказ.

После долгого молчания он добавил, что я должен поблагодарить дона Хенаро за помощь. Дон Хуан явно был мной доволен: похлопывал по плечу, посмеивался.

— И все-таки это немыслимо — беседа с койотом...— сказал я.

— Никакой беседы не было.

— А что же это было?

— Твое тело впервые смогло понять мир. Но разговаривал с тобой вовсе не койот, да и разговором это назвать нельзя.

— Но, дон Хуан, койот и в самом деле говорил!

— Послушай лучше, какую чепуху говоришь ты сам. Сколько лет у меня учишься, а ума не набрался... Вчера ты «остановил мир» и, быть может, даже «увидел». К тебе обратилось магическое существо, и твое тело смогло понять его, потому что мир рухнул.

— Мир был такой же, как сегодня...

— Нет. Сегодня тебе ничего не рассказывают койоты, и ты не видишь «линий мира». А вчера все это давалось легко, потому что в тебе самом что-то пресеклось.

— Что?

— Все, что ты знал от людей о мире. С самого нашего рождения люди рассказывают нам о том, каков мир. И нам, делать нечего, приходится видеть его так, как его рисуют люди.

Мы взглянули друг на друга.

— А вчера ты увидел мир так, как его рисуют маги,— продолжал он.— В этом мире койоты умеют разговаривать, и олени тоже — я тебе рассказывал — и гремучие змеи, и деревья, вообще все живое... Я хочу, чтобы ты научился «видеть». Быть может, ты уже понял, что человек «видит», когда ему удается пройти между двумя мирами — миром

обычных людей и миром магов. Сейчас ты зажат между ними, ты на полпути. Вот ты уверен, что вчера говорил с койотом. Маг, не умеющий «видеть», считал бы так же, но «видящий» знает, что верить в это — значит быть накрепко связанным с миром магов. С другой стороны, не верить в то, что койоты умеют говорить,— значит быть связанным с миром обычных людей.

— То есть, ни тот, ни другой мир не реален?

— Они оба реальны. Они воздействуют на тебя. Скажем, ты мог бы спросить койота о чем угодно, и он был бы обязан ответить. Жаль только, что на койотов нельзя полагаться, они обманщики. Такая твоя судьба — у тебя не будет надежного друга среди зверей.

И дон Хуан объяснил, что койот будет теперь сопровождать меня всю жизнь, а в мире магов это не самый лучший спутник. Другое дело, если б я поговорил вчера с гремучей змеей, змеи — замечательные друзья.

— На твоем месте я бы не доверял койоту,— добавил дон Хуан.— Но ты — другой, и может быть, ты даже станешь койотовым магом.

— А что это за маг?

— Это маг, который многое знает от своего брата-койота.

Я хотел порасспросить его подробней, но он жестом велел замолчать.

— Ты видел линии мира. И светящееся существо. Теперь ты почти готов к встрече с союзником. Человек, которого ты приметил в кустах,— союзник. Ты слышал: он ревел, как реактивный самолет. Он будет ждать на краю равнины, и на эту равнину я отведу тебя сам.

Мы долго молчали. Дон Хуан сцепил руки на животе и едва заметно пошевеливал большими пальцами.

— Хенаро тоже придется пойти с нами,— вдруг добавил он. Потому что это он помог тебе «остановить мир».

Дон Хуан пристально взглянул на меня и засмеялся:

Скажу тебе еще одно, сейчас это важно: Хенаро не забирал твоей машины из мира обычных людей. Он просто заставил тебя смотреть на мир так, как смотрят маги, и в этом новом мире машины не было. Хенаро хотел подточить твою самоуверенность. Забавляясь, он объяснил твоему телу, что глупо пытаться все понять. Когда он запустил змея, ты едва не «увидел». Ты нашел машину якобы вдалеке от дома и оказался одновременно в двух мирах. Мы чуть не умерли со смеху: ведь ты думал, что и вправду везешь нас...

— А как дон Хенаро заставил меня переменить взгляд?

— Я тут тоже помог. Мы оба знаем мир магов. А тому, кто знает его, остается лишь использовать дополнительно кольцо силы — у магов есть такое, я тебе рассказывал. Для Хенаро это пустяк. Он отвлек тебя переворачиванием камней, и твое тело смогло «увидеть».

Я признавался, что события последних трех дней совершенно разрушили мое прежнее понимание мира. За все десять лет, что мы связаны, я никогда еще так не продвигался, даже под воздействием психотропных растений.

— Растения силы — только подсобное средство,— сказал дон Хуан.— Главное — тело должно почувствовать, что умеет «видеть». Только тогда человеку откроется: мир, который каждый день перед глазами — всего лишь порождение определенного способа описания. Это мне и хотелось тебе показать. Жаль, что до встречи с союзником осталось так мало времени...

— А с ним обязательно надо встречаться?

— Обязательно, этого не избежать. Для того, чтобы «увидеть», нужно научиться смотреть на мир так, как это делают маги, а тут необходим союзник; и раз он вызван, он приходит.

— Разве нельзя научить меня «видеть», не вызывая союзника?

— Нет. Чтобы «увидеть», нужно взглянуть на мир по-новому, а сделать это можно только на пути мага, другого пути я не знаю.

Путешествие в Икстлан

Дон Хенаро вернулся около полудня, и дон Хуан сразу предложил всем троим ехать к горам, где я был накануне. Когда дорога кончилась, мы пошли пешком по тропинке, но на плоскогорье не остановились, как это делал я, а поднялись еще выше, и, перевалив через первую, более низкую горную цепь, стали спускаться в долину.

На вершине одного из холмов мы остановились отдохнуть. Дон Хенаро выбрал, где нам сесть, и я машинально занял свое обычное место в треугольнике — справа дон Хуан, слева дон Хенаро.

Кустарник мокро поблескивал; яркая, освеженная коротким весенним дождиком зелень радовала глаз.

— Сейчас Хенаро кое-что расскажет,— внезапно заговорил дон Хуан.— Про свою первую встречу с союзником. Так, Хенаро?

Дон Хенаро встал, с хрустом потянулся и снова сел.

— Когда я впервые встретился с союзником, я был совсем молод,— заговорил он.— Помню, в тот день я с рассвета был в поле, а часа в два направился домой. Вдруг из-за куста вышел союзник и преградил путь. Он нарочно поджидал меня и теперь предлагал драться. Я решил было не связываться и пойти другой дорогой, но потом подумал, что я крепок и, наверное, справлюсь с ним. Было, правда, страшно. По спине пробежала дрожь, а шея стала твердой, точно доска. Кстати, это показывает, что ты готов. Смотри.

Он скинул рубашку, повернулся спиной и напряг спину, шею и руки. Мускулатура у него была отменная, каждый мускул точно ожил от далекого воспоминания.

— Когда дерешься с союзником,— продолжал он,— нужно обязательно закрыть рот.— Он обернулся к дону Хуану: — Верно?

— Да,— подтвердил тот.— Когда хватаешь союзника, тебя так встряхивает, что можно выбить себе зубы или откусить язык. А стоять нужно прямо и прочно, как бы цепляясь ногами за землю.

Дон Хенаро поднялся и показал правильную стойку: ноги чуть согнуты в коленях, руки висят свободно, пальцы слегка подобраны. Он стоял спокойно и, одновременно, очень твердо. И вдруг — я подумал, что сейчас он сядет — мощно прыгнул вперед, точно к ногам у него были приделаны пружины. От неожиданности я упал на спину, но успел заметить, что дон Хенаро схватил кого-то, какого-то человека.

Я снова сел. С минуту дон Хенаро был все так же неистово напряжен, а затем мгновенно расслабился, вернулся к нам и сел на прежнее место.

— Карлос «видел» сейчас твоего союзника,— невозмутимо сказал дон Хуан,— но упал от слабости.

— Это правда? — раздувая ноздри простодушно спросил меня дон Хенаро.

Дон Хуан уверил его, что так оно и было.

Дон Хенаро снова далеко отпрыгнул, и завалился на бок. Прыжок был так внезапен, что я никак не мог сообразить: когда же дон Хенаро успел встать, толкнуться?

Они оба раскатисто засмеялись, а чуть погодя дон Хенаро завыл, в точности как койот.

— Тебе, чтобы схватить союзника, не нужно так хорошо прыгать,— успокоил меня дон Хуан.— Хенаро так прыгает, потому что союзник помогает ему. А тебе нужно лишь устоять на земле, выдержать удар. Встанешь, как Хенаро перед прыжком, а потом бросишься вперед и схватишь союзника.

— Но сначала пусть поцелует талисман,— вставил дон Хенаро.

Дон Хуан, притворяясь сердитым, сказал, что никакого талисмана у меня нет.

— А что ему делать с тетрадками? — не отставал дон Хенаро.— Перед прыжком их нужно куда-нибудь положить. Или, может, пусть отхлещет ими союзника?

— Черт побери! — удивленно воскликнул дон Хуан.— Об этом я не подумал. Спорим, союзника еще никогда не хлестали тетрадками!

Когда дон Хуан кончил смеяться, а дон Хенаро — завывать, как койот, всем нам стало хорошо, радостно.

— Что случилось, когда вы схватили союзника, дон Хенаро? — спросил я.

— Меня очень сильно встряхнуло,— собравшись с мыслями, ответил дон Хенаро.— Я себе такого и представить не мог. Так встряхнуло, будто... будто... даже не знаю, как сказать. Но я за него крепко ухватился, и начал он меня кружить. Так быстро, сильно — ничего вокруг не вижу, все в тумане, но союзника не отпускаю. Кружимся, кружимся... Вдруг чувствую — стою на земле. Оглядел себя: жив, цел, ничего со мной не сделалось. Я — прежний! Понял я, что победил, пересилил союзника, и запрыгал от радости. Как я был счастлив, как счастлив!.. Осмотрелся — места вокруг незнакомые. Я так понял, что союзник занес меня по воздуху в этакую даль, да и бросил. Стал соображать, в какой стороне мой дом и, решившись, пошел на восток. Встреча с союзником кончилась быстро, до вечера было попрежнему далеко. Скоро я напал на тропинку, а потом увидел и людей — мужчин, женщин, идущих навстречу. Индейцы — кажется, племени мазатеков. Окружили меня и спрашивают, куда я иду. «Домой,— говорю,— в Икстлан». «Ты что, потерялся?» — спрашивает один. «Потерялся,— говорю.— А ты откуда знаешь?» «Да ведь Икстлан совсем не в той стороне. Мы сами туда идем»,— объясняет другой. «Пойдем с нами,— стали звать.— У нас есть еда!»

Дон Хенаро замолчал и посмотрел на меня, словно бы ждал вопроса.

— Что же дальше? — спросил я.— Вы пошли с ними?

— Нет, не пошел. Потому что они были не настоящие. Я это с первой минуты понял. Выдавали их приветливые голоса, особено, как стали меня с собой звать. Я побежал прочь. Они окликали меня, крики их долго звенели в ушах, не удалялись, но я все бежал и бежал...

— А кто они были? — спросил я.

— Люди,— коротко ответил дон Хенаро. — Только не настоящие.

— Вроде привидений, призраков,— пояснил дон Хуан.

— Потом я перешел на шаг, успокоился,— продолжил дон Хенаро.— Теперь я был уверен, что иду правильно. Навстречу мне из-за поворота вышли двое индейцев, кажется, тоже мазатеков. Они вели осла, нагруженного дровами. Поравнявшись со мной, они пробормотали: «Здравствуй». «Здравствуйте!» — ответил я и двинулся дальше. Они тоже невозмутимо пошли своей дорогой. Я сбавил шаг, обернулся: идут себе и идут, до меня явно нет дела. Кажется, эти настоящие... «Подождите, подождите!» — крикнул я и бросился вслед. Они придержали осла, а сами стали по обе стороны от него, как бы защищая. «Я потерялся в горах,— сказал я.— Где Икстлан?» Они показали туда, куда шли. «Икстлан очень далеко отсюда, по ту сторону гор,— сказал один.— Идти туда четыре или пять дней.» И они двинулись дальше. Я уверился, что они — настоящие, и упросил взять меня с собой.

Потом один из них развязал мешок и предложил мне поесть. Я насторожился. Как-то очень странно он это сказал... Внутри у меня все перевернулось, я отпрыгнул и бросился бежать. Они кричали, что один я погибну в горах, что идти надо вместе... Голоса их тоже долго не стихали, отдавались зловеще, и я бежал изо всех сил.

Я шел по-прежнему на восток, и теперь уж ни капли не сомневался, что выйду к Икстлану. Призраки пытались запутать меня. Я встретил еще восемь таких: они, должно быть, чуяли, что сбить меня нелегко, и, умоляюще глядя на меня, молча стояли на обочине. Некоторые притворялись торговцами, невинно раскладывали еду, другие товары. Но я не останавливался, даже не смотрел на них.

К вечеру я вышел к долине, и она показалась мне знакомой — словно бы я уже бывал здесь. Но если это действительно было так, значит, я находился к югу от Икстлана. Я стал осматриваться: может быть, соображу, куда идти. И тут я заметил мальчика-индейца, пасшего коз. Мальчику было лет семь, и одет он был так же, как меня самого одевали в детстве. Я был когда-то таким же мальчишкой, тоже пас отцовских коз... Я украдкой следил за ним: он говорил сам с собой, в точности, как и я в его годы, иногда обращался к козам. Он был хорошим пастухом, внимательным, бережным. Не баловал коз, но и не был излишне строг. Я решил заговорить с ним. Громко позвал его, он тут же вскочил, отбежал за скалу и, готовясь в любой момент дать деру, тихонько выглянул оттуда. Он все больше мне нравился. Перепугался, а коз все-таки успел отвести от меня подальше.

Я долго разговаривал с ним. Объяснил, что потерялся и не знаю, как выйти к Икстлану. Спросил, как называется это место — и оказалось, что я нахожусь именно там, где думал. Я очень обрадовался. Теперь понятно, куда идти. Я подивился силе союзника, в мгновение ока занесшего меня в такую даль.

Поблагодарив мальчика, я тронулся в путь. А пастушок вышел из-за укрытия и повел коз по едва заметной тропинке, которая вела как будто бы вниз, в долину. Я окликнул мальчика, и на этот раз он не убежал. Но, когда я подошел, прыгнул в кусты. Я похвалил его за осторожность и спросил, куда ведет тропинка. «В долину»,— ответил он. «А где ты живешь?» «В долине». «А много там домов?» «Нет, только наш». «Где же другие?» Пастушок небрежно, как это сделал бы на его месте любой мальчишка, махнул рукой в другой конец долины. И пошел со своими козами по тропинке. «Подожди,— попросил я. — Я устал и голоден. Отведи меня к своим». «Там никого нет»,— сказал мальчик, и я вздрогнул. Что-то в его голосе насторожило меня. Он заметил это, остановился и повернулся ко мне: «Дома никого нет. Дядя уехал, а тетя работает в поле. Но еда есть. Много еды. Пойдем! »

Я пал духом. Пастушок — тоже призрак... Выдал его голос, излишняя приветливость. Значит, призраки попрежнему охотятся за мной... Мне не было страшно. Я все еще был как бы оглушен после встречи с союзником. Я хотел было рассердиться на союзника и на призраков, но почему-то не мог,— будто бы разучился сердиться — и перестал о них думать. Потом мне захотелось погрустить, потому-что мне очень понравился пастушок, но и загрустить я не смог, и скоро позабыл и об этом.

Вдруг я понял, что мне помогает союзник, и призраки ничего мне не сделают. Я пошел вслед за мальчиком по тропинке. Призраки выскакивали из-за скал, заманивали в пропасть, но моя воля их пересиливала. Должно быть, они это учуяли и присмирели. Теперь они просто стояли возле тропинки; изредка кто-нибудь бросится, но я тут же остановлю его волей. Скоро они совсем отстали от меня.

Дон Хенаро надолго умолк.

Дон Хуан посмотрел на меня.

— Что же дальше, дон Хенаро? — спросил я.

— Я все шел и шел,— сказал он просто.

Казалось, он закончил рассказ, и добавить нечего.

Я спросил, откуда ему было известно, что предлагая еду, индейцы раскрывают себя как призраки.

Он промолчал. Но я расспрашивал дальше: не в обычае ли у мазатеков скрывать, что у них есть еда, или вообще не говорить о еде?

Дон Хенаро сказал, что выдавали их странные голоса, желание непременно увести за собой и особое выражение, с которым они говорили о еде; а догадался он об этом, потому что ему помогал союзник. Сам бы он ничего странного в этих людях не заметил.

— А призраки — тоже союзники?

— Нет, они — люди.

— Какие же призраки могут быть людьми?

— Они — ненастоящие люди. После встречи с союзником все стало ненастоящим, нереальным.

— Чем же все это закончилось, дон Хенаро? — спросил я после долгого молчания.

— Что значит «закончилось»?

— Ну, когда и как вы в конце концов добрались до Икстлана?

Они оба расхохотались.

— Вот чем это, по-твоему, должно закончиться,— проговорил дон Хуан. — Тогда скажу так: путешествие Хенаро ничем не закончилось. И никогда не закончится. Хенаро все еще идет в Икстлан!

Дон Хенаро пронзительно глянул на меня, а потом перевел взгляд вдаль, на юг.

— Мне никогда не добраться до Икстлана,— твердо, но очень тихо, почти шепотом, сказал он.— Иногда мне чудится... Чудится, что он вот-вот откроется передо мной... Но этого никогда не случится. Я даже не узнаю окрестностей. Все другое.

Дон Хуан и дон Хенаро посмотрели друг на друга. В глазах у обоих стояла тоска.

— На пути в Икстлан попадаются только призраки,— добавил дон Хенаро.

Я не понял и взглянул на дона Хуана.

— Всякий, кто ни попадется Хенаро,— существо пустое, недолговечное,— объяснил дон Хуан.— Взять хоть тебя. Ведь ты — призрак, у тебя людские чувства, желания. Вот он и говорит, что встречаются ему на пути в Икстлан одни только призраки.

Я вдруг понял, что путешествие дона Хенаро — метафора.

— Значит, ваше путешествие ненастоящее? — спросил я.

— Путешествие-то настоящее! — воскликнул дон Хенаро.— Вот встречные — ненастоящие. Все, кроме него одного.— Он кивком указал на дона Хуана и горячо добавил: — Только когда я с ним, мир — настоящий.

Дон Хуан улыбнулся:

— Хенаро рассказал эту историю, потому что вчера ты «остановил мир» и, кажется, даже «увидел». Сам ты так глуп, что этого не понимаешь. Я все твержу Хенаро, что ты, несмотря на свою странность, рано или поздно научишься «видеть». Как бы там ни было, в следующую встречу с союзником — если выпадет тебе такая встреча — ты должен сразиться с ним и приручить его. Если выдержишь удар — а в этом я уверен, ведь ты крепок и жил как воин — окажешься живой и невредимый в незнакомом мире. И, разумеется, тебе, как и всем нам, сразу захочется домой. Но домой, в Лос-Анджелес, пути нет. Оставленное там потеряно навсегда. К тому времени ты станешь магом, но не поможет и это; все, что ты любил или ненавидел, все, к чему стремился, останется позади. Лишь чувства не умирают, не изменяются, и маг пускается в обратный путь, зная, что никогда не достигнет родного дома; нет на земле такой силы, что приблизила бы его к любимому городу, людям, вещам — даже смерть тут бессильна. Вот о чем рассказывал Хенаро.

Объяснение дона Хуана подействовало, как катализатор; я приложил рассказ дона Хенаро к своей собственной жизни, и его смысл вдруг обрушился на меня...

— А как же люди, которых я люблю? — спросил я дона Хуана.— Что будет с ними?

— Для тебя они потеряны навсегда.

— Неужели нельзя спасти их, взять с собой?

— Нет. Союзник закружит и перенесет в иные миры тебя одного.

— Но можно же сесть в автобус, в самолет и вернуться в Лос-Анджелес, верно? Ведь Лос-Анджелес никуда не денется?

— Конечно,— засмеялся дон Хуан.— И Мантека никуда не денется, и Темекула, и Туксон.

— И Текате,— совершенно серьезно добавил дон Хенаро.

— И Черные Камни, и Транкитас,— улыбаясь, говорил дон Хуан.

Дон Хенаро назвал еще несколько городов, дон Хуан тоже; долго еще перечисляли они самые невообразимые и смешные названия.

Перевод Т. Тульчинской

Медведь и заяц

Заяц увидел медведя и растопырился от зависти. Медведь сидел на берегу реки, блаженно раскинув короткие мохнатые лапы и ласкал чурбан. Приблизившись к медведю, заяц окончательно растаял: колода с медом без видимых признаков пчел благоухала в медвежьих объятиях.

— Вкусно? — очень вежливо спросил заяц.

— Попробуй,— вальяжно ответил медведь.

— Боюсь,— трепетно взалкал заяц.

— Чепуха,— облизнулся медведь.

— Тебе-то «чепуха», ты спрячешься в воде и хоть бы что, а я не могу в воду, мне все одно, что от пчел погибнуть, что в реке утонуть.

— Ну что же,— рассудительно сказал медведь. — Кто, брат, взыскует, тот обрящет. А на том свете мед еще слаще.

— Да?! — изумился заяц.

— Там, брат, все есть,— степенно стал поучать медведь.— Там мед слаще, потому что мед есть, а пчелиности нет. Там один только мед.

— А кто же тот мед собирает, без пчелы как же? — недоумевал заяц по простоте.

— По милости, мой юный друг, по милости божией.

Заяц готов был пленится, однако трепет страха никак не превращался в благоговейный трепет.

— А есть там пчелиность без меда? — вдруг сиганул заяц от безысходности в схоластику.

— Там, брат, все есть,— обнадежил медведь зайца.

— Как же так?! А если я не к меду, а к пчелам?! — ужаснулся заяц.

Медведь отставил колоду с медом, гедонистически облокотился на нее и поучал:

— Должен тебе сказать, брат, что все зависит только от твоего желания. Слово это хлипкое, но то, что за ним стоит — монументально. Нет силы сильнее желания. Все в нем. Однако желание надо выращивать и копить, оно должно быть одно и в нем, единственном, будет копиться вся твоя сила. И тогда ты будешь попадать туда, куда захочешь. К меду или к пчелиности. А безусловно одно — и мёд, мой юный друг, и пчелиность — внутри тебя. Все, что вокруг и вне тебя — оно и внутри тебя. И прежде всего внутри тебя.

Зайчик смутился, а затем очнулся и прошептал:

— Морковки бы.

Медведь ласково взирал на опустевшее место. Заяц исчез, словно растворился.

В. АХРАМОВИЧ

ДОПУЩЕНА ОШИБКА

При подготовке материала «Святой старец Александр Благословенный» по вине редакции допущена ошибка: воспроизведена фотокопия почерка, который автор статьи отнюдь не считает принадлежащим Федору Кузьмичу или Александру I. На это указал автор присланного в редакцию материала после выхода в свет журнала. Автор также считает недопустимым ставить кавычки в выражении «посмертная» маска Александра I, так как это, с его точки зрения, ставит под сомнение подлинность маски. Автор особо недоволен тем, что присланный в редакцию текст был значительно сокращен в процессе редактирования. Впрочем, автор критикует не только «Науку и религию», но также журнал «Вопросы истории» и «Учительскую газету», обвиняя все редакции в преднамеренном искажении истины.

Признаемся, у нас были сомнения в правомерности высказываемой автором версии, и они остаются. Однако мы вынесли ее на суд читателя. Что касается неточностей в изложении позиции автора, то их, конечно, можно было бы избежать, если бы он, отсылая материал в редакцию, указал свой обратный адрес. Впрочем, это всего лишь объяснение, но отнюдь не оправдание. Мы приносим свои извинения и сообщаем, что журналист, готовивший материал к печати, строго предупрежден.

ПРÓЩА на Владимирской дороге

Александр ШАМАРО

В дореволюционной Москве, кроме большого церковного мира, включавшего в себя соборы, храмы, церкви всех разновидностей: приходские, монастырские, домовые, кладбищенские — всего их насчитывалось к 1915 году около шестисот (в старых городских границах по линии бывшего Камер-Коллежского вала), был ещё малый — часовенный. О нём и поведём речь.

Что такое часовня? Это — тоже культовое строение, но без алтаря. И поэтому — уже не храм, а храмик, или храмина, как было принято издревле говорить иа Руси... А без алтаря нельзя совершать главнейшее христианское богослужение — литургию или, по-русски, обедню... В часовне служат «часы» — так называется существенная часть суточного православно-богослужебного круга, дошедшая до наших времён из глубокой, раннехристианской древности. Тогда христиане отличались особенной ревностью в вере и неукоснительно собирались на общую молитву в первый, третий, шестой и девятый часы (в общепринятых сутках — шестой, девятый часы до полудня, полдень и три часа пополудни). Каждый из этих «часов» слагался из чтения трёх псалмов, нескольких песнопений и молитв. Позднее церковь соединила первый час с утреней, которую он и стал завершать; третий и шестой часы стали служить перед литургией— обедней; и, наконец, девятый час совершался перед вечерней.

В так называемых общинных часовнях, то есть часовнях при приходских церквах, совершали также крещения, отпевания, панихиды.

Часовни на Руси возникли тогда же, когда появилось здесь православие; они были своего рода авангардом в наступлении «новой веры» на тысячелетнее восточнославянское язычество — их на скорую руку сооружали на месте языческих капищ, кумирен, мольбищ, знаменуя этим, пусть пока символически, торжество христианства.

Малый, часовенный мир столь же разнообразен, как и мир собственно церковный, храмовый... Помимо уже упомянутых общинных часовен, были монастырские, кладбищенские, домовые, путевые... В кладбищенских совершалось отпевание. Монастырские напоминали верующему люду о тех или иных иноческих обителях и призывали совершить паломничество к их святыням; в них собирали пожертвования в монастырскую казну. Домовой часовней (или уж, по крайней мере, часовенкой) можно было назвать всякую домашнюю молельню, и не обязательно в отдельном помещении устроенную, это мог быть и просто киот с лампадкой в переднем («красном») углу. Дорожные возникали на самых важных, оживлённых

Такой была часовня-прóща до 1889 года

Василий Александрович Александров. На его деньги была построена новая часовня.

трактах, дабы путники, выезжающие из города, могли вознести молитвы с упованием на благополучную поездку, а путники, прибывшие в город, — возблагодарить небесных заступников за то, что завершили путешествие живыми и здоровыми и без потерь в имуществе и деньгах. К дорожным часовням на Руси — в России относились и так называемые про́щи, само название которых позволяет догадаться о том, что ими были отмечены места, где прощались те, кто отправлялся в дальний путь, с теми, кто их провожал.

С незапамятных времён стояла такая проща и в самом начале старинной и, быть может, из всех старинных самой знаменитой Владимирской (точнее было бы сказать — Владимирско-Нижегородской) дороги. Той самой, которая в границах нынешней Москвы переименована в шоссе Энтузиастов.

Впрочем, почему «стояла»? Она и сейчас стоит в конце короткой Тулинской (до 1919 года — Вороньей) улицы, в двух шагах от площади Ильича (до того же года — площадь Рогожской заставы). Другой вопрос — насколько она сохранилась и для какой надобности теперь используется... На фотоснимках вы видите и старую часовню, просуществовавшую до 1889 года, и новую, сооружённую сто лет назад (см. 4-ю страницу обложки). От неё осталась сегодня часть без шатрового навершия (здесь, по иронии судьбы, теперь часовая мастерская).

«Если б обозреть все часовни на святой Руси, — писал крупный исследователь и популяризатор российских церковных древностей И. М. Снегирёв, — то можно бы открыть много любопытного и важного для отечественной истории и археологии».[1]

Проща в начале легендарной Владимирки как нельзя лучше иллюстрирует эти слова. Часовня эта хранит память о событии, которое произошло здесь — ни много ни мало — 626 лет тому назад.

В 1365 году разразилась межкняжеская распря в Нижегородско-Суздальском княжестве, которым «володели» три брата Константиновича. Неурядицы начались со смертью старшего, володевшего по праву старшинства самым многолюдным и самым богатым городом — Нижним Новгородом. По тому же праву город этот должен был отойти к среднему брату — Дмитрию Константиновичу. Но не тут-то было! Младший — Борис Константинович — опередил законного наследника и «уселся» в Нижнем. В обоснование такого своеволия и бесчинства он выставил ханский «ярлык» (грамоту) на своё княжение, полученный им из Золотой Орды. Но «ярлык» имел и Дмитрий, — чему не приходится удивляться, помня о том, что в те же годы междоусобицами (русские летописцы называли их «замятней»), и куда более ожесточёнными, свирепыми, нежели на Руси, охвачена была и Золотая Орда (в течение двух десятилетий — 1360 — 1380 — на золотоордынском престоле сменилось 25 ханов; случалось, одновременно царствовали по два, а то и по четыре хана). Дмитрий Константинович решил искать справедливости и защиты законных прав своих в далёкой Москве. Москва уже начинала главенствовать в пока ещё порабощённой Северо-Восточной Руси. В то время московским князем был пятнадцатилетний Дмитрий Иванович, фактически же правил проницательный, мудрый и мужественный митрополит Алексий, заменивший Дмитрию отца.

По жалобе Дмитрия Константиновича митрополит и князь позвали Бориса Константиновича в Москву, дабы по справедливости разобраться в конфликте. Но Борис отклонил их предложение. И тогда митрополит принял решение послать в Нижний Новгород с особой миссией и особыми полномочиями своего ближайшего сподвижника — игумена Сергия, настоятеля Троицкого монастыря... Того самого игумена, которому суждено было войти и в историю (и в святцы) Русской православной церкви, и в историю всей Руси-России преподобным Сергием Радонежским.

Вот тут-то мы и подошли к событию, легендарную память о котором и по сей день безмолвно хранит часовня в начале бывшей Владимирской дороги.

Прибыв в стольный град и получив напутствие и благословение от митрополита, Сергий тронулся в дальний, трудный и опасный путь. Путь, начинавшийся на высоком берегу Яузы, от бревенчатых стен всего за несколько лет до этого основанной иноческой обители во имя Спаса Нерукотворного — будущего Спасо-Андроникова монастыря. К созданию этой обители самое прямое отношение имели и митрополит Алексий, и игумен Сергий: первый повелел основать её во исполнение обета и в благодарность небесным покровителям за спасение своё в страшную бурю на просторах Чёрного моря, а второй по просьбе митрополита прислал для возглавления новорожденного монастыря одного из своих воспитанников — инока Андроника, который и стал первым игуменом Спасонерукотворной, или просто Спасской, обители. Мог ли Сергий не заглянуть к Андронику в гости перед путешествием на Волгу? И мог ли игумен не проводить его насколько возможно далеко по Владимирско-Нижегородской дороге? Не в монастырских же воротах прощаться со столь почитаемым и любимым наставником...

И проводил, как сообщает старинное предание, до того самого места, где стоит мемориальная часовня; не более версты... Ныне и представить невозможно, как всё выглядело вокруг шесть с четвертью столетий назад!.. Дорога — вроде обычного просёлка где-нибудь в самых захолустных нынешних архангельских

[1] Снегирёв И. М. Часовни в русском мире (Душеполезное чтение). 1862. ч. III. С. 253.

Окончание на 4-й странице обложки

ШЕДЕВРЫ ЭРМИТАЖА

Священник
Александр САЛТЫКОВ

Выдающийся неведомый художник далекого средневековья (XII век), трудившийся, вероятно, в одной из столичных константинопольских мастерских, создал этот образ, сохраненный для нас временем,— образ великого Отца Церкви и чудотворца, святителя Григория Неокесарийского. Святой Григорий, живший в III веке, всегда чтился Православной Церковью как великий борец против зла и разрушения. Он силой личной молитвы и любви боролся против унижения, разврата, распада личности в окружавшем его и Церковь языческом мире, против космических и гностических культов, наполнявших человеческие души смутными переживаниями непонятного и темного происхождения. Это были те же самые культы, которые получают широкую популярность сегодня и о которых в самой доступной и увлекательной форме повествуется в «Науке и религии». Это были также же лжехристы и лжепророки,как, например, какой-нибудь Порфирий Иванович, и творимые ими «чудеса» так же ослепляли толпу, жаждущую хлеба и зрелищ...

Как глава местной Церкви и как подвижник, святой Григорий заботился и о благополучии, и о духовном просвещении народа. Он учил, что Б о г е с т ь а б с о л ю т н о д у х о в н о е С у щ е с т в о. Жалкое заблуждение — отождествлять Бога с природой. Жалкое и неразумное хотя бы по той причине, что природа — изменяема, а Божество, по абсолютности,— неизменяемо... Существует таинственный, непостижимый и по Своей природе неизменяемый Творец всех миров, и существует созданный Им, ради Его собственной славы, космос, как бы бесконечная, но и ограниченная грандиозность которого достойна Создателя.

Имеются ли скрытые, тайные космические силы? Конечно, имеются. Есть ли способы овладения ими? Да, есть. Но только силы эти — т в а р н ы е, и не только тварные, но подверженные разделению и страданию. Следовательно, несовершенные, хотя и могущественные, с человеческой точки зрения. Все несовершенное отделено от Бога. Все отделенное потеряло свет Его, стало темным. Но «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1 Ин. 1:5). К Свету обращайтесь, братья и сестры! К Чистейшему Свету, исходящему от Сверхразумного Источника Света и Любви, к Свету, происходящему от Света, Богу истинному, рожденному от Бога истинного!..

Взгляните еще раз на образ святого Григория. Не становится ли светоносным тот, кто хочет жить во Свете, приемлет Его в себя? И лик, и одежды святого как бы пронизаны особой, теплой светлостью. И книга, которую держит он в руках, испускает свет, но другой,— свет огня. Потому что это совершенно особая Книга, которую даже нельзя держать обнаженной рукой, дабы не опалиться. На обложке ее — крест. Книга — Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Книга огненосных слов священных, сила и мудрость которых просветляет разум и упокаивает сердце каждого чтущего ее вот уже около двух тысяч лет. Она стала основой великой европейской культуры. Святой епископ касается ее лишь слегка своими пальцами, как бы говоря: вдумайтесь, почему именно эта Книга имеет особенное значение для всего мира, почему именно вокруг нее столько борьбы, столько разделений и соединений. Потому, что помимо нее ни одна религия и никакая философия не знают полноты и глубины простых и великих истин о том, что любовь и чистота, которые есть основы жизни, требуют совершенства, и это совершенство даруется человеку только свыше, если человек его ищет и просит Отца Небесного. И только в этой Книге объяснено, что такое покаяние, без которого нет совершенства. Ведь что бы мы с вами ни делали, но если не увидим недостатков в своей работе — не сможем их исправить и достичь лучшего. Покаяние — усмотрение собственного несовершенства с желанием его исправить. Поэтому покаяние — творчество, и самое великое, ибо оно есть воссоздание человеком личности в самом себе, воссоздание богоподобия через причастие Божественному Свету в богослужении христианском. Оно есть путь соединения со Святой Троицей.

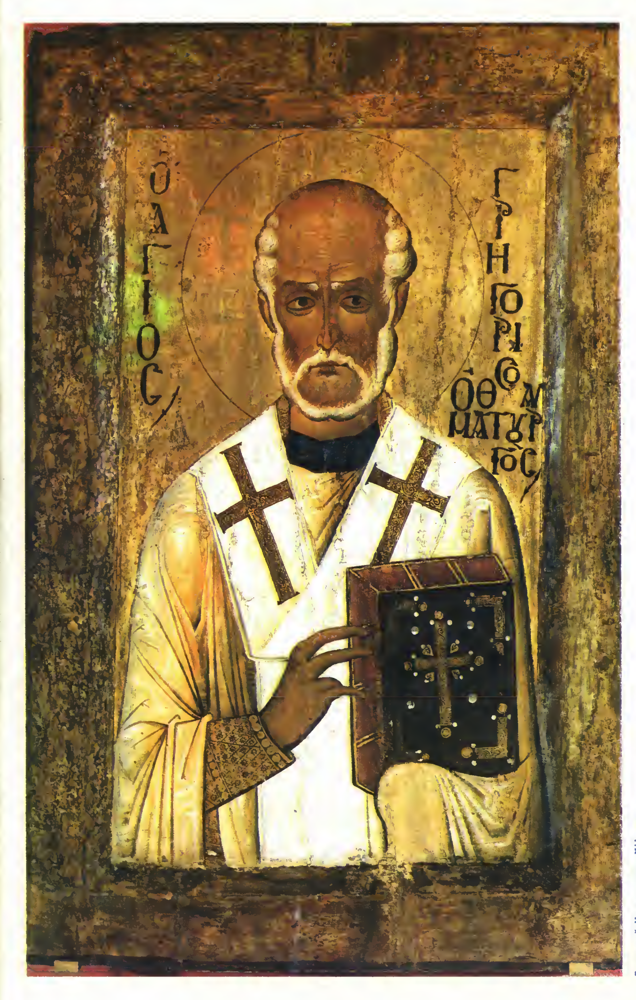
В мире все полно тайн. Существует таинственная связь мира видимого с миром невидимым, которая открывается в подвиге святости, когда подвижник, силою любви и покаяния, с помощью божественной благодати, как бы разрывает узы плоти, все земные и космические притяжения и соблазны, и весь устремляется к нетварному, божественному бытию. Тогда ему открываются несказанная красота и мудрость, и он сам становится земным ангелом и небесным человеком. Но только понастоящему смиренным дается все это, смирение же достигается несением креста, покаянием и послушанием. Все это было у святого Григория. Однажды в откровении ему явились Дева Мария и апостол Иоанн Богослов, и апостол Иоанн научил его тайне почитания Святой Троицы. Вот это учение:

«Един Бог, Отец Слова Живого, Премудрости Ипостасной, Силы и Образа Вечного, Совершенный Родитель Совершенного, Отец Сына Единородного, Един Господь, Единый от Единого, Бог от Бога, Образ и Изображение Божества, Слово действенное, Премудрость, объемлющая состав всего существующего и творческая Сила всей твари, Истинный Сын Истинного Отца, Невидимый, Нетленный, Бессмертный и Присносущий Сын Невидимого, Нетленного и Присносущного Отца. И Един Дух Святый, Который имеет Существо от Отца и явлен людям чрез Сына, Совершенный Образ Совершенного Сына, Жизнь, Причина всего живого, Источник Святый, Святыня, подающая освящение, в Котором открывает Себя Бог Отец, иже над всеми и во всем, и Бог Сын, иже чрез всех, Троица совершенная, славою, вечностью и царством неразделяемая и неотчуждаемая. Итак, в Троице нет ничего сотворенного, или служебного, или привнесенного, как бы прежде не бывшего, а впоследствии привзошедшего. Итак, ни в чем у Сына не было недостатка пред Отцом и у Святого Духа пред Сыном, но непременна и неизменна есть всегда та же Троица».

Вот великое учение о тайне Божества, открытое только Церкви. Вот куда вел святой Григорий своих учеников и детей духовных. Когда это знание проникает в сердце, оно не возбуждает гордость, а дарует благостный покой, подобный ощущению окончательно достигнутой цели. Этот покой мы видим в облике святого Григория: невозмутимость, сопряженная, однако, с деятельностью, ибо жизнь духовная, по выражению другого великого отца Церкви, святого Исаака Сирина, «есть деятельность без участия чувств». Это деятельное бесстрастие — в волевой сосредоточенности удивительно чистого лика. Брови чуть сдвинуты, взгляд внимателен и наполнен мыслью, уста сжаты в сложную, чуткую линию,— вот-вот святитель заговорит, ибо дело епископа — учить.

...Льются изо уст ученика Пресвятой Троицы слова о стяжании благочестия и целомудрия, о величии божественной Любви, о непостижимой Жертве Сына Божия, сошедшего на землю и распятого за грешников... Учит святитель, что каждый человек есть возлюбленное дитя Божие, что каждому дана богоподобная свобода придти к Отцу Небесному и принять от Него дары вечной жизни — радость, мир, покой. И предупреждает, что есть страшные враги у каждого человека, коварные, жестокие, опытные: «миродержители века сего», «духи злобы поднебесной», «князья воздушные», те самые, которые воруют «космические энергии» нашего падшего мира и изобретательно выдают себя то за «инопланетян», то за ангелов, то за что-нибудь еще,— каждому по потребностям. Иногда именуют себя носителями какой-то особенной «мудрости», иногда внушают, что никакого другого мира, кроме земного, не существует. Цель всегда одна: пробудить в человеке низменное, опутать гордостью, тщеславием, самомнением, ненавистью и взаимной враждой, толкнуть на путь разврата, довести до преступления и, таким образом, погубить.

Итак, стоит каждый человек на распутье: пойдешь направо, по узкой тропе нравственного подвига, евангельских заповедей служения Богу и ближнему,— обретешь духовное восстановление и развитие собственной личности, поймешь смысл жизни, получишь вечность. Пойдешь налево, по широкому пути вседозволенности или мистико-космических мечтательных блужданий,— попадешь в руки духовных разбойников.

Григорий Чудотворец. XII век.
По обе стороны нимба — надпись
по-гречески:
«Святой Григорий Чудотворец».

ПРОЩА
на Владимирской дороге

Начало на с. 62

лесах, и вплотную к шляху с обеих сторон — высоченные и плотные лесные стены (теперь на Тулинской улице — ни деревца, ни кустика).

Тут-то и попрощались они — два монаха, два игумена, учитель и ученик. Обнялись, наверное, побратски и поклонились друг другу до земли, до густой и высокой придорожной травы. Сергий отправился в путь. Долгий путь — четыреста вёрст... Насколько известно, Сергий Радонежский предпочитал путешествовать пешком, и даже если он преодолел это расстояние не в одиночку, а в сопровождении одного или нескольких иноков и послушников своей обители (так скорее всего и было), то и в этом случае путешествие по плохой дороге через леса, да еще в такое лихое время, было, бесспорно, истинным подвигом. К сожалению, он не был увенчан успехом той политической миссии, ради которой совершался. Князь Борис Константинович — при всей (для тогдашних времён совершенно несомненной и глубокой) набожности — от увещеваний даже такого почитаемого посла, попросту говоря, отмахнулся. Не подействовала на него и та, можно сказать, исключительная акция, которую Сергий (имея на то поручение и разрешение митрополита) вынужден был предпринять: он «затворил» (закрыл) в Нижнем Новгороде все церкви и пригрозил наложить на всех нижегородцев церковное отлучение. Покорился строптивый князь лишь посланному из Москвы войску.

Как сохранилась память о месте прощания до построения на нем первой часовенки?.. Скорее всего, по древней русской традиции, здесь, на обочине, еще при игумене Андронике вкопан был простой деревянный крест. Какое-то время спустя, как предполагают, построена была (когда именно — неизвестно) бревенчатая часовенка. О том, что представляли собой такие храмины, можно судить по описанию типичных из них, приведенному в упомянутой статье И. М. Снегирева: «Избушка с рундуком[2], или крылечком под навесом, и с одною входною дверью на запад; кровля ее на два ската, с крестом на коньке, или шатровая в виде башенки, крытой гонтом[3] или черепицею...»[4]

Часовню изначальную, бревенчатую заменили каменной, как предполагают, в самом начале XVI столетия, в годы княжения государя Ивана III Васильевича и сына его Василия III Ивановича, по воле спасоандроникова архимандрита Митрофана. Этой часовне уготована была долгая жизнь — почти в четыре века. Возникла и разрослась монастырская Воронья слобода, со временем образовавшая Воронью улицу, кирпичные дома которой уже в прошлом веке бережно обстроили древнюю храмину. 4 сентября 1812 года над часовней, как и над всей этой частью Москвы, включая и Спасо-Андроников монастырь, пронёсся апокалиптически страшный «наполеоновский» пожар, который, однако, как полагают, спалил только деревянный верх. Его надстроили заново (высота часовни достигла восьми с половиной метров), и в таком виде простояла она до 1889 года.

Мысль о замене старой, неказистой, вконец обветшавшей часовни новой, более высокой и просторной, красивой возникла не случайно: вплотную подошёл в высшей степени важный и знаменательный для российского православия юбилей — 500-летие со дня преставления преподобного Сергия, игумена Радонежского, всея России чудотворца (25 сентября 1392 года). Архитектор Александр Афанасьев составил проект, а московский купец Василий Александрович Александров пожертвовал деньги на это доброе (не только с церковной точки зрения) дело, и к юбилейному Сергиеву дню новая часовня (высотою уже свыше 19 метров) была возведена.

С полным на то основанием можно считать её памятником архитектуры: перед нами (на старой фотографии, а не в нашей «суровой» действительности) — пусть скромное и непритязательное, но типичное творение в столь популярном, «модном» в те времена неорусском стиле.

---

[2] Рундук — мощёное возвышение со ступеньками (приступками), перед входными дверями.

[3] Гонт — «короткая дранка... иногда с закругленным концом для покрышки кровель в виде чешуи;... гонт колется из мелких обрубков и, по тонкости, скоро после дождя сохнет, а потому и не гниет» (Даль В. И Толковый словарь Т. I. С. 374).

[4] Снегирев И. М. Указ. соч. С. 257

Адрес подписчика

1 р.
(по подписке 60 к.)
Индекс 70602